

СТЕФ ХУВЕР

Я
ИДУ
ИСКАТЬ

КЛЕТКА

Annotation

В элитной частной школе начинается новый учебный год.

Но для Сэлла и Амелии школа – настоящая тюрьма за высоким забором, с комнатами, которые запираются на ночь. Из этой клетки не вырваться, не сбежать. Впрочем, одному старшекласснику это удалось: Брэд Гриффит исчез буквально за пару недель до летних каникул, и никто до сих пор не знает, где он.

А вот сестра Брэда Шейла не верит в побег и уверена: с ее братом случилось что-то страшное. И раз полиция не торопится расследовать исчезновение, она решает идти по следу в одиночку. Тем более что находит совсем свежий обрывок рисунка, который делал Брэд... Так какие же секреты скрывает благополучный фасад элитной школы?

- [Стеф Хувер](#)
 -
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)

- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Глава 48](#)
- [Глава 49](#)
- [Глава 50](#)
- [Глава 51](#)
- [Глава 52](#)
- [Эпилог](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)

o 5

Стеф Хувер

Клетка

Серия «BestThriller»

BEST *Thriller*

© Стеф Хувер, 2019

© Макет, оформление. ООО «РОСМЭН», 2019

* * *

Пролог

– Вот дрянь! – Амелия дернулась и сунула указательный палец в рот. Упавшие ножницы звякнули об пол. Привкус крови немного отрезвил девушку, и она огляделась.

Глянцевые обрезки были разбросаны по всему полу: ворох прошлогодних журналов с дырками вместо лиц, фотоальбом с пустыми изорванными страницами, у коленей – единственная уцелевшая фотография.

Амелия долго смотрела на нее. Сидела неподвижно и смотрела. Будто впитывала образ. Надеясь, что до того, кто там изображен, долетит ее ненависть. И он именно сейчас споткнется на лестнице, или подавится за ужином, или... Но в какой-то момент буря, бушевавшая в душе, сошла на нет, выгорела, расплавилась и растеклась тонкой восковой пластиной на блюде. Губы девушки дрогнули, рука опустилась, и пальцы скользнули по гладкой поверхности фотобумаги. Лоб, нос, щеки... Хотелось вновь коснуться кожи, почувствовать дыхание... Услышать добрые слова. Получить ободрение. Даже просто – улыбку.

Но она вдруг вскрикнула:

– Дрянь! Дрянь! Дрянь! – и принялась нещадно рвать в мелкие клочки то, что еще напоминало ей о прошлом.

Глава 1

Шейла

Из головы не выходил Брэд. С того самого дня, когда позвонили из школы и сообщили, что он сбежал. Просто-взял-и-сбежал. Налегке. С водительскими правами, кредиткой и еще какой-то мелочью. Оставив почти все свои вещи, которые через несколько дней привез посыльный. В конце учебного года. За две недели до каникул.

Поверили все, включая друзей и родителей. Брэд такой, он может: почувствовал себя взрослым и сделал ноги. Но она, старшая сестра, не поверила. Потому что Брэд бы сказал! Написал бы записку! Черкнул бы сообщение в мессенджере! Да как угодно оставил бы зацепку! Шейла всегда была для него самым близким человеком. Разница между ними всего ничего – два года, и понимали они друг друга с полувзгляда-полувздоха. Поэтому не мог Брэд просто сбежать! Просто раствориться в мировом пространстве!

Да, школа брата напрягала. А кого она не напрягает? Тем более с такими порядками, как в той, куда его отправили. Но он собирался поступать в универ, у него были планы. Он делился ими с сестрой. А тут вдруг раз – и отказался от всего! Без видимых на то причин? Брэд не связывался ни с плохими компаниями, ни с наркотой – ему было тяжело запудрить мозги.

Поняв, что никто не собирается искать Брэда, потому как отчеты полиции больше напоминали дежурные отписки, Шейла взяла дело в свои руки: купила документы на новое имя, прибавив себе возраста, диплом с правом преподавания и прислала резюме директорше. Та отозвалась довольно быстро. Задала какие-то незначительные вопросы: о семье, про мировоззрение, про возможность переезда на время учебного года. Видимо,

ответы Шейлы ее устроили. И девушка рванула.

Школа располагалась вдали от крупных населенных пунктов, в живописном месте: перелески, бескрайние поля, река. На территории – огромный стадион с основным и тренировочным полем, теннисные корты. Имелся и закрытый бассейн, рядом со спортивным залом. И конечно, учебный корпус. А еще жилой для студентов, с просторной столовой на первом этаже. Квартиры преподавателей размещались в боковом крыле административного здания, а вот остальной персонал проживал в отдельном домике поодаль от основных.

Везде выложенные камнем дорожки, декоративно подстриженные кустарники, миксбордеры, огромная оранжерея. Короче, все за ваши денежки – живите, учитесь, наслаждайтесь. Хотя нет, про «наслаждайтесь» – спорно. Шейла не заметила ни одного укромного уголка, все на виду.

Тяжело было идти по дорожкам и не думать, что здесь проходил Брэд. Что каждый камешек, каждый листик являлся невольным свидетелем чего-то такого, что могло быть связано с исчезновением брата.

Директриса – приятная молодая женщина – ничего не заподозрила. Приняла Шейлу как полагается, самолично преподнесла устав школы, рассказала о распорядке и правилах, даже показала фотоальбомы. Первый выпуск, учебные будни, лучшие из лучших... На одной из фотокарточек улыбался Брэд. Чего стоило Шейле не выдать себя! Душа рвалась и выворачивалась наизнанку! Но она сделала вид, что ужасно утомлена дорогой, получила ключи от комнаты, извинилась и любезно распрощалась.

Оказавшись на месте, Шейла первым делом убедилась, что заперла за собой дверь. Это должно войти в привычку, расслабляться нельзя. Встала напротив зеркала и долго рассматривала свое отражение. Что она хотела в нем увидеть? Подтверждение, что поступает правильно? Нет... Как раз в этом-то она меньше всего сомневалась. Может быть, знакомилась с собой «под маской»? Наверное. Гнать в шею веселую, наивную в чем-то девочку. Ее больше нет. Та девочка не общалась с контингентом, который мог сострять липовые документы, она училась в универе и очень любила брата. Сейчас только эта любовь и осталась.

Массовый заезд учеников планировался в конце недели. Шейла рассчитывала все здесь изучить, возможно, найти подсказки, куда мог деться брат. И понять, почему не завели серьезное дело о пропаже подростка? Почему просто списали исчезновение на побег?

В этом году класс, в котором учился Брэд, выпускной. Со дня на день вернутся его одноклассники. Расселятся по своим комнатам. Но станут ли

они откровенничать по поводу своего приятеля? Наверняка уже забыли его. Брэд не звезда, не лидер, он всегда был сам по себе. Был... Нет! Нет! Он и сейчас *есть* – она чувствовала!

Шейла не представляла, с чего начать, но знала, что даже семечко информации в итоге дает плоды. Сколько неприметных людей ходят туда-сюда по периметру огороженной территории!

Она выглянула в окно.

Вот, к примеру, садовник. О чем он молчит? Что слышал? Что видел? Что знает? Возможно, если наладить с ним контакт, получится что-то разузнать?

И Шейла поспешила выйти в сад.

Каменная дорожка, петляя и извиваясь, привела ее от заднего двора к затененной беседке, возле которой топтался мужчина – невысокого роста, субтильного телосложения, в фирменном комбинезоне с логотипом школы. Кажется, садовник подрезал кустарники и был погружен если не в работу, то в собственные мысли точно.

– Извините, – решительно начала Шейла, но вдруг замялась, опасаясь навлечь подозрения на саму себя. Поэтому как бы заинтересованно огляделась по сторонам и сказала: – Огромная территория! И все в идеальном состоянии! У вас, должно быть, совсем нет времени для передышки.

Садовник в ответ лишь бросил короткий взгляд.

– Я в школе каких-то пару часов... – продолжала Шейла. – Разрешите узнать... Кстати, не желаете? – Она протянула пачку сигарет собеседнику.

– Курить здесь запрещено, – буркнул садовник.

– Простите... А где можно? – нервно улыбнулась она.

– Где угодно, но за территорией.

– А выйти я могу... – Шейла кивком указала в конец сада.

– Нет.

– Только через главные ворота?

– Да.

Ну и бука же этот садовник!

Шейла покрутила в руках пачку, посмотрела в небо, хотела было еще что-то спросить, но передумала. Мужчину явно не радовало общение. Что ж, возможно, он и не в курсе. И вообще работает здесь только пару недель. На Шейлу нахлынуло волной осознание собственной наивности. В воображении все казалось таким простым: приехать, расспросить, найти следы Брэда, а потом и его самого. На деле же... Все не так.

Она сунула сигареты в карман и решила самостоятельно исследовать

территорию. Свернула по тропинке влево и скрылась за густой листвой плодовых деревьев.

В саду одуряюще пахло яблоками. Они свисали с веток, валялись под ногами. Интересно, в меню есть шарлотка? Или яблоки, запеченные с медом и орешками? В животе приятно засвербело. Но развить мысль о кулинарных пристрастиях она не успела.

Вдалеке слышался смех и отголоски разговора. Явно мужчина и женщина – преподаватели или кто-то из obsługi. Ни с кем больше знакомиться пока не хотелось, поэтому Шейла свернула с основной тропы на боковую: не такую широкую и, похоже, не слишком популярную для прогулок. Пришлось нагибаться под свисающими ветвями, маневрировать между часто посаженными кустарниками.

Зато в конце пути Шейлу ожидал сюрприз: она вышла к калитке в заборе, который огораживал по периметру всю школьную территорию. Дернула – заперто. Замок старый, но смазан – скважина блестит, – значит, периодически открывается. Да и тропа не прерывается, а уводит куда-то дальше, за калитку.

Шейла пошла вдоль забора – возможно, где-нибудь найдется лаз, через который ученики могли выходить за территорию? Но через полчаса, не меньше, вышла только к воротам центрального входа. Охранник сначала пристально наблюдал за ней, а потом, видимо, признал и потерял интерес – отвернулся. Конечно, она же не ученик, да и занятия еще не начались.

Однако калитка возбудила любопытство. Девушка повторила путь вдоль забора, но теперь уже с внешней стороны. Добралась до тропы, а та, в свою очередь, привела ее к реке. Довольно пологий берег, чистая вода, и течение не слишком быстрое. Захотелось даже искупаться, но Шейла не рискнула – просто сняла обувь и погрузила пальцы в мелкий прибрежный песок.

Бреду здесь наверняка нравилось. Он любил плавать. Вода – его стихия. В детстве не раз удирали, стремясь к морю, подальше от мегаполиса, высоток и скоростных жил шоссе. Вылавливали, возвращали с руганью и записями к психотерапевту. Отец кричал, обвинял мать, что это ее порода, как будто она в ответе за то, в какой семье родилась. Мать предпочитала отмолчаться.

Шейлу отец любил больше, чем сына. Девушка это знала наверняка. Она походила на его бабушку – кажется, та была родом из России. Это модно сейчас – русские корни. Но отец любил бабушку не потому, что модно. Просто любил.

Шейла села на песок. Принялась задумчиво просеивать песчинки

между пальцами. Погружалась руками в глубину, зачерпывала полную горсть, следила, как та высыпается тонкой струйкой, невозвратимой, как время.

Мысли текли так же. Ни о чем. Знать бы, за что зацепиться, хоть какую-то подсказку. Копы завели дело о пропаже Брэда. Но понятно, что оно – висяк. Подумаешь, подросток сбежал – труп же нет. По статистике, по всему миру каждый день убегает из дома несколько сотен парней и девушек: кто-то от тяжелой жизни, кто-то в поисках перемен и себя, кто-то ради прикола. Шейла чувствовала, что все это не про Брэда. Только для этого надо его очень хорошо знать. На поверхности же – натянутые отношения с отцом, сложный характер и факт общения с душеведом.

Подул ветер. Шейла прикрыла глаза, сама не зная, от чего слезы: от попавшего песка или воспоминаний о брате, о собственном бессилии. Когда проморгалась, рядом с ногой заметила клочок бумаги – обрывок тетрадного листа или блокнота. С краю виднелась уцелевшая часть рисунка, в которой можно было угадать обнаженное плечо... Впрочем, на таком клочке может показаться все что угодно.

Брэд любил рисовать...

Держа обрывок в одной руке, другой она достала телефон, открыла папку, в которой сохраняла рисунки. И похолодела. Самый последний из отправленных... Еще подумала в тот момент, что брату, должно быть, очень одиноко, раз ему в голову приходит такое.

Увеличив фото и передвинув на экране так, чтобы осталась именно та часть, сравнила с картинкой на обрывке листа...

В голове зашумело. Сердце сбилось с размеренного ритма. Один в один! Но как клочок мог сохраниться так хорошо?

Линии не размыты, бумага едва смята. Такого просто не может быть. Если, конечно, рисунок не порвали буквально сегодня.

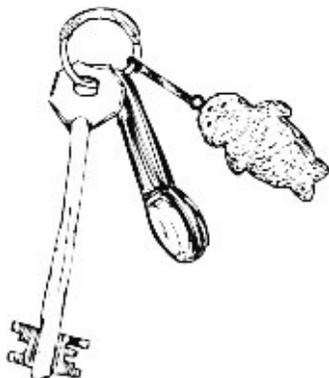
Только кто?

Шейла вскочила на ноги и огляделась.

Глава 2

Амелия

Школа для Амелии началась с лязга двери за спиной. Показалось даже, что это захлопнулась старая жизнь, а новая встретила пустым холлом, по которому блуждало эхо. Многообещающее начало.

– Эй! Есть тут кто? – крикнула в стиле героев тупых триллеров.

Еще недавно посмеивалась над этим, а теперь делает так же. Хотя ведь за этой фразой всегда следуют неприятности, все влипают в кучи говна по самые уши, а надо лишь развернуться и бежать отсюда. Впрочем, куда бежать? Папочка уже укатил, проследив, чтобы Амелия вошла в двери, а на своих двоих далеко не утопаешь. Тем более через проходной пункт. Охрана, как в тюрьме. Там Амелия, конечно, не была, но в фильмах всегда показывают.

В сердце затикали часики. Пока еще не часовая бомба, до взрыва далеко. Можно осмотреться, и наверняка что-то придумается.

Амелия сделала несколько неуверенных шагов и едва не подпрыгнула, когда откуда-то сверху донеслось:

– Извините, сегодня мы никого не ждем. Только завтра. Глубокий, чуть хриловатый голос принадлежал обаятельному блондину в сером костюме. Амелия даже замерла от неожиданности. Так может начаться любовный роман: героиня приезжает, а ее встречает ОН, такой весь из себя. Выходит навстречу, подхватывает багаж...

Она даже не поняла, что блондин на самом деле подхватил ее чемодан и пошел вперед, показывая дорогу. Просто двинулась следом, балдея от аромата его туалетной воды. Вот надо же!

– Меня зовут Гейл Мелларк, я преподаватель химии.

Гейл Мелларк! Как Пит и Гейл из «Голодных игр». Двое в одном лице! Круто! И преподаватель химии! Определенно, уже какая-то химия между ними есть! Ведь недаром же случилась эта встреча! С ходу. В первый день. Пока в школе никого нет. Вот бы и не было больше никого! Амелия бы развернулась на полную. Папочка бы и сделать ничего не успел. И пенять не на кого: сам привез.

Амелия хотела узнать у Гейла... то есть мистера Мелларка... будет ли урок химии на этой неделе и можно ли записаться на дополнительные занятия, но тот обернулся и, приветливо улыбнувшись, спросил:

– А вы у нас...

– Амелия, – поспешила ответить девушка. – Амелия Грин.

– Добро пожаловать, Амелия Грин. – Гейл... то есть мистер Мелларк улыбнулся и приглашающе махнул свободной рукой.

– Спасибо, – проворковала она, и в ее голове пронеслась тысяча мыслей.

Они были одни. Одни в этом полутемном коридоре. Гейл... то есть мистер Мелларк... ждал от нее всего лишь пары шагов вперед, но Амелия могла и не торопиться. Или сделать их в другом направлении...

Наваждением на Амелию нахлынули недавние воспоминания: она с Кеннетом Старом, его пальцы скользят по ее шее и взгляд такой, что просто плавит. Если бы в тот момент не зашел папочка! И чего разорался? Подумаешь, Кеннет женат, на двадцать лет старше и партнер по бизнесу – для Амелии ничего из этого списка не являлось преградой.

Как и сейчас!

Она кинула дерзкий взгляд на учителя, пытаясь разгадать его настроение, и, не уловив четкого «нет», прильнула к его груди.

Гейл вздрогнул всем телом. Но не от страха, не от отвращения. В этом Амелия была уверена точно. Она тоже так вздрогнула, когда ладонь Кеннета в первый раз нырнула ей под свитер, легла на голый живот и медленно двинулась вверх. И опять стало горячо-горячо!

Амелия запрокинула лицо, прекрасно представляя, какое должно последовать продолжение. Гейл крепко стиснул ее плечи, а потом...

А потом просто отодвинул Амелию.

Просто! Взял! И отодвинул!

Девушка не могла поверить. На глаза навернулись слезы. – Не надо так, – холодно и совершенно бесстрастно произнес мистер Мелларк. – Я понимаю, вы вдали от дома, вам неуютно и всякое такое. Но давайте следовать правилам школы. А они строго запрещают подобные отношения.

Так дело только в этом? Всего лишь в правилах? Амелия с трудом

сдержала самодовольную улыбку. Но сделала вид, что смущена.

– Я первый раз... – пролепетала едва слышно. – Впервые совсем одна.

Хотела было приплести, мол, Гейл напоминает ей брата, но не стала: еще посмотрит личное дело и выяснит, что она единственный ребенок в семье.

Он кивнул понимающе. Потом постучался в первую дверь.

– Войдите!

Поток света, хлынувший из комнаты, на миг ослепил Амелию. Проморгавшись, она увидела высокую стройную женщину, стоявшую у окна. Тоже вполне себе красотку из глянцевого журнала.

– Мисс Норрис, к нам на день раньше приехала ученица, Амелия Грин. – Гейл легонько подтолкнул девушку вперед.

– Думаю, что комнаты для девочек уже готовы, можно проводить ее, пусть располагается, – приветливо улыбнулась женщина.

Она одарила девушку теплым, почти материнским взглядом. И чего они тут все такие... Правильные? Милые? Сладкие! До приторности! Даже в горле пересохло.

– Номер триста девять, – добавила мисс Норрис, подойдя к массивному, под старину столу и заглянув в открытый ноутбук.

Теперь она смотрела на Гейла, и выражение ее глаз было совсем другим. Мечтательным, манящим, обещающим всевозможные наслаждения.

Амелия иронично поджала губы и едва слышно хмыкнула. На подчиненных так не пялятся, это точно. А как же правила? На преподавов они не распространяются?

Гейл распахнул дверь, приглашая Амелию выйти, и она послушно потопала за ним следом. Потом нагнала, пристроилась рядом. Шла и рассматривала украдкой.

Все-таки он потрясающий красавчик; директрису можно понять, хоть она и старше лет на пятнадцать. Точеные черты лица, но не резкие, а достаточно мягкие, чуть женственные. Хотя в случае мистера Мелларка это не казалось недостатком. Сочетание нежности и холодности, утонченности и неприступности, да еще обалденный аромат парфюма – Амелия опять начала таять.

Она не обращала внимания, какой дорогой они идут. Да плевать! Здесь все стены обвешаны стрелками с указанием направлений: «Административный корпус», «Жилой корпус», «Учебный корпус № 1». Словно в этой гребаной школе учились одни дебилы, которые вообще не ориентировались в пространстве.

Амелия думала, что сейчас они спустятся и выйдут на улицу, но они так и продолжали идти по коридору второго этажа, а потом оказались в застекленной галерее, соединяющей корпуса. И опять солнечные лучи брызнули сквозь огромные окна, ударили прямо в глаза, и Амелия тихонько выругалась, торопливо зажмурившись. Зато неприступно молчавший все это время мистер Мелларк вдруг заговорил.

– В жилом корпусе три этажа. На третьем живут девушки, на втором юноши, на первом располагается столовая, кухня и другие помещения общего пользования.

Голос у него тоже был не менее потрясающим. Особенно эта легкая хрипотца. Даже если Гейл говорил достаточно бесстрастно или нес подобную фигню. Амелия слушала и млела, не особо вникая в смысл сказанного.

Галерея закончилась широкой площадкой, с противоположных сторон которой вниз и вверх уходили лестничные пролеты.

– Подниматься следует по левой, спускаться по правой, – многозначительно сообщил мистер Мелларк. – Направления указаны стрелками.

– А? – Амелия на миг застыла, выпучив глаза. – Вы серьезно?

– Абсолютно, – невозмутимо выдал Гейл и добавил: – Таковы правила.

Амелия едва сдержалась, чтобы не выложить ему прямо сейчас все, что думает об этой школе и ее порядках, но притормозила и... притворилась взволнованной.

– И что? Я останусь здесь одна? Даже ночью? – Она страдальчески изогнула брови, испуганно моргнула. – А если мне станет страшно, можно, я приду к вам?

Теперь Гейл застыл, занеся ногу над следующей ступенькой. Потом все-таки шагнул, обернулся.

– Комнаты персонала располагаются в административном корпусе, – заговорил опять бесстрастно, словно автоответчик в справочной службе, но потом голос его немного смягчился, зазвучал еще более притягательно. – Здесь не страшно. Не переживайте, мисс Грин.

Амелия заметила тень улыбки на его изящно очерченных губах.

Прикалывается. Прекрасно понял, что на самом деле она притворяется и ничуть не боится, поддержал ее игру, но и показал, как к ней относится. Это уже не просто игнор, это – вызов. Тем интереснее играть.

– И кстати, – добавил мистер Мелларк, – вечером, кажется, должна приехать еще одна ученица. Так что в полном одиночестве вы точно не останетесь.

– И что? – Известие Амелию несколько не порадовало. Вообще не вызвало никаких эмоций. Ее интересовало другое. – Никого из взрослых ночью здесь вообще нет?

– С завтрашнего дня на каждом этаже будет дежурный преподаватель. В одиннадцать часов он обходит комнаты и запирает их.

– В смысле запирает? – Амелия чуть не споткнулась.

– Комнаты студентов должны быть заперты с одиннадцати вечера до семи утра, – обстоятельно пояснил мистер Мелларк и добавил, скорее всего, намеренно дразня: – По правилам.

Если он еще раз произнесет это слово, Амелию точно стошнит.

– И я не смогу выйти? А если мне понадобится?

– Туалет есть в каждой комнате. Гигиенические принадлежности тоже.

И снова нотки сарказма, едва уловимые, а потому еще более раздражающие. Бесит! Неужели мистер Мелларк принимает ее за милую глупую девочку, которая только строит из себя взрослую? Ну-ну.

Теперь они шли по довольно узкому коридору, застеленному мягкой ковровой дорожкой невзрачного серого цвета, словно в ней скопился вековой слой пыли и никто так и не позаботился ее выбить. По сторонам проплывали двери, тоже невзрачные – коричневые, под дерево, – с приклеенными к ним цифрами номеров.

– Душ тоже есть в каждой комнате, – продолжал вещать красавчик-зануда. – Впрочем, вы и сами во всем разберетесь. Я надеюсь.

Ха-ха. Амелия презрительно фыркнула у него за спиной. Гейл остановился перед комнатой 309, как и говорила мисс Норрис.

– Багаж доставят через пять минут. Столовая пока закрыта, так что ужин принесут вам в комнату. В семь часов.

– Ага. Премного благодарю, – хмыкнула Амелия, не глядя на мистера Мелларка, распахнула дверь и прошла внутрь комнаты.

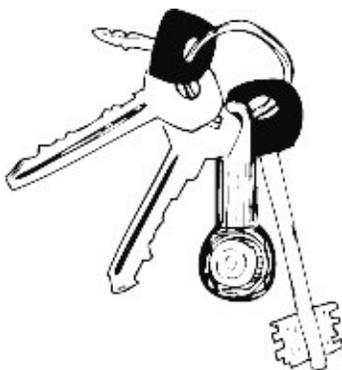
Та обрушилась со всех сторон сдержанно-серыми тонами. Даже солнце из окна выныривало акульими плавниками. Типовая обезличенная мебель. Ничего лишнего. Конечно, Амелия и не ждала веселеньких обоев в цветочек, эксклюзивных полочек и диванчиков, но не до такой же степени!

Ну спасибо, папочка! Элитная частная школа для золотой молодежи? Ага! Дорогущая тюрюга с идиотскими порядками и долбанутыми учителями. Амелия ему это еще припомнит.

Глава 3

Сэлл

В комфортабельном автобусе с гербом школы кроме Сэлла сидело еще человек тридцать, не меньше. Видно по лицам и повадкам – элита, «золотой доллар». Сплошные старшеклассники. И большинство знакомы друг с другом. Пожалуй, только он выбивается из компании.

Сэлл психанул. Пнул собственную сумку так, что она выскочила в проход, прямо под ноги сопровождающей – жирной потной уродине в очках!

– Это что еще? – даже очки съехали на кончик носа, так заорала.

– Нога затекла, – одарил ее невинным взглядом Сэлл.

Это подействовало, как всегда. Тетка умилилась и растаяла: глаза у паренька – две чистейшие голубые лагуны! Когда-то она отдыхала с мужем в Испании... Прямо представилось, как это все промелькнуло в желе теткиных мозгов.

– Ну ничего, еще пара минут и приедем, – протянула елейным тоном, а в сторону рывкнула совсем по-другому, резко и командно: – Собираем вещи! Ничего не оставляем! Сверяемся со списками и проходим в свои комнаты. Завтра в половине девятого ждем всех в холле на инструктаж.

Сэллу хотелось курить. Но наверняка тут все только для хороших мальчиков и девочек, а он – СУ, случайный ученик, «сучок». Просто потому, что мать наконец нашла подходящего жениха с толстым кошельком.

Сэлл не сдержал усмешки. Девчонка с брекетами по правую руку от него улыбнулась в ответ – наверное, подумала, что он строит ей глазки, и расплылась, дура.

Парень подхватил свою сумку, еще раз огляделся – одни прыщавые курицы! Попытался выстроить в голове образ той, которая могла бы его зацепить, но, кроме рыжеволосой из La Roux, на ум никто не пришел. У него очень высокие требования к будущей претендентке на его сердце.

В холле вновь прибывших встречала молодая женщина лет тридцати – тридцати пяти в красном элегантном костюмчике. Маникюр в тон помады, аккуратный пробор, крошечная брошь на жабо, юбка-карандаш, туфли-классика. Директриса, кто ж еще? Идеальна, как и этот вылизанный паркет! Вот бы плюнуть под ноги, но... Сэлл сдержался. Вспомнил, как ему в лицо плюнула мать, когда он назвал ее хахалю золотым вштырем. А нечего было так громко долбиться в соседней комнате!

– Эй, придурок! Уберись с дороги! – Кто-то пихнул Сэлла в спину. Ну ясно – из той кучки, в которой каждый считает себя первосортным. Смерил брезгливым взглядом из-под длинной челки и хотел еще что-то вякнуть, но Сэлл... двинул ему под дых.

Лохматый согнулся и закашлялся.

– Ты че, урод! – прохрипел он. – Да тебя... Да ты...

– Смотри не обделайся! – хмыкнул Сэлл.

Одни кретины! А строят из себя...

Пока все толпились возле каких-то списков, он зарулил в первую попавшуюся комнату на втором этаже, швырнул сумку в угол, без интереса открыл дверцу прилегающей к кровати тумбочки и тут же небрежно захлопнул ее. Растянулся на заправленной постели, закинув руки за голову, и лежал так долгое время, рассматривая образцово ровный потолок. А когда кто-то вошел в комнату, даже не соизволил посмотреть на гостя.

– Ну и че это? – ухмыльнулся визитер. Тряхнул длинной шевелюрой и облокотился о дверной косяк: – А-а-а, я, кажется, понял. Сторожишь мою комнату, чувак? Ну спасибо! – хохотнул коротко и оскалился: – А теперь давай, вали отсюда! Драй толчки, вылизывай мусорки... или что там обычно обслуга делает?

Серьезный персонаж! С таким что-либо делить – себе дороже.

И Сэлл делить не стал.

Молча поднялся с кровати, не торопясь направился к выходу... А когда поравнялся с этим пустозвоном, считавшим себя редкостным остряком, схватил его за челку и рванул с такой силой, что визитера согнуло пополам.

– Сортир готов к использованию. Осталось только дернуть за веревочку и смыть говно! Тебе помочь? Или ты сам? – усилив хватку, отчеканил прямо в ухо, а проходивший мимо ротозав даже остановился посреди коридора.

Патлатый попытался вырваться, но вовремя сообразил, что может остаться без скальпа. Беспорядочно молотя руками по воздуху, замычал неразборчивые ругательства.

– Вижу, что сам, – холодно заключил Сэлл и без лишних движений выставил незваного гостя за дверь.

Тот еще долго визжал в коридоре, как баба. А что ему оставалось? Только отыграться на тощем дохлике – свидетеле унижения. Вломить ему, дать пенделя, спустить с лестницы... Ну да! Именно так поступают крутые перцы!

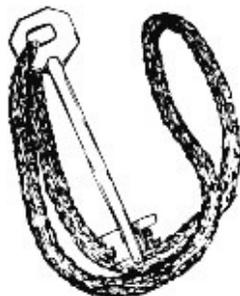
Сэлл расстегнул сумку. Вытащил оттуда чистое белье, мыло, клетчатое полотенце и отправился в душ. Персональный санузел в комнате был для него чем-то вроде компенсации за все то, что предстояло вынести в стенах этой чертовой школы.

Кинув взгляд на ряд пластиковых баночек одинакового цвета и размера, взял первую попавшуюся и выдавил содержимое в ладонь. Запахло морскими водорослями. И свежестью. Вода потекла по загорелой спине. Сэлл быстро намылил голову, а заодно шею, плечи, грудь, а потом подставил лицо под теплые струи, и пена узкими дорожками побежала по животу и ногам.

Глава 4

Элейн

Вы любите гостей? Я нет. Всегда кажется, что они вторгаются, вынюхивают, нарушают мое пространство. Это с детства. Ведь все наши проблемы оттуда, да? Я точно знаю это, так пишут в книгах по психоанализу и говорят на приемах у психотерапевта. Не слышали? Тогда поверьте на слово.

Особенно я не любила, когда приезжал мой кузен Шон. Мне было шесть, а ему тринадцать. Он всегда ходил с книгой под мышкой и задирал передо мной нос. Белобрысый, чистенький всезнайка.

Но я-то знала, что за мыслишки вертелись в его голове! Сразу поняла. Как только увидела, что он прячет под невзрачной обложкой. Такие картинки не для правильных мальчиков. Это плохо. Ради этого мама и папа закрывают дверь в спальню плотнее. Это взрослый секрет.

А Шон демонстративно кривился, когда в кино показывали поцелуи. Маленький говнюк!

Он поймал меня в своей комнате, когда я рассматривала его книжку, заставил спустить трусики и принялся бесстыдно разглядывать. Я плакала и стеснялась, прикрывалась, как могла. Но он поднимал мои руки и говорил, что иначе расскажет всем, что я рылась в его вещах.

На первый раз Шон отпустил меня быстро. Во-первых, позвали ужинать, во-вторых, шестилетний ребенок не возбудил его интереса – слишком уж отличался от тех моделей из книги.

Я надеялась, что больше он меня не поймает. Несколько дней держалась поближе к родителям и сестре. Если оказывалась с Шоном в одной комнате, начинала нервничать и привлекать внимание взрослых любым способом – могла опрокинуть что-нибудь или пустить слезу ни с того ни с сего. Кузен делал вид, что не понимает. Даже пару раз вежливо

предложил сыграть с ним в прятки. Как же!

Я считала дни до его отъезда.

Но мне показалось правильным забрать его книгу напоследок!

Выждав момент, я пробралась в его комнату и стащила ее.

Если есть Бог, то почему он не подсказал мне, что надо просто показать книгу взрослым? Нет, я утащила ее к берегу реки и принялась рвать страницы в мелкие клочки. Дрянные, грязные картинки! С каким наслаждением я расправлялась с ними! Представляя, что это Шон, его кожа. И пускала их по ветру с обрыва.

Я так вошла в раж, что не заметила своего кузена, подкравшегося сзади...

Обнаружив пропажу, он отправился на поиски. Но не книги...

Первый удар пришелся мне в затылок, вторым ударом Шон разбил мне нос. В третий раз он безжалостно заехал ботинком мне в живот.

Спасаясь от ударов, я только и смогла, что отползти к обрыву и соскользнуть вниз. Скотившись кувырком по траве, оказалась в реке. Вонючая вода хлынула мне в нос и в рот. Я захлебнулась. Дернулась. Нащупав склизкое дно, встала на ноги и закашлялась. Из рта вывалились длинные нити водорослей и еще какая-то мерзость.

Я плакала. А Шона уже не было.

Когда я вернулась домой, вся продрогшая и в синяках, то не дождалась никакого сочувствия. Наоборот! Меня же еще и отругали, и лишили ужина. Потому что этот гаденыш Шон принес только обложку своей ненаглядной книги, предварительно избавившись от компрометирующих страниц, и обвинил меня в том, что я уже не первый раз покушаюсь на его вещи. А теперь еще и книгу вот испортила!

Разумеется, слушать мою версию никто не стал.

Только сестра меня пожалела. Не пошла со всеми гулять, а притащила мне остатки пирога. Даже легла со мной в кровать, хотя мы с трех лет спали отдельно.

Чувствовать ее руки было здорово – они грели и обнимали. Сестра целовала меня в лоб и шептала, что все будет хорошо. Как мама.

И я верила, что будет. Когда этот противный Шон уедет. Особенно если по дороге с ним что-нибудь случится. Например, машина опрокинется в кювет или лоб в лоб столкнется с многотонным мусоровозом. Помню, я даже представляла это! Как окровавленного гаденыша извлекают из-под кучи зловонного мусора, а он раздавлен, бьется в агонии, просит полицейского передать мне последнее «прости» – идохнет.

Воспоминания захлестнули меня ядовитой волной, будто не миновало

с тех пор почти три десятилетия. Я сжала кулаки до одурения – так, что ногти вонзились в ладони. Мне снова захотелось наказать его! За все! Сейчас!

Я спустилась в подвал, где некогда находилась прачечная, и прильнула к окошечку у пола. Помнится, отец сделал его, когда мы не заметили Черри и захлопнули дверь, а он едва не сдох внизу, бестолково мяукая, – не слышно же ничего.

Шон почувствовал меня – или увидел тень? – и вжался в стену. Спрятал голову пониже, затаился.

Щенок! Ну как тебе клетка? Как раз для плохих мальчиков. Со сливом в полу, сломанной стиральной машиной и кучей тряпья вместо постели.

Сидишь? Сиди-и.

Сиди, животное! Жри из миски и продолжай испражняться в яму! А твоя извращенность в конце концов разъест твой мозг, если не станешь на путь исправления. Осталось недолго... Жаль, не перекрыть к тебе воду. Впрочем, нет. Я представила, какая вонь бы уже стояла, не умудришь ты мыться в тазике. Чистопло-о-отный...

Я стукнула по двери, наслаждаясь страхом этого паршивца. Каждый звук заставлял его дергаться. Мне нравилось представлять, как он кидается из угла в угол, роет пол, срывая ногти, ищет выход отсюда, а в глазах – испепеляющий ужас. И если бы он мог, то наверняка бежал бы от меня за тысячу километров. Но он не может. Не может!

Я поднялась наверх, заперла на ключ дверь, ведущую из полуподвального помещения в дом, и вышла на задний двор. Мне нестерпимо хотелось посмотреть поближе, что он там делает. Через кошачий лаз рассмотреть что-то чрезвычайно трудно, и я поспешила к вентиляционному окну в цоколе.

Я отперла засов на железной ставне, и в подвал сквозь решетку хлынул поток солнечного света, словно театральный софит. Он выцепил из тени моего актера одной роли.

Шон сидел в углу, на пыльном тряпье, уперевшись лбом в колени. Меня взбесило, что он не смотрит на меня.

– Тварь! Смотри! Смотри-и! – взревела я. – Теперь я не маленькая трусливая девочка! Это *ты!* Ты валяешься в моих ногах и просишь о пощаде!

Мразь! Слабак. Легко быть сильным, когда тебе тринадцать, а той, над которой ты издеваешься, – всего шесть...

Внезапно я зацепилась взглядом за книги, которые принесла ему на днях. Не те – грязные, гадкие, непотребные, которыми он зачитывался, – а

обычные. Они лежали на перевернутой корзине для белья, приспособленной им под стол.

– Читал?

Сучонок быстро закивал. Слишком быстро. Врал...

Я бы спросила, о чем они, но сама не знала, просто выбрала на стенде интеллектуальной литературы. Не хотелось попасть впросак. Начала бы нести бред, дала ему лишний повод... для смеха. Ведь он давно не смеялся. Ровно с того момента, как я защелкнула за ним замок.

– Тебе понравилось?

– Понравилось. – Ответ прозвучал без раздумий. Эхом. Эхом моих последних слов.

Я улыбнулась. Мне показалось, что он делает это специально, чтобы угодить.

– И какие выводы ты сделал?

– Выводы? Да вы... – Его невысказанные слова будто ударили по мне.

Сучонок дернулся, схватился за предплечье и, закусив губу, осторожно поерзал, усаживаясь поудобнее.

Сломал? Черт бы его побрал!

А вслух спросила:

– Болит?

– Нет.

И снова врет!

– Тогда отвечай! Ведь слышал вопрос: какие выводы ты сделал из прочитанного?

Мне надо быть последовательной, если я хочу чего-то добиться. Вода и камень точит.

– Телефон, – шепнул гаденьш.

Что? Я не поняла, о чем он. Думала, издевается. Пока не расслышала трели из своего кармана. Пришлось отложить нашу беседу. А жаль. Не люблю смешивать две стороны своего существования.

Заперла ставни на засов, отошла от стены дома, свернула к парадному входу и только потом поднесла телефон к уху.

– Ты где? – тревожно, с участием прозвучал голос Ло. – Все в порядке?

– Я дома. Конечно, в порядке. А как еще может быть?

– Ты долго не брала, я подумала...

– Не надо думать о плохом. Все хорошо. – Я улыбнулась и прикрыла глаза в благодарность за ее заботу.

У меня самая лучшая сестра.

Она не святоша и не ангел.

Но я убью за нее. Кого угодно! Убью... Будь то Бог или дьявол!
И она. Убьет. За меня. Тоже.
Я знаю...

Глава 5

Амелия

После завтрака заявила Бриджет. Распахнула дверь, даже не подумав постучать, – теперь-то Амелия слышала определенно. Точнее, определенно не слышала. Но высказывать претензий не стала. Да ей по фиг, даже если кто-то припрется, когда она будет стоять посреди комнаты абсолютно голой или упоенно ковырять в носу. Пусть лучше пришедший смущается, а от нее – не дождетесь!

– Скоро остальные должны приехать. Хочешь глянуть?

– На что? – Амелия скучающе зевнула.

Не интересовало ее стадо малолетних мажорчиков.

– Да ладно тебе! – воодушевленно воскликнула Бриджет. – Отрывай от кровати свою задницу, и идем. Встречаемся в коридоре через минут десять.

Она умчалась, не дождавшись от Амелии согласия. А потом точно так же не дождалась, когда та выйдет в коридор.

Дверь опять широко распахнулась.

Долбаная школа. Сейчас она представлялась Амелии смесью из темных безлюдных коридоров, внезапно бьющих в глаза солнечных лучей, занудного красавчика мистера Мелларка («Гейла Мелларка», – закатив глаза, мысленно повторила Амелия с нарочито томными и тягучими интонациями), с раздражающей регулярностью твердящего слово «правила», и неумолкающей болтовни Бриджет.

Она и оказалась той самой ученицей, про которую говорил Гейл.

Вчера Амелия упустила момент, когда та приехала. От нечего делать завалилась на кровать и не заметила, как заснула.

Разбудило ее щелканье дверной ручки и громкий возглас: – О! Точно! Здесь и правда уже кто-то есть.

Амелия с трудом разлепила веки. Ни эмоции, ни чувства еще не

проснулись, поэтому она лишь равнодушно развернулась в сторону незваного гостя, уставилась осоловелыми глазами.

В дверном проеме стояла незнакомая девица с медно-рыжими волосами и самодовольно улыбалась.

– Привет! Я – Бриджет, – с ходу выложила она. – Учусь в выпускном классе. А ты какой год?

– Третий, – выдавила Амелия, усаживаясь на кровати.

– Новенькая? – тут же подкинула новый вопрос Бриджет. – Раньше я тебя не видела.

Подошла, с размаха плюхнулась рядом. Так, что матрас спружинил, и Амелия слегка подпрыгнула.

И какого ж она... тут делает? А не пойти ли ей лучше... в свою комнату?

Амелия мрачно глянула на соседку, но посылать передумала. Лучше подробнее расспросить ее о местной жизни, раз она сама навязалась. Может, тогда и способ нарисует, как из этой задницы выбраться.

Бриджет, конечно, не могла не заметить неприязни, но отнеслась к ней снисходительно, коротко рассмеялась. Еще и по-дружески приобняла Амелию за плечи.

– Да ладно тебе. Не дуйся. В одиночку слишком скучно. Насчет «скучно» Амелия была абсолютно согласна. Хотя нет. Здесь даже не скучно – тухло. И неважно, в одиночку или толпой. Все равно полный тухляк. Да еще эти тупые правила.

– Тут реально двери на ночь запирают? – поинтересовалась она.

– Ага, – кивнула Бриджет с прежним воодушевленным выражением на лице. И чему она все время радуется?

– А комнаты-то зачем? Закрывали бы только коридор.

– Так всем спокойнее. – Бриджет усмехнулась, а Амелия озадачилась еще сильнее.

– Кому «всем»?

– Директрисе, преподам, – принялась перечислять Бриджет, – родителям. Поэтому не пытайся жаловаться мамочке с папочкой. Бесполезняк. Они уже в курсе. Это все в соглашении прописано. Тут еще и шмоны периодически устраивают, на предмет выпивки и дури. И не возразишь. Потому что согласие от родителей есть. Их такое очень даже устраивает. Сюда же обычно тех отправляют, кто дома глаза намозолил.

О последнем Амелия уже давно и сама догадалась. Папочка отправил ее сюда после того, как застучал с Кеннетом. Обломал в самый неподходящий момент. А уж как орал. Брызгал слюной во все стороны,

сыпал проклятьями. Лицо побагровело, глазенки едва не повыскакивали.

Зато теперь он, наверное, спокоен, наслаждается. От жены давно избавился, а теперь еще и от дочери. Но Амелия не даст ему расслабиться. Перебьется.

А Бриджет, если она здесь уже не первый год и настолько осведомленная, наверняка сможет и про преподавов порассказать.

– А тебя сюда тоже Гейл провожал?

– Гейл? – изумленно переспросила Бриджет. – Кто такой Гейл?

– Ну, мистер Мелларк, – пояснила Амелия. – Он же химию преподает.

– Не, – замотала головой Бриджет. – По крайней мере, в прошлом году химию у нас вела мисс Розенберг. А теперь, значит, мистер Мелларк? – Она многозначительно хмыкнула. – Давай рассказывай, какой он? Старый, лысый и толстый? Был бы подходящей парочкой для миссис Пафф.

Что еще за миссис Пафф? Амелия понятия о ней не имела. А вот Гейл...

– Наоборот. Молодой. Вряд ли старше двадцати пяти. И потрясающий красавчик. Такой... немного андрогинного типа.

– О! – выдохнула Бриджет, выгнула брови и округлила глаза. – И ты на него сразу запала?

– Ну-у... – неопределенно протянула Амелия.

Пусть Бриджет думает что хочет. Ни оправдываться перед ней, ни посвящать ее в собственные планы Амелия не собиралась. Запала так запала. Ей по фиг.

– Завтра посмотрю на твоего Гейла. – Бриджет подскочила с кровати. – На общем инструктаже обычно все преподаватели присутствуют. А ты, если что, заходи. Я в триста пятнадцатом.

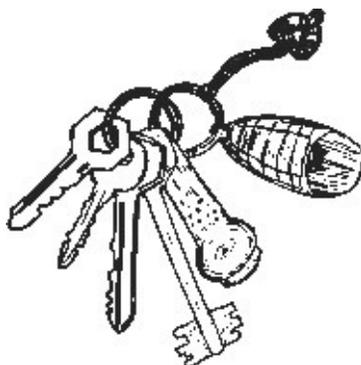
Она смылась так же неожиданно, как появилась.

Здесь не только учителя, здесь, похоже, и студенты все долбанутые. Хотя с Бриджет еще терпимо. Выпускной курс, обо всем знает, своя в доску. Сгодится. А в остальном – ну полная хрень!

Глава 6

Амелия

Денек выдался – зашибись. Особенно с учетом, что завершился он визитом миссис Пафф.

Та приперлась без пяти одиннадцать, вломилась без стука, выдала недовольное и многозначительное:

– Та-ак!

Выглядела она мерзко. Жирная бесформенная глыба, на которую натянули серый трикотажный чехол, смутно напоминавший платье. Волосы, выкрашенные в какой-то темный цвет с малиновым отливом, куцыми завитками лежащие на массивных плечах, как на подставках, ровная челочка по брови. Пухлые щеки сдавливали крупный мясистый нос, подбородков – штуки три, не меньше. Жуть. Пеннивайз со своей истинной сущностью нервно покуривает в сторонке.

От нее еще и потом несло за версту.

Амелия не выдержала, поморщилась, прикрыла тыльной стороной ладони нос. Миссис Пафф не смутилась, не обиделась. Кажется, ей и в голову не пришло связать этот жест с собственной персоной.

Цепким, внимательным взглядом она просканировала пространство комнаты и вроде бы даже принюхалась. Потом подошла к шкафу, открыла дверцу.

Еще бы в клозет заглянула.

И чего она там собиралась найти? Или, скорее, кого. Уж не мистера ли Мелларка? Хотя...

Амелия задумалась. Если сейчас здесь шныряет эта жирная уродина, то, скорее всего, на девичьем этаже дежурят преподаватели-женщины. А

это означает, что Гейла никак не удастся заманить в свою комнату, и придется придумывать что-то другое. Но это можно сделать и потом.

– А вы реально меня запрете? – поинтересовалась Амелия у миссис Пафф.

Толстуха, тяжело катившаяся к выходу, остановилась, развернулась к девушке и ехидно уточнила:

– Тебя что-то смущает?

– А если пожар?

Миссис Пафф ткнула указательным пальцем вверх.

– Тогда сработает сигнализация.

– А если мне плохо станет? – не унималась Амелия.

– С чего бы? – Миссис Пафф пронзила ее прицельным взглядом, словно пришила к кровати.

– У меня здоровье слабое.

Толстуха поджала губы, помолчала несколько секунд, а потом снисходительно выдала:

– За спинкой кровати есть кнопка экстренного вызова. На случай всяких таких недомоганий.

Амелия запустила руку за невысокий деревянный борт, нашарила маленький пластиковый прямоугольник с круглой выемкой посередине и уже собиралась на нее надавить, как миссис Пафф, будто почувствовав, проговорила размеренно и четко:

– Но если воспользуешься ею без надобности, только ради озорства – будешь наказана.

– Как наказана? – ошарашенно выдохнула Амелия, но миссис Пафф, видимо, посчитала ее вопрос риторическим. Не проронив больше ни слова и демонстративно щелкнув по пути выключателем, все-таки выкатилась из комнаты. Зато едкий запах пота остался.

Амелия помахала ладонью перед носом, разгоняя воздух, и направилась к окну, чтобы его приоткрыть. Но тут в дверном замке звякнул ключ.

Реально! В замке звякнул ключ! Амелии не послышалось.

Она постояла немного, дожидаясь, когда смолкнут тяжелые шаги в коридоре, и подскочила к двери. Надавила на ручку, дернула – заперто!

Вот дерьмо!

Ее на самом деле заперли! А она до последней секунды надеялась, что это просто розыгрыш, страшилка, придуманная специально для новичков.

Какого хрена? Да что это за школа такая?

Папаша – скотина! Избавился, да? Сослал дочь в комфортабельную

тюрягу. Сволочь!

Амелия бросилась к окну, подняла раму, высунулась наружу. Не то чтобы уж очень высоко, но одними синяками точно не отделаешься, если прыгнуть. И все равно никуда не денешься. Больница – тоже не вариант. Еще хуже даже.

Папочка всех убедит, что Амелия пыталась покончить с собой, и вообще отправит ее в психушку. Или типа в пансионат, как в случае с мамой.

Ну уж нет! Такой возможности Амелия ему не предоставит.

И ведь делать нечего. Абсолютно нечего!

Девушка рухнула на кровать. И спать совсем не хотелось, она же столько продрыхла днем. Уставилась бездумно в стену.

Темнота не слишком густая. На территории много фонарей, их желтый электрический свет затекает в окна, легко проникает даже сквозь тонкие шторы, и его вполне хватает, чтобы разглядеть окружающие предметы. Можно бродить по комнате, не включая лампы.

Вот шкаф – громила миссис Пафф. Вот торшер – вполне себе Бриджет. Рабочее место – это у нас мистер Мелларк собственной персоной. А кровать...

В замке опять заскрежетал ключ. Точнее, не заскрежетал, а как-то странно зашуршал. Амелия даже испугалась в первый момент, приподнялась на локте. Кто это может быть? Неужели преподы и ночью по комнатам бродят, проверяя, все ли на месте? И сейчас снова завалится миссис Пафф со своим убийственным амбре.

Или вдруг это Гейл? Она же обещала заявиться к нему, если ей будет страшно одной. Он ждал не дождался и явился сам. Забил на тупые правила и пришел спасти Амелию из заточения. Ну или хотя бы сделать его не столь унылым.

Дверь приоткрылась.

– Ты спишь?

Бриджет.

Амелия даже подскочила.

– У тебя есть ключ?!

– Не совсем ключ. – Соседка подошла и помахала у Амелии перед носом странной металлической загогулиной. – Но если приноровиться, с помощью этой штуки можно отпереть здесь почти любую дверь. – Бриджет уселась рядом, не переставая болтать. – Это подарок от прошлого выпуска. Не для всех, конечно. Но... – Она улыбнулась. – Закончу школу, тоже кому-нибудь передам.

– С такими порядками сдохнешь раньше, чем закончишь. Или свихнешься... А зачем они нас запирают?

– Раньше только коридоры запирали. Но после того как Брэд сбежал, стали и комнаты. Перестраховываются.

– Брэд?

– Ага. Был такой в нашем классе в прошлом году. Вполне так парень. Но и ничего особенного. Держался отдельно и, кажется... рисовал.

– А как он сбежал?

– Откуда я знаю? А ты что, тоже хочешь?

Амелия сбежала бы, да только куда?

Девушки еще долго болтали, но в какой-то момент Амелия начала клевать носом. Бриджит дождалась, пока она задремлет, хохотнув, пихнула легонько:

– Держи! – и поводила перед лицом девушки отмычкой. – Это тебе. Хоть ты еще и не в выпускном.

– А как же ты? – Амелия посмотрела недоуменно спросонья.

– У меня еще есть, – беззаботно заявила Бриджет. Не дожидаясь, когда Амелия возьмет отмычку, положила ее на кровать и сразу посерьезнела. – Только смотри, попадешься – ты ничего не знаешь. Сама придумала, сама привезла, сама за все получаешь.

– Поняла, – кивнула Амелия.

Она не полная идиотка, чтобы подставляться, имея в своем распоряжении столь ценный подарок. А Бриджет уже шагала к двери, сообщая на ходу:

– Сейчас я тебя запру. А потом потренируешься. И часто не пользуйся, а то замок сломается.

Амелия засунула отмычку под подушку. Утром как следует перепрячет. И ни вставать не стала, ни раздеваться, перевернулась на другой бок и закрыла глаза. Но почти сразу же пришлось их открыть. По крайней мере Амелии так показалось.

Ровно в семь, сотрясая пол и стены, притопала миссис Пафф, отперла дверь, предупредила, что в восемь принесут завтрак.

И какого ж тогда разбудила раньше на целый час?

Вот и получилось, что Амелия почти не спала. Поэтому сейчас без конца зевала. Зато Бриджет – хоть бы что. Скакала впереди, как пони, будто сладко подрыхла всю ночь. Еще и подгоняла:

– Ну чего ты там еле тащишься?

– А куда торопиться? – Амелия пожала плечами.

Через галерею они прошли в административный корпус, но спускаться

не стали, наоборот, поднялись выше и оказались в широком коридоре, наполненном гулкой тишиной. Похоже, Бриджет тут был знаком каждый закуток и закоулок.

– Сюда, – сообщила она и неожиданно свернула.

Стена коридора здесь резко обрывалась, образуя глубокую нишу, заставленную раскидистыми растениями в кадках, с большим окном и балконной дверью.

Когда девушки выбрались наружу, площадь перед административным корпусом была запружена машинами, а у подъехавшего автобуса как раз открылась дверь. Из нее по очереди появлялись пассажиры, через ровный интервал времени, один, другой, третий. Словно автобус страдал отрыжкой, вот и вылетала из него всякая разномастная гадость.

– Мистер Мелларк – это вон тот блондинчик? – Бриджет ткнула пальцем вниз. В такой толпе не разберешь, на кого она точно указывала, но направление совпадало, и Амелия кивнула. – Не в моем вкусе, – тут же добавила Бриджет. – Я люблю, чтобы высокий, широкоплечий. И чтоб щетина. А он – мальчик-одуванчик. Хотя, конечно, красавчик. Не буду спорить. А вот это, похоже, тоже новая училка. – Она указала в другую сторону.

– Где? – Амелия разглядывала выползающую из автобуса пеструю вереницу вновь прибывших.

– Да вон же! – Бриджет опять ткнула пальцем в толпу. – В костюмчике кораллового цвета.

– А я думала, она ученица.

– Не! Раз в костюмчике, значит, точно препод. – Бриджет ухмыльнулась, протянула насмешливо: – Молоденькая. Парни возможности не упустят.

Наконец автобус опустел, толпа растеклась по площадке перед входом в здание. Амелия задумчиво следила за Гейлом. В отличие от остальных, он не слишком суетился, стоял чуть в стороне, скорее всего, и сам с любопытством разглядывал приехавших. Как и новая училка в коралловом. Та и вовсе отодвинулась подальше. То ли побаивалась, то ли оттуда ей было удобней наблюдать.

– Эй! – завопила Бриджет во весь голос, перегнувшись через перила, широко замахала рукой. – Привет лузерам!

И все, кто стоял внизу, одновременно задрали вверх головы. Словно дрессированные собачки по команде.

Глава 7

Сэлл

Так это, оказывается, не школа, а лепрозорий! Здесь прокаженных на ночь запирают. Запирают, Карл! Вот куда он попал... Куда его спланила собственная мать на деньги вштыря.

Поэтому утром, когда замок двери снова щелкнул, Сэлл, не разлепляя глаз, протянул равнодушно:

– Не стоит утруждать себя лишними телодвижениями! Можете всунуть ключ обратно в эту гребаную дырку, а через пару недель убедиться, что из вашей столовой несет не меньше, чем от моего разлагающегося тела. – Он подмял подушку кулаком и перевернулся на другой бок.

– Мне показалось или где-то щенок затыкал? – прогремело над ухом. – Подъем! В восемь завтрак, в половине девятого на инструктаж. Явка обязательна! Повторяю, для особо одаренных: о-бя-за-тель-на!

Неужто сам надзиратель этой тюрьмы пожаловал?

Ну да, ага! Сэлл прямо-таки испугался и побежал на этот их дебильный инструктаж!

Но донимать его не стали. Просто поставили перед фактом и убрались восвояси. Типа все строго, все по правилам... Но на деле – чхать!

И все было бы прекрасно, если бы ровно в двадцать пять минут девятого в комнату не постучали. Слабо так, умирающе. Сэлл завернулся с головой в одеяло, решив наплевать на все порядки, но стук повторился. Все такой же еле слышный. И поэтому еще более противный, раздражающий, от которого не удалось бы спастись даже в бункере. Как японская пытка каплями воды по темечку. Долбаная акустика!

– Ну? – Сэлл приподнял голову.

Что за настойчивая мышь там скребется?

Но с той стороны не отреагировали.

– Ну? Кто там? – повторил он, еще больше раздражаясь. А потом встал с кровати и сам дернул за ручку двери.

– Ой, – пискнула мышь, разомкнув брекеты, и впилась взглядом в парня. Ниже пояса. Покраснела. Чем весьма развеселила парня.

– Труссы как трусы! – хмыкнул Сэлл и нахмурился. – Чего тебе?

– Там это... – замямлила Зубатка. – Всех собрали на инструктаж... Ну и... в общем...

– Так иди!

– А ты?

– А я к тебе в телохранители не нанимался!

– В смысле? – захлопала глазами девчонка.

– В смысле? – передразнил ее Сэлл, но без злобы добавил: – Двигай булками, а то без тебя начнут.

– Я думала...

– Слушай, не испытывай мое терпение!

– Хорошо, – покорно пролепетала она и без лишних слов пустилась прочь по коридору.

Ну и народец! Сэлл даже улыбнулся и мотнул головой.

А через час под дверь обнаружил записку – расписание занятий на сегодня. Понятно, чьих рук дело! Ухмыльнулся. Ну что ж, на послеобеденное занятие ради интереса можно и сходить. Но для начала найти бы место, где можно спокойно покурить. Кругом эти долбанные противопожарки!

Сэлл накинул рубаху поверх футболки и без особого энтузиазма поплелся по коридору к выходу. Сад не завянет, если он покурит где-нибудь в его зарослях. Вообще он бы не парясь затянулся прямо на пороге, но там амбалы из охраны – набегут как тараканы. Сэлл их не боялся, однако, если в этих стенах на ночь запирают, где гарантия, что после такого в карцер не закроют? А без сигарет он там сдохнет! Сто раз пытался бросить, но где там? Он вдыхал табачный дым еще с молоком матери! Та пыхла как паровоз все эти годы. А пассивное курение похлеще любой наркоты.

У лестничного пролета столкнулся с тем лохматым ушлепком, который хотел поставить Сэлла на место в день приезда, в холле. Думал, и сейчас тот снова что-нибудь крикнет в его сторону, но пустобрех сделал вид, что кроме него на лестнице никого. Вот и замечательно!

Внутри свербело. Уже не терпелось сделать хотя бы две-три затяжки. Сэлл даже подумал, что, обогнув здание школы, пристроится где-нибудь под окнами – к чему бежать далеко? Но когда он оказался на заднем дворе,

все прошлые мысли и желания тупо рухнули. Сэлл даже присвистнул – ни черта себе! При огромном желании здесь можно было тренировать мировых чемпионов по всем видам спорта!

Захотелось тут же рвануть к турнику и сделать пару подходов. Но его окликнули:

– Эй! Ты чего здесь вынюхиваешь?

– Я? – Сэлл даже опешил на мгновение. Тем более что ему не сразу удалось найти взглядом того, кто с ним разговаривает.

– Ты, ты! Не я же! – в чужом хрипловатом голосе слышалось веселье, и Сэлл наконец-то увидел мужчину-афроамериканца в рабочем комбинезоне, который вразвалку выходил из зарослей кустарника. Садовник.

Парень расслабился:

– Нюхать – не в кайф, – хмыкнул он и смело взглянул в глаза собеседнику.

– А что же в кайф?

Сэлл кивнул в сторону площадки.

– А я думал, ты курнуть пришел, – сипло расхохотался садовник, и его толстые губы оголили щербину меж зубов.

– И это тоже, – не скрывая, подтвердил Сэлл.

– Нет, парень. Тут либо одно, либо другое! Иначе кишка завернется.

– Три подхода по десять. Спорим?

– Три по десять? – Афроамериканец снова рассмеялся, бросив в траву перчатки и секатор. – Пять по пятнадцать!

– Пять по пятнадцать? – недоверчиво переспросил Сэлл и покачал головой: – Я не Майкл Экерт^[1].

– Я тоже не сержант морской пехоты! Но кое-где плавал. Садовник шустро прошел по тропинке до теннисного корта, обогнул его и встал под перекладиной.

– Считаю! – скомандовал он.

И Сэлл, не веря своим глазам, отсчитал ровно столько, сколько сказал этот с виду щупленький мужичок уже преклонного возраста.

– Так что завязывай ты с этой дрянью, парень, – подмигнул садовник, подхватил перчатки и секатор и как ни в чем не бывало возвратился к своим обязанностям.

И Сэлл не рискнул сделать ни одного подхода. Впрочем... и курить он тоже не стал.

На химии Сэлл привык скучать. Но это в старой школе, где все приходилось осваивать буквально на пальцах: ни лаборатории, ни

реагентов – отстрелялся по формулам и свободен, можно пялиться в окно. Здесь же на каждом столе стояли штативы с колбочками, какие-то порошочки, жидкости, куски непонятного вещества. Разумеется, кто-то отпустил шуточку, что это подпольная кухня дури, остальные его поддержали, дебилы. Принялись гоготать, красуясь перед телками. Те тоже в долгу не оставались. Даже Зубатка. Кстати, идиотка устроилась рядом, через проход от Сэлла.

А потом зашел учитель. Сказал что-то, но в этом шуме его слова просто растворились. Тогда он взял и жахнул учебниками по столу. Тупое позерство. Однако эффектное: «Заглохли, полоумки!» И все замолчали. И оглохли разом.

– Я Гейл Мелларк, ваш учитель химии. И любить меня совсем не обязательно.

Ха! Много чести!

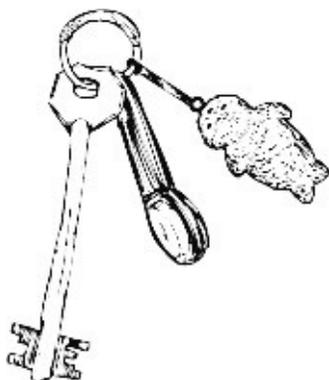
Холеный блондинчик. И голос такой... будто спаржей подавился. Говорит, а сам за ухом пальцем водит, невидимую прядь убирает. Или щетину пробует, не отросла ли. Типичный мэтр!

Сэлл мысленно натянул на учителя парик: длинные волнистые пряди заструились вдоль лица. Заржал вслух, но, поймав ледяной взгляд учителя, отчего-то напрягся. Уткнулся в тетрадь и стал черкать абстракцию на полях.

Глава 8

Элейн

Сегодня отправила иллюстрации в издательство. Если они опять откажут, обвиняя меня в излишней пасторальности, вообще прекращу с ними всяческие отношения. С тех пор как там поменялся художественный редактор, работать стало невозможно! Как многое зависит от одного человека, занявшего не свое место! Прежнего редактора устраивала и моя манера письма, и сюжеты. Жаль, что она ушла. А новая обвиняет меня в том, что я зациклена на ежиках, кошечках и зайчиках, говорит, современных детей это не интересует.

Да? А она вообще в курсе, что именно может заинтересовать ребенка?

Помнится, одного знакомого мне мальчика привлекали отнюдь не милые зверята, и он плохо кончил... Хотя о чем это я? У него еще есть шанс. Я даю ему этот шанс! Надеюсь, когда-нибудь Шон все поймет и оценит. Я увожу паршивца с тропы порока назад, на исходную. Ведь когда он родился, плохого в нем было не больше чем во мне или Ло.

Перебирала на днях бумаги и нашла старую фотографию. Мне восемь. Я стою, нахмуренная, руки стиснуты в кулаки, ступни повернуты в сторону, словно собираюсь бежать. Неужели никому не пришло в голову, что виной тому не мой «скверный» характер, а тот, кто фотографировал? Слепые, глухие, черствые взрослые! Почему они не заметили, почему проигнорировали, когда было еще не поздно? Почему вместо того, чтобы раз и навсегда покончить со всем этим, мать оставила фото на память?

Дрянь! Дрянь! Дрянь!

Конечно! Красавчик Шон наконец-то увлекся чем-то серьезным! Привез с собой дорогущую профессиональную камеру и много времени

проводил, снимая окрестности. А я, дура, расслабилась! Почти перестала его бояться. Поверила, что он повзрослел и изменился.

Пару недель он действительно не обращал на меня никакого внимания. На Ло, впрочем, тоже. Его заинтересовали наши соседки – две девицы с уже оформившимися телами, на год-два старше его. Они с Шоном быстро спелись и стали весело проводить время – катались на тачке папаши, которую брали без спроса, едва смеркалось.

Но мое счастье было обманчиво. Стоило только расслабиться, как оно превратилось в зыбучие пески, которые, как известно, губительны.

Вдоволь наигравшись Шоном, соседки переключились на парней постарше, которые на все лето сняли коттедж неподалеку. Мой кузен не тот человек, который зализывает раны в одиночестве. Он опять заметил меня.

– Ты хочешь стать знаменитой? Ты хочешь, чтобы на тебя смотрели и узнавали? – шептал Шон, наводя на меня свою камеру.

Я чувствовала себя беззащитной ланью, на которую наставил ствол ружья охотник.

– Смотри, нет ничего страшного, – увещевал мой мучитель. – Просто замри в той позе, в которой я скажу.

Шону нравился мой страх, моя скованность и стеснение. Его камера представляла все совсем в ином свете. Разумеется, он показывал только те снимки, которые было можно показывать. Большую их часть он прятал от глаз посторонних, наверняка под какую-нибудь невинную обложку.

– Ты станешь такой же знаменитой, как Алиса Лидделл, – говорил кузен и даже подарил мне книгу Льюиса Кэрролла.

Я порвала ее тем же вечером. Не читая. Просто потому, что от Шона ничего хорошего ждать не приходилось.

Разумеется, меня опять выставили полной идиоткой. Папа кричал, что ему стыдно за мой поступок. Во-первых, я покусилась на книгу, во-вторых, нарушила правила приличия: с подарками кузена так не поступают!

Меня наказали, обязав склеить, а потом выучить наизусть всю «Алису». До того момента, пока я этого не сделаю, мне запретили общаться с кем-либо и заперли. Это было ужасно! Прикоснуться к вещи, которую трогал Шон, мне казалось омерзительным. Хотя находиться под замком, вдали от кузена с его фотоаппаратом и гадкими фантазиями – почти награда.

Я решила дождаться момента, пока он уедет, а потом уже придумать, как быть. Мне оставалось вытерпеть пару недель. К разочарованию родителей привыкать не приходилось. Подумаешь! Да и Ло меня поддерживала. Даже разбила копилку, едва проводили кузена. Сбегала в

книжную лавку, купила еще одну «Алису», передала ее мне в окно и вызвалась склеить книгу Шона.

Моя сестра – ангел!

Та «Алиса» и сейчас у меня на полке. Ее я берегу, хотя до сих пор помню наизусть. А для этого мерзавца, живущего сейчас в моем подвале, я приобрела особенный экземпляр – в современном оформлении, яркий, карманного формата, чтобы пролез в окошко для Черри. В моих глазах он здорово уступал тому, старенькому изданию.

Просунула под дверь:

– Вот! Выучишь наизусть.

– Хорошо, – прошелестел Шон. – В детстве мне нравился Льюис Кэрролл.

Врун, лжец! Строит из себя святую невинность! Посмотришь и даже не подумаешь, что он мог вытворять такие гадости.

– Я рисовал иллюстрации: Белого Кролика, Алису, Чеширского Кота, Герцогиню, – принялся перечислять он, словно надеясь, что я забуду обо всем, обо всех своих унижениях.

Но эти слова напомнили мне про другие рисунки. Я нашла их в первый день, когда вырубил Шона шокером, чтобы спустить в подвал. Несколько страничек в блокноте, карандашные наброски.

Вьюнок, обвивающий тонкую лозу. Такой хрупкий, нежный. Как я не увидела тайного смысла? Вьюнок – убийца. Он душит в своих объятиях. Он смертоносен для неокрепшего стебля.

Или птица с перебитым крылом. В ее глазах застыла боль... Надо домыслить. Боль, потому что смотрит она в глаза охотника! А тот еще и упивается своей жестокостью, делая последний набросок.

Или третий. С ангелом!

С плеча сполз оборванный хитон, крылья обломаны, взгляд затравленный, полный безнадеги. Ангел прячется. Выглядывает из укрытия в надежде, что его не заметят. Я будто увидела в этом ангеле свою душу. Показалось, впервые Шон сделал нечто на самом деле имеющее отношение ко мне, а не только к его похоти.

Не в силах выбросить их из головы, я выскочила из подвала.

Где они? Где эти картинки? Зря я оставила их у себя! Пожалела... Слишком уж хороши. Обманчиво просты. Безыскусны.

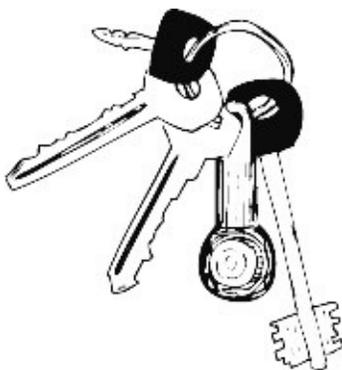
Разорвать в мелкие клочки! Швырнуть с обрыва! И пусть вода унесет любое напоминание... Потому что нет в Шоне невинности! В каждой его зарисовке скрыта жестокость и испорченная суть. Он извращает все, к чему может прикоснуться. Патологически!

Я побежала к реке, к нашему с Ло месту. Там особенно сильное течение. Если бы это было возможно – бросить вместе с бумажками все воспоминания, чтобы они не травмировали мне жизнь! Или смыть с Шона всю грязь! Но грязь с души не смоешь...

Глава 9

Шейла

Неделя без учеников тянулась бесконечно, а с учениками пролетела, как смерч, оставив за собой не меньше разрушений. Шейла просто не верила, что на ее уроках присутствуют девушки и парни из так называемой элиты. Они хамили, огрызались, как свора одичавших псов. Еще и строили из себя невесть кого! Будто не богатенькие родители вложили немалые деньги в их обучение, а они сами.

Понятно, почему по уставу предписаны такие жесткие требования – чтобы «сливки общества» не разнесли в пух и прах школу, не перетрахали все, что движется, не поубивали друг друга и учителей заодно.

Шейла не помнила, чтобы в юности она была такой же. А ведь между ней и учениками крошечная разница в возрасте! Правда, училась девушка в самой обычной школе. И слава богу! А вот с Брэдом отец решил выделиться... В конце концов, единственный сын.

Брат не хотел ехать сюда. Придумывал причины и оправдания. Даже подговорил девчонку из средней школы, чтобы та брякнула про беременность от него. И на что только надеялся? Их легенда просуществовала ровно два дня. Пока отец бесцеремонно не притащил бедняжку в клинику. А там... Даже анализы делать не пришлось – девчонка сама во всем созналась. Под таким-то напором!

А если исчезновение Брэда – тоже спланированная мистификация? Но тогда почему по прошествии двух месяцев он ни разу не связался с Шейлой? Перестал доверять сестре? Не может быть.

В кармане пиджака лежал обрывок, найденный в песке. Послание. Сигнал. Или призыв о помощи? В минуты отчаяния, когда девушке уже

казалось, что все затеяно зря, что нет ни малейшей зацепки для того, чтобы разыскать брата, Шейла прикасалась к клочку бумаги – становилось легче.

Говорят, в то же время уволилась мисс Розенберг – предыдущий учитель химии. Девушка видела ее фото в альбоме. Миленькая. Молодая. Возможна ли романтическая подоплека?

Зацепившись за эту идею, Шейла даже порылась в архивах и нашла номер мобильного этой Розенберг. Представила себе разговор: «Здравствуйте!» – «Здравствуйте!» – «Вы работали там-то?» – «Работала». – «И мой брат сейчас с вами?» Бред, конечно. В мысленных диалогах Шейла сильна не была. Да и номер сначала оказался недоступен, потом занят... И так несколько раз. Что это? Знак, что не стоит соваться? Интересно, копы проверяли эту гипотезу с учительницей? Или доблестной полиции проще, когда «сам удрал»?

Но Шейла все же дозвонилась на следующий день. В очередной раз набрала номер, и вдруг пошли гудки.

– Ал-ло-о! – протяжный бархатный голос.

– Мисс Розенберг?

– Да, – удивилась, кажется.

– А могу я услышать Брэда?

– Да.

И тишина.

Сердце Шейлы забилося в отчаянном припадке.

Она едва могла дышать. Сейчас она услышит голос брата! Мгновение! Секунда! Выдох-вдох... И вдруг комок. Густой, тяжелый, вставший поперек горла.

И что? Что ему сказать? Девушка понятия не имела, как ко всему этому относиться. Наорать? Но сейчас он счастлив и может на нее обидеться. Ему море по колено. Ему не до сестры, не до семьи, даже до целого мира дела нет. А она сама... разве она его для этого искала, чтобы снова потерять из-за неосторожного слова?

Но и радоваться Шейла сейчас не могла. Ведь Брэд поступил как...

– Я вас слушаю. – Мужской голос оборвал все размышления.

Низкий. Хорошо поставленный. Чужой...

Чужой! Как же глупо было на что-то надеяться. Глупо! Даже слезы на глаза навернулись. Шейла моргнула, быстро прервала соединение, отбросила мобильник и буквально рухнула на кровать, только сейчас сообразив, что до сих пор стояла, вытянувшись в струнку.

Но бездействовать нет времени. Надо двигаться дальше!

Шейла порылась в местной библиотеке в надежде наткнуться на что-

нибудь странное. Тщетно. Тихое место. Семьи, проживающие здесь не один десяток лет. Старинные родовые поместья. Небольшие коттеджи для сдачи в аренду. И маленький полицейский участок. Ни таинственных происшествий, ни гонений на ведьм, ни просто уголовных дел!

Последнее громкое событие случилось двадцать лет назад: в состоянии алкогольного опьянения в реке утонул некий молодой человек. Никаких криминальных мотивов. Несчастный случай. Соболезнования и прочее-прочее-прочее.

Может быть, Шейла упустила что-то? Нечто скрытое между строк?

Она вышла в сад. Раскаленный прелый воздух лишь сильнее затуманил голову. Мелькали тени. Роилась мошкара. Наверное, у реки прохладнее. Хорошо, что она преподаватель и имеет право выходить за ворота.

Но до реки Шейла не дошла. Чуть в стороне – там, где тропинка уводила резко влево, – из зарослей кустарника послышалась возня. И голоса. Парня и девушки.

– Ну? Какого черта ты ломаешься?

– Не надо.

– На себя посмотри, тебе в радость должно быть.

– Нет... Пожалуйста! Не надо...

Рваные реплики Шейле не понравились.

Она остановилась. Напряглась. Еще сильнее прислушалась. Подсознательно тянула время: а вдруг все обойдется? Вдруг ей показалось, примерещилось, послышалось? Но как бы ни хотелось остаться в стороне, ситуация требовала вмешательства.

И на ее счастье, вмешался кто-то третий.

– Отвали от нее! – услышала она уверенный голос. А потом сквозь листву разглядела фигуру парня. Вырос внезапно, как из-под земли!

– Ха! Вот, оказывается, чья ты салатница!

И следом недвусмысленный шум потасовки, девчачьи вскрикивания...

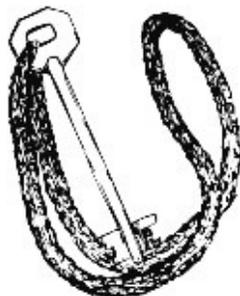
Несколько секунд спустя мимо Шейлы, словно лось, пронесся парень: расширенные зрачки, перекошенный рот, порванная рубашка, – теперь он мало походил на холеного красавчика.

Осторожно выглянув из-за кустов, Шейла увидела и других действующих лиц разыгравшейся пьесы и удивилась, что этот грубиян, который хамит ей на уроках, может за кого-то заступиться. Тем более за такую довольно невзрачную девушку с брекетами.

Глава 10

Сэлл

Если до тебя доколебалась страхолюдина, парень, – ты влип по уши! Лучше сразу беги. Никакие слова не помогут! А вот если наоборот... Если вдруг ты сам решил бросить якорь в ее сторону – причем именно якорь, и только! – дело пахнет жареным. Нет, конечно, можно попытаться разглядеть ее внутренний мир, но это только в теории. К реалиям жизни раскопки недр души не имеют никакого отношения. Может быть, позже, когда мускулы в штанах перестанут играть на тамтаме и атрофируются, а пока... Пока, по мнению Сэлла, это ясно и точно походит на нездоровую психику. Такому палочнику хоть скользкую селедку, хоть дохлую кошку, хоть стул – главное, вставить.

Нет, по большому счету Сэллу все равно. Он не врач – пилюльку не посоветует. Но если пациент сам отчаянно напрашивается на консультацию, то прописать кое-что другое все же может.

Вот и прописал.

А после по привычке захотелось покурить. Отойдя чуть в сторону, Сэлл присел на корточки возле забора, затянулся, выпустил колечки дыма и вдруг вспомнил про садовника... Бросил сигарету, втоптал ее в землю, сплюнул под ноги. Нет, не потому, что слова афроамериканца на него повлияли. Сэлл выискивал его взглядом – где он сейчас? – неудержимо хотелось поговорить. Просто потрепаться ни о чем. Каждому человеку это необходимо.

Окольными путями Сэлл вышел к тому месту, где в прошлый раз встретил садовника. Постриженные кусты громоздились в ряд зелеными статуями. Все четко, гладко, без единого изъяна. Перфекционист с секатором.

Да, здесь мастеру уже делать нечего! Надо искать его в другом месте.

Недалеко от сада располагалась оранжерея – застекленная беседка, увитая изнутри лианами. Сэлл видел такие только в кино и всегда представлял, что когда-нибудь и он будет пить красный чай за маленьким круглым столом под ветвями гибискуса, наблюдая за бранным миром из-под прозрачного купола. Там и дышится легко, и спится хорошо, и чай неповторимый. Но самое главное – никто тебя не трогает.

И вот под таким стеклянным колпаком сидел садовник – перебирал пустые торфяные горшочки, складывал один в другой и отставлял в сторону. «Вполне себе счастливый человек», – подумал Сэлл и мягко ухмыльнулся. Было в нем что-то такое, что вызывало симпатию или даже... уважение.

То ли афроамериканец давно его заметил, но не подавал вида, то ли почувствовал чей-то сосредоточенный взгляд на себе... Но когда он разогнулся и поднял голову, встретился с Сэллом глазами. И даже вроде улыбнулся – сверкнул щербинкой. И махнул рукой – небрежно, но доброжелательно.

Правда, разговаривать ему было некогда. Садовник пересек оранжерею и принялся ворочать ящики с растениями.

Сэлл ответил приветственным жестом, которого афроамериканец уже не увидел, и поспешил к корпусу.

А Зубатка, видимо, все приняла на *свой* счет: улыбалась Сэллу, поблескивая железом, всю пару, а потом на лабораторной по химии к нему хотела подсесть. Ха! Еще одно подтверждение тому, что теория Сэлла насчет страхолюдин работает.

Но кое-кто ее опередил...

В другой раз Сэлл послал бы обеих к чертям – он и один с реактивами справился бы. Но если выбирать из двух зол, логично, что каждый выберет наименьшее. Химия, она и в сугубо деловых отношениях – химия. Все знают, что железо рано или поздно покроется ржавчиной. А он не цинк и не олово, чтобы защищать его от коррозии. Да и само словосочетание «белая жесьть» его ужасно бесило!

В общем, на химии его случайной соседкой по парте оказалась Амелия.

Глава 11

Амелия

Амелия внимательно изучила листок с расписанием занятий. Химия уже сегодня, но она на нее не пойдет. У нее свои планы. Не столько на химию, сколько на мистера Мелларка. И они подождут.

Хорошо, хоть во время занятий учителя не шастают по жилому корпусу, не проверяют, не отлынивает ли кто. Впрочем, может, и шастают, только не постоянно. Выскакивают неожиданно, чтобы поймать нарушителя. С них станется.

Но пока на этаже царил привычная гулкая тишина. Самое время проверить подаренную Бриджет отмычку, научиться ею пользоваться: отпираться и запираться.

Амелия еще несколько секунд вслушивалась в тишину за дверью, потом выглянула в коридор. Пусто.

Для начала неплохо бы потренироваться на каком-то стороннем замке. Если сломается свой, все окажется уж слишком очевидным. А подставляться сразу в планы Амелии никак не входило. Как и подставлять других.

Она прошла в конец коридора. Там точно должна быть еще одна дверь, за которой обычно скрывалась вовсе не комната. Да, все верно: табличка «Выход»! Хотя наверняка дверь отпиралась только в экстренном случае. Если, к примеру, пожар. Недаром же рядом с ней висел очередной план этажа, расчерченный жирными красными стрелками, указывающими направление эвакуации.

Амелия оглянулась, постояла немного, в который раз прислушиваясь. Тихо, как на кладбище. Вытянула из кармана отмычку, присела, осторожно просунула загогулину в замочную скважину, хихикнула в ответ на собственные пошловатые мысли.

Плохо, что приходится орудовать спиной к длинному коридору, даже краем глаза ничего не уловишь, только если оглядываться. А об этом не вспоминается. Если бы сразу все получилось – другое дело, а тут, как и предупреждала Бриджет, требовалось приноровиться, передвигая отмычку в скважине чуть поближе или, наоборот, чуть подалее, стараясь не жать слишком сильно.

По спине пробежали мурашки. От осознания, что в любой момент могут застучать. Не получалось одновременно и прислушиваться, и возиться с замком. Организм выдал еще порцию эндорфинов, усиливая волнение и ощущение азарта.

Амелия облизала губы. Она любила подобное состояние. Когда сосало под ложечкой, когда в груди что-то царапалось и тревожно сжималось. И прекрасно понимала людей, которые чисто из любопытства и желания острых ощущений лезли туда, куда по здравым соображениям лезть не следовало ни в коем случае. Она сама была из таких.

Потому и замутила с Кеннетом, хотя без труда могла подцепить кого-нибудь из своих ровесников: одноклассников или богатеньких сыночков папашиных знакомых. Но это было бы слишком просто и скучно. Кеннет – совсем другое дело. Он намного старше, он женат, и никто не должен был узнать об их отношениях.

Ощущение запретности и неправильности происходящего пьянило куда больше всех прочих чувств. Амелия даже не могла сказать точно, что испытывала к Кеннету.

Ну, он ей, конечно, нравился, но о любви, скорее всего, и речи не шло. Да еще мысли о том, как взбесился бы папочка, узнав о романе с его деловым партнером, подливали масла в огонь отношений.

Вот и сейчас, когда Амелия возилась с отмычкой, рискуя быть пойманной в любой момент, ощущения возникали похожие, хоть и не столь сильные.

Она перевела дыхание, замерла на миг, оглянулась, а потом опять наклонилась к замку, и он, как нарочно дожидался, щелкнул, отмычка легко провернулась. Амелия надавила на ручку, и дверь распахнулась.

Разумеется, там была лестница, никакой тайной комнаты. Но пролеты не только уходили вниз: один поднимался и заканчивался еще одной дверью. Наверняка запертой и наверняка ведущей на чердак. И, почти тоже наверняка, этим чердаком пользовались как местом тайных свиданий. Где еще встречаться влюбленным в этом монастыре? Если шаг вправо, шаг влево строго регламентированы. Вряд ли тут прямо все блюдут невинность и целибат.

Ладно, по лестнице Амелия пока не полезет. Как-нибудь в другой раз. А теперь надо попробовать запереть и отпереть собственную комнату. Главное выяснено: отмычка действительно работает. Урок пропущен не зря. Вдвойне не зря. Но второй выгодой Амелия воспользуется чуть позже.

После обеденного перерыва она нарочно болталась возле кабинета химии, прохаживалась туда-сюда, пока не попала на глаза мистеру Мелларку. Он отреагировал так, как и предполагалось.

– Мисс Грин, можно вас на несколько слов?

Такой прям официальный и невозмутимый.

Им пришлось зайти в кабинет химии, потому что по коридору уже валила шумная толпа, заглушая все звуки непрерывной болтовней. То есть опять все шло по плану.

Гейл подошел к учительской кафедре, подальше от дверей, потому что гул из коридора легко проникал в класс, развернулся к Амелии. Та остановилась чересчур близко, но отступить не стала, да и мистер Мелларк не думал отодвигаться.

– Мисс Грин, почему вас не было на уроке?

– На уроке? – Амелия хлопнула ресницами, изобразив искреннее недоумение. – На химии? А разве у меня в расписании есть химия? Ой! Правда? – Она типа совсем растерялась и принялась тереть пуговицу на блузке, самую верхнюю из застегнутых.

– Есть, – подтвердил мистер Мелларк. – Пожалуйста, впредь будьте внимательней и больше не пропускайте уроки. Ни у меня, ни у других преподавателей.

– Конечно, – воодушевленно подтвердила Амелия и кивнула, по-прежнему не оставляя в покое пуговицу. – Извините. Я просто не заметила. Но больше такое не повторится. Я обязательно буду ходить на все уроки. На химию особенно.

Пуговка выскользнула из петли, а потом и следующая, и еще одна. Края блузки разошлись в стороны.

– Что вы делаете, мисс Грин?

– Здесь слишком жарко, – пробормотала Амелия. – Особенно рядом с вами. – Подалась вперед, но наткнулась на взгляд. Он был такой... такой... какой она никак не ожидала увидеть.

Абсолютно безучастный. Мистер Мелларк невозмутимо взирал на ее грудь и не испытывал никаких чувств. По крайней мере, не те, на которые Амелия рассчитывала.

Любой другой сразу пустил бы слюни. Мало того что у нее там и без дополнительных ухищрений все на высшем уровне, она сегодня еще и

пуш-ап надела.

И что? Все зря? Мистер Мелларк взирал на нее с таким выражением на лице, будто рассматривал манекен в витрине магазина.

Да что за хрень! Еще никто не относился к Амелии с таким безразличием. Ну ладно, не повелся, но мог бы возмутиться, заставить застегнуться, пригрозить. Ну хоть как-то отреагировать! Только не стоять со скучающим видом!

Амелия прищурилась, уставилась прямо в глаза мистеру Мелларку.

– А-а, понимаю. Вас больше мальчики интересуют.

Гейл молчал. Просто молчал и выглядел по-прежнему невозмутимым. И это выводило Амелию из себя.

– А директор в курсе ваших предпочтений? А попечительский совет? – Она ухмыльнулась, смерила мистера Мелларка с головы до ног презрительным насмешливым взглядом. – У нас, конечно, толерантность и все такое. Но не думаю, что все эти богатенькие папашки и мамашки спокойно отнесутся к присутствию в школе учителя-педика.

– Вы можете идти, – не повышая голоса, произнес мистер Мелларк.

– Ну да, конечно! – воскликнула Амелия, кипя от негодования, направилась к дверям и вывалилась в коридор прямо в расстегнутой блузке. – Че вылупился? – проорала в лицо остолбеневшему при виде ее парню. – Слюни подбери, недоумок! – Еще бы и врезала, если бы тот торопливо не отшатнулся в сторону.

На следующую химию она явилась как ни в чем не бывало. Вошла в кабинет, беззаботно улыбаясь, огляделась. Почти все места были уже заняты. Но ей без разницы, с кем и где сидеть. Потому она и выбрала ближайший свободный стул.

На соседнем сидел парень. Амелия первый раз его видела. Раньше – то ли не попадался, то ли она просто не обращала внимания.

Волосы короткие, темные, а глазки синие. Но вот кроме глазок – ничего особенного. Разве что выражение на физиономии не слишком приветливое. Но ей по фиг.

Амелия плюхнулась на сиденье, еще и произнесла:

– Привет!

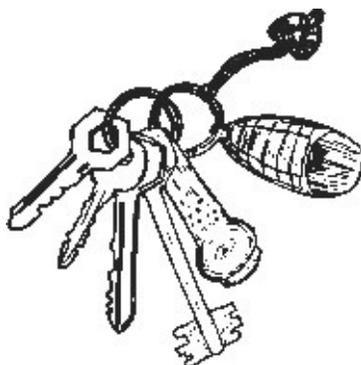
Парень не ответил, только глянул чуть исподлобья. Кто бы другой, с более нежной душевной организацией, после подобного взгляда, может, и подскочил бы, и убежал подальше. Столько в нем было «ласки и теплоты». Но только не Амелия. Она еще и спросила:

– У тебя как с химией?

Глава 12

Сэлл

С химией у Сэлла было все более или менее.

Нет, возможно, кто-то бы возразил и даже поспорил насчет того, что этот дичок рубит в химии получше любого среднестатистического студента их школы, но Сэлл так не считал. Он знал свои слабые места, видел, к чему надо стремиться, и был уверен, что, если поднажать с учебой, перед ним откроется многообещающий портал. И уж тогда-то он своего не упустит – обязательно свяжет свою будущую профессию именно с этой наукой.

Ага, размечтался!

Реальность рисовала иные перспективы.

Сэлл демонстративно отвернулся от навязавшейся соседки. Отвечать на дежурные вопросы он не обязан. К тому же еще со времен начальной школы учили не заниматься пустой болтологией на занятиях. Или в этой голове со смазливой мордашкой не задерживалась никакая информация?

Парень фыркнул в кулак.

Мелларк покосился на Сэлла.

Острое, жгучее чувство заставляло тушеваться, пригибаться пониже к столу. Что-то было во взгляде Гейла Мелларка такое, что смущало парня. Смущало на уровне подсознания. Сбежать, спрятаться, скрыться. Но прятки Сэлл презирал. К тому же всегда задавался целью во что бы то ни стало и при любых обстоятельствах бороться с самим собой. Бороться – значит изучать себя, свою сущность и психологию. Докапываться до истины. Побеждать. И Сэлл впился ответным взглядом в учителя.

Теперь, похоже, смутился Мелларк:

– Вам что-нибудь непонятно?

Учитель вскинул подбородок и сделал вид, что совершенно спокоен. Но смотрел он не в глаза ученику, а на его переносицу.

Хороший ход. Такую игру Сэлл с удовольствием принял.

– Все непонятно, – отчеканил он и выжидающе замер, продолжая испепелять взглядом холеное лицо учителя.

Скулы слегка тронул румянец, бровь нервно дернулась. Теперь Мелларк должен был шагнуть через две ступени, чтобы не упасть в грязь. В глазах Сэлла, естественно. Это сам Сэлл мысленно дал ему такую установку и мечтал, чтобы противник не сдался, ведь так интереснее. Проверял его на прочность и зачем-то желал себе проигрыша. Ради справедливости.

– Повторяю, – ровным тоном заговорил Мелларк, – цель сегодняшней лабораторной работы – определить плотность жидкостей...

Плотность жидкостей! Ха! А он, кажется, и сам не уверен, что мы сегодня измеряем! Рука-то задрожала... Или совсем не поэтому «невозмутимый» учитель вцепился в планшет так, что пальцы побелели?

Рукав пиджака уехал вверх, оголив запястье... совсем хрупкое, тонкое, с остро выпирающей костяшкой...

Сэлл попытался поймать взгляд Мелларка – не удалось.

– Каких? – хмыкнул он и откинулся на спинку стула.

– Всех, – неубедительно отрезал учитель. Быстро отвернулся и прошагал к окну.

Сэлл даже улыбнулся, утвердившись в собственных догадках.

– Я вам и без лабораторной про плотность каждой расскажу. – Он брезгливо отодвинул защитные очки и вытянул ноги в проход.

Кто-то загоготал.

– Наденьте очки! – неестественно строго вскрикнул Мелларк.

После чего все студенты уставились на Сэлла, а Амелия даже забубнила ему что-то вполголоса. Но Сэлл никого не слышал и не видел: он не сводил глаз с Мелларка.

– Только после вас! – ухмыльнулся. – Надо уступать... э-эм... старшим!

Глава 13

Элейн

Мне девять. В кухне источает ароматы индейка. Нэнни всегда маринует ее в особых специях и не выдает секрета никому, даже маме, даже в качестве рождественского подарка. Можно часами исходить слюной в ожидании угощения. Но оно того стоит.

Мы с Ло стащили печенье и довольные, как тюлени, дурачимся у себя в комнате.

Папа что-то пишет в кабинете.

Мама укладывает спать Патрика – братишке что-то опять нездоровится, и он капризничает.

А в гостиной раскинула пушистые лапы огромная ель. Мы наряжали ее полдня и вволю нахотались. Родителям даже пришлось несколько раз повторить, что смех до плача доводит. Но не понимаю, почему бы не хохотать, если все хорошо.

Звонит телефон...

Если бы можно было вернуть прошлое, я бы перерезала телефонный провод или разбила этот проклятый аппарат. Но в тот момент мне весело.

– Отлично! Приезжайте! – громко говорит папа.

И пословицы про смех и слезы снова мимо ушей, потому что Ло начала меня щекотать, чтобы отобрать последнюю печенку.

– Нэнни, как у нас с продуктами?

Папа еще что-то спрашивает на кухне, но я улавливаю лишь обрывки фраз. И не делаю выводов.

Это все прошлое. Давнее прошлое. Как говорит мой психоаналитик, надо отпустить и забыть. Но я не могу. Я прокручиваю в голове заезженную пленку воспоминаний и хочу выцепить те моменты, когда еще

можно было все исправить. Вот, например, сейчас. Не хохотать, а сбежать. Прочь. Куда угодно. Возможно, в Сибирь. Или на Аляску. Оставив нераскрытыми рождественские подарки. Я же не пятилетняя дурочка, как Патрик, я уже не верю в Санта-Клауса. Значит, в этих шуршащих обертках нет ничего волшебного. Они не спасут. Не помогут. Не заставят взрослых прислушаться к моим словам!

– Девочки! – Папа заглядывает к нам. Его глаза блестят, одна бровь приподнята – это всегда сигнал предвкушения. – Звонила бабушка. Они с Отто решили провести Рождество у нас.

Мы с Ло хлопаем в ладоши. Хотя, признаться, бабушку и Отто – четвертого бабушкиного мужа – мы почти не знаем, так как видим раз в год. Но она всегда привозит отличные подарки. Можно будет похвастаться перед девочками в школе.

Однако папа подозрительно улыбается:

– Но это еще не все!

В романах всегда пишется о предчувствии. О том, что у главного героя леденеют руки или он ощущает присутствие рока за спиной.

Я не почувствовала ничего. Мне было весело.

– Тетя Джейн и дядя Альберт тоже приезжают. Разумеется с Шоном.

Когда машина едет на скорости, сразу не затормозишь. Даже полностью выжав газ! На асфальте останутся следы расплавленных покрышек.

Мой смех повис в комнате стальными канатами. На каждом из них болталась дохлая птица: ожидания праздника, счастья, предвкушения...

Ло взяла меня за руку. Но я почувствовала это, только когда пальцам стало больно. Папа к тому времени уже вышел, приказав нам расправлять постели и готовиться ко сну.

– Если он к тебе подойдет, мы расскажем родителям! – твердо пообещала сестра.

Я кивнула...

Почему мне не пришло в голову разбить копилку, выгрести оттуда все деньги и пойти к Салли О'Майли? Поговаривали, что у него можно купить все: оружие, яд, наркотики. И моральные принципы его не волновали. Его бы не смутило, что к нему пришла маленькая девочка. А с Шоном наверняка можно было справиться с помощью оружия, яда, наркотиков.

Если бы я пригрозила ему пушкой? Или посыпала кусок пудинга мышьяком? Или просто подбросила в карман пакетик дури и пожаловалась взрослым?

У. Меня. Бы. Все. Получилось.

Но я кивнула Ло, мы расправили постели, приняли душ и легли спать.

Наутро у меня разболелись горло и живот. Поднялась температура. Тело покрылось мелкой зудящей сыпью. Мама разрывалась между мной и гостями. Сестра – между мной и Патриком, которого на нее повесили. Нэнни – между мной и кухней. Папа – между Отто и дядей Альбертом. Патрик – между елкой, гостями и печеньем. Им приходилось нелегко.

А я надеялась, что Шону будет по фиг, где я. Он будет важно расхаживать среди взрослых, пожимать им руки и даже не сунется в нашу с Ло комнату. Может, у меня что-то заразное. Корь. Ветрянка. Сыпной тиф. Чума. Хотя сейчас она неактуальна. Желудочный грипп – самое то. Кузен ведь не захочет все каникулы проваляться больным?

Но моя надежда разбилась вечером этого же дня. Когда все спустились в гостиную, я услышала шаги возле своей двери. Не Ло. Не Патрик. Не родители. Гость. Тот, которого бы я хотела видеть разве что лежащим в гробу.

– Привет. – Шон заглянул в комнату, оставаясь за порогом.

Я мысленно взмолилась, чтобы он там и оставался. Покашляла вместо приветствия.

– Мне сказали, что ты болеешь. Бедная моя маленькая девочка, – сладко запел он.

Не твоя! Не твоя! Не твоя...

– Представляю, как тебе грустно: ни угощений, ни подарков, ни игр.

Я бы могла поспорить. Все самые лакомые кусочки мне уже принесла Нэнни, бабушка подарила мне плеер, стопку книг и набор юного художника, а с Ло мы играли буквально полчаса назад.

Шон шагнул через порог. Я съежилась под одеялом и закашляла еще громче.

– Я пожалею тебя, малышка. Кому-то же надо это сделать. – Его голос лился, как сахарный сироп. – Мы поиграем в доктора.

– Шо-он! – От страха я даже не поняла, кто именно кричит из гостиной.

Кузен дернулся обратно в коридор, поспешно бросил мне, что скоро придет.

И вернулся, будь он проклят! Вернулся!

– Испугалась? Что оставлю тебя? Моя маленькая девочка.

Шон пробежался пальцами по моим ногам, все выше и выше.

Я вцепилась в край одеяла и натянула его до носа. Зря. Это движение привлекло Шона. Он дернул одеяло в свою сторону. И разумеется, оказался сильнее.

– Какая миленькая пижамка. Она к лицу моей малышке. Сейчас мы расстегнем кофточку и пощупаем животик. Быстро-быстро. Ведь доктора уже зовут.

От его ледяных рук я мгновенно покрылась мурашками. Хотела закричать, но из горла вырвался только рваный хрип.

– Славная девочка, – ухмыльнулся Шон. – Очень славная.

Где был в тот момент Бог? Отвернулся к какой-то другой девочке?

Мне стало больно от воспоминаний, впрочем, как всегда. Я подошла к окошку в цоколе, аккуратно отворила ставни, дотронулась до решетки и мгновенно отдернула руку, словно меня ударило током.

Смыть! Смыть эти воспоминания, эти мерзкие прикосновения!

Я схватила шланг для полива, который лежал недалеко, у розария, и заглянула к Шону. Похоже, он спал, свернувшись на куче тряпья и укрывшись все теми же обносками, некогда брошенными туда за ненадобностью. Я нажала на спуск, и шланг завибрировал в моей руке под напором воды. Струя с силой ударила в спину гаденьша. Он тут же вскочил, заметался, раскрывая рот в беззвучном крике.

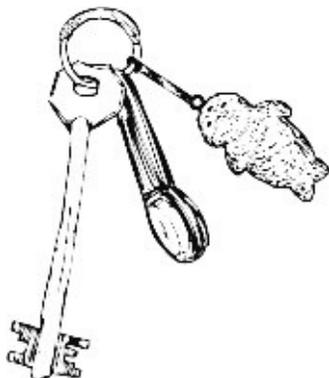
– С ума сошла!

– Вода смывает все, – усмехалась я, поливая Шона, гору шмотья, окатывая брызгами ледяной воды импровизированное чистилище. – Все...

Глава 14

Сэлл

Решение пойти еще и на следующий модуль родилось спонтанно – да просто Мелларк, выскочив из лаборатории, свернул в сторону кабинета французского.

Что? Французский? Да плевать! Сэллу было крайне важно, чтобы Мелларк ни в коем случае не подумал, что так легко соскочил, а постоянно ощущал его присутствие даже среди толпы. Потому сверлил взглядом затылок преподавателя и шел следом.

Вот Мелларк дернулся – хотел обернуться, но, видно, строго осадил себя. Обошел лохматого и еще парочку фриков. Смотреть, что там за спиной, – не в его правилах. Боялся выдать свой страх? Или... Да напрасно все это.

Сэлл ускорился.

По радио забубнили какую-то муть про мероприятия на выходные. Кое-где притормаживали говорливые компании, и Мелларк чуть не врезался в одного из этих ржущих коней с накачанным торсом. Смутился. Смутился, бедняга! Пробормотал что-то – извинился. И обернулся.

Сэлл успел поймать его взгляд.

И снова как будто по голове прикладом – неудобно, колко, тесно в собственном теле. Даже стопор сработал... на мгновение. Секунда. Нет! Доля секунды на то, чтобы сообразить, что происходит, сговориться с собственным разумом. Сэлл имеет на это право. Вот только разум, кажется, гнет свое.

Тычок в плечо:

– Ну? Че застрял в проходе?

Нет, это не лохматый. Еще один борзый?

Сэлл покосился на Мелларка, но тот уже скрылся за поворотом.

– А то че? – Сэлл был вынужден переключить внимание.

– Задерживаете, молодой человек. – Из-за плеча послышался другой голос, женский. – Вы у нас кто?

Ага, «Шейла Дженкинс» – надпись на бейдже. Преподаватель французского.

– Quien es quien?^[2] – хмыкнул он равнодушно.

– Ошибаетесь! Это не французский... Votre prénom, s'il vous plaît?^[3] Но я не буду вас утруждать. Вы... – Молодая ухоженная женщина в нелепых имиджевых очках заглянула в планшет. – Вы... Селестин Уэст?

Типа умная, да? Читать научилась? Как же бесило, когда его называли полным именем!

Дерьмо! Полное дерьмо!

Перед глазами сразу всплыло сальное лицо вштыря. Толстые, вывернутые наизнанку губы блестели слюной, когда тот унижительным тоном проговаривал по слогам его имя.

– Это вы ошибаетесь, – бросил Сэлл и смерил вульгарно одетую училку пренебрежительным взглядом.

– Извините, но...

– Можете засунуть извинения в свою упругую задницу! – рывкнул он и рванул обратно по коридору.

Сэллу требовался воздух. Срочно! Глоток за глотком! Кулаки сжимались, скулы сводило от напряжения. Таких, именно таких должен окучивать вштырь! Подтянутых, упругих во всех местах и лет на двадцать моложе. И что он прицепился к его матери?

Парень летел вниз по лестнице, к выходу. Вздохнуть, расправить легкие... А потом забить их под завязку тягучим смогом никотина.

Вырвавшись на улицу, Сэлл недолго думая устремился к оранжерее – за ней, у миксбордера, возился садовник. Сняв перчатки, рылся в земле – пересаживал что-то, – насвистывал под нос веселую мелодию и был в бодром расположении духа. Впрочем, как всегда, кажется.

– Эй! – окликнул его Сэлл на полпути.

– А-а, это ты, парень, – протянул афроамериканец, едва взглянув в его сторону.

Знает свое место – вот и работает, не отвлекаясь на всякие пустяки. А может, просто любит проводить время с молчаливыми кустарниками да смиренными шрабовыми розами.

Сэлл подошел вплотную. Уставился на лысоватый черный затылок. Качнулся, переступил с ноги на ногу и присел на корточки рядом. Вроде сложно, но в то же время... просто. Внутренняя борьба закончилась, так и не успев начаться. И Сэлл протянул руку садовнику в качестве приветствия.

Тот улыбнулся, оголил белоснежные зубы. Дернул рукой, но тут же опомнился – грязные.

– Чушь! – мотнул головой Сэлл. И они обменялись крепким рукопожатием.

– Что, парень, тяжело тебе тут? – по-доброму усмехнулся садовник.

Его глаза, казалось, видели Сэлла насквозь, читали в каждом потаенном уголке забредшие туда сокровенные мысли. Он мог ничего не спрашивать – все равно знал ответ на вопрос не хуже его самого.

– Есть закурить? – тихо спросил Сэлл.

Пускаться в бессвязные объяснения он не собирался. Да и незачем, сам прекрасно понимал.

– А где ж твои?

– Выкинул.

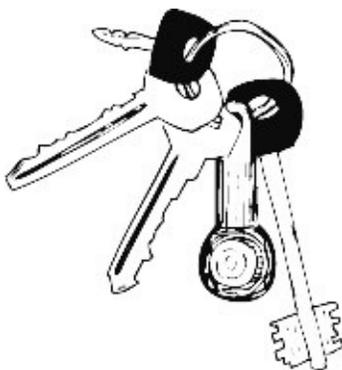
Садовник распрямился. Сменил по-домашнему добрую улыбку на серьезное выражение лица и отозвался резко:

– Вот и нечего! – поднял с земли маленькие ручные грабли с тремя зубьями и не спеша направился к оранжерее.

Глава 15

Шейла

Их было двое новичков в педколлективе. Все остальные работали давно. Наверное, кто-нибудь из них еще помнит Брэда. Возможно, что-то подскажет. Хотя бы просто даст зацепку. Но у Шейлы не выходило завязать общение со старожилками. Всегда срабатывало, что она слишком молода, что ее диплом – фикция. Да и сама она – никто... Спросят, где училась, с кем – а ей и ответить нечего. За плечами всего лишь курс универа. Сейчас она там взяла академический отпуск, сославшись на семейные обстоятельства. Боязнь прокола мешала.

И не только с коллегами.

Взять, например, этого... Как его? Шейла постаралась обмануть саму себя, будто припоминает имя ученика, но оно буквально врезалось в память. Селестин Уэст. Он действовал на нервы. Вел себя вызывающе. Взъерепенился на ровном месте... Какого черта он записался на ее модули?

Если бы не случай с девушкой, невольной свидетельницей которого стала Шейла, она с легкостью повесила бы на Сэлла ярлык «неадекватный». Однако заступиться за девушку, до которой домогается избалованный придурок, это поступок.

Но почему-то подспудно думалось, что Брэд мог подружиться с этим Уэстом. Подумаешь, год разницы! Вместе бы забивали на скучные предметы, заигрывали с девушками, строили планы.

Вот хорошо бы точно знать планы Брэда. Найти бы книги, которые он читал. В школе была отличная библиотека. Сходить туда, полистать регистрационные записи? Тем более там все компьютеризовано. Наверняка брат использовал тот же логин и пароль, что и для других учетных записей.

По крайней мере раньше он так делал.

Шейла воспользовалась «окном» между своими модулями и сделала вид, что ищет дополнительный материал. Впрочем, библиотекарь лишь мельком взглянула на нее сквозь опущенные на кончик носа очки.

Девушка подошла к компьютеру. Изобразила, что проходит регистрацию, а сама попыталась войти в личный кабинет Брэда. Логин – его детское прозвище. Пароль – ее. Могло быть и наоборот, но сработало с первого раза.

Последнее посещение – в мае. Скачивал материалы по рисунку, дизайну и архитектуре. Довольно много. Накопировал, чтобы изучать в дальнейшем. И это за четыре дня до своего типа «побега». Слишком спонтанное решение для Брэда.

В личном кабинете имелась функция хранения записей, фотографий. Однако дневник Брэд не вел. А фото...

Шейла полистала, жалея, что не принесла с собой флешку. Перекинула бы и не дергалась, что кто-то пройдет за спиной. Впрочем, ничего особенного на фотографиях не оказалось. Типичные будни. Уроки, лабораторные, стайки девушек, компании парней. Довольно часто мелькала девушка, показавшаяся Шейле знакомой.

Она задумалась. Улыбка, чуть подпорченная металлическим сиянием брекетов. Круглое лицо, пухленькие щеки. Волосы самого незамысловатого русого цвета, хотя и довольно пышные. Третий год обучения, как и у Селестина Уэста. Точно! Но в каникулы явно побывала у стоматолога.

Шейла присмотрелась к девушке – ничего же ведь особенного. Обычная. Неужели брат разглядел в ней что-то интересное? Уж слишком простая для него! И Шейла скептически хмыкнула.

Резкий звук разнесся по пустому помещению. Черт! Библиотекарь взглянула строго и удивленно, и девушке пришлось демонстративно покашлять.

– Извините, – шепнула виновато, – простуда прицепилась.

Вышла из личного кабинета Брэда и покинула библиотеку быстрым шагом. Скоро «окно» закончится, да и вообще.

Как раз началась перемена. Толпы учеников курсировали по коридору в обе стороны. Кто-то спешил на следующие модули, кто-то к выходу. Шейла приняла невозмутимый вид и направилась в свой кабинет.

Несколько оставшихся модулей прошли без особых эксцессов. Самые младшие ученики – первогодки – выглядели малышами на фоне прочих. Они смотрели наивными глазами и, казалось, впитывали каждое слово. Шейлу они умилили. Признаться, она не понимала родителей, которые

отправили в эту школу своих отпрысков, потому что не могут с ними справиться самостоятельно. На ее взгляд, ребята были лапушками, и в этой школе точно нахватаются плохого, помимо знаний.

К вечеру захотелось пройтись по саду. Вдохнуть яблоневый аромат. Отвлечься ото всего. Шейла замечала не раз: если не можешь решить какую-то проблему, надо переключиться на что-нибудь иное, тогда мозг сам найдет выход. Возможно, она слишком хочет найти зацепки о Брэде и не замечает чего-то очевидного?

Но сад облюбовала не только Шейла. На ближайшей скамейке сидели две девушки, вроде бы третьегодки, похоже, уже изрядно навеселе: яркая брюнетка и как раз та самая, с брекетами. Причем последняя явно изливала душу.

Шейла бы ушла, если бы не прозвучавшее имя брата, причем неоднократно.

Пожалуй, стоило прислушаться. Девушка уже вдоль и поперек обошла весь сад и поэтому знала, как подойти к скамейке так, чтобы ее не было видно, но при этом оказавшись в пределах слышимости.

Студентка с брекетами рассказывала душещипательную историю, что занималась в одном изобразительном классе с Брэдом и у них все-все бы получилось, если бы тот не пропал. Почему он пропал, она бы тоже наверняка поведала, но в таких случаях всегда всплывает жирное «но». В данном случае – миссис Пафф, местная блюстительница порядка и нравственности.

Руки в боки, и конец празднику.

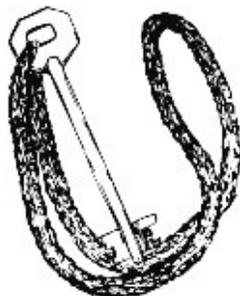
Миссис Пафф подхватила рассказчицу под мышки и куда-то уволокла. Можно было идти вдоль дорожки за кустами, но Шейле показалось, что брюнетка не настолько пьяна, насколько хочет казаться. Значит, может засечь. А один притворщик другому враг, а не товарищ.

Жаль. У Шейлы, пожалуй, впервые за долгое время появилась надежда. Надо бы раскрутить эту болтливую на продолжение истории. Может, зря Шейла предполагает, что Брэд никогда бы не увлекся такого типа девушкой. Она была на многих фото, значит, довольно часто оказывалась рядом с ним. Все возможно...

Глава 16

Амелия

С мистером Мелларком не прокатило – ноль эффекта. Он даже не пожаловался никому на непристойное поведение ученицы. Просто сделал вид, будто ничего не случилось.

Ну и что это за фигня? Отличный план – псу под хвост. Еще и обидно чуть ли не до слез. Хотя... скорее, не до слез, а до желания швырнуть что-нибудь об стену, разбить вдребезги. Или сделать какую-нибудь гадость первому, кто попадет под руку, чтобы он визжал, рыдал и корчился. А Амелия смотрела бы и упивалась, и злость бы уходила.

Слегка почувствовала себя отомщенной, когда парень, с которым оказалась за одним столом на лабораторке по химии, – Сэлл, кажется, – удачно прикопался к этому зануде-красавчику, заставив прикусить язык. Причем не просто послал, а переплюнул по части знаний по его же предмету.

Оказывается, не все здесь тупые, озабоченные придурки. Может, стоит присмотреться к случайному соседу. Хотя... на что он Амелии? Она не собирается надолго задерживаться в этой гребаной школе.

Во время обеда к Амелии подседа Бриджет и тут же затрещала:

– Ну, как дела? Обживаешься?

Амелия скорчила кислую физиономию, выражение которой одновременно означало и «А куда денешься?», и «Да сейчас. Не дождетесь!», поинтересовалась:

– А выпивку тут можно достать?

Бриджет приподняла брови и хохотнула. Но расспрашивать не стала, кивнула:

– Да можно, конечно. Если знать, к кому обратиться.

– Ты же знаешь, – уверенно предположила Амелия, и Бриджет

скромно потупилась, на мгновение. Но тут же произнесла:

– Только это будет не бесплатно.

Амелия кивнула. Она и не рассчитывала на благотворительность.

– Деньги устроят?

Бриджет опять хохотнула, смерила собеседницу оценивающим взглядом.

– А ты другой способ предпочитаешь? Натурой?

– Вот еще! – фыркнула Амелия. – Потому и спрашиваю.

Перед самым ужином Бриджет, как обычно, ввалилась к ней в комнату без стука, без разрешения, словно в свою.

– Вот!

В руках она держала обыкновенную пластиковую бутылку без этикетки.

– Это оно? – недоверчиво глянула Амелия. – Почему в таком виде?

– А в каком ты хотела? – Бриджет с громким стуком поставила бутылку на стол. – Так никто не прицепится. Подумают, что просто вода. Мне неприятности на фиг не сдались. Да и тебе не придется прятать.

– А что там? – Амелия тоже подошла к столу, брезгливо ткнула пальцем в бутылку.

– Отличная штука. Не бойсь. Еще никто не жаловался. С тебя двадцатка.

Амелия поморщилась. Она, конечно, предполагала, что цены будут не как в супермаркете. Хотя чего переживать-то? На эту элитную тюрьму папашка раскошелится, не пожалеет и карманных.

Она отсчитала Бриджет деньги, а та напомнила:

– Но в случае чего – ты это сама привезла. Поняла? – Улыбнулась широко и добавила: – Наслаждайся!

В ответ Амелия кивнула, но наслаждаться не спешила. Открутила крышку, понюхала. Амбре так себе: резкий запах спирта перебивал легкий цитрусовый аромат. Амелия поднесла бутылку к губам – не пить, просто попробовать, – но быстро передумала. Может, для начала лучше проверить на ком-то, как пойдет?

Она засунула бутылку в тумбочку, чтобы та лишний раз не светилась, и отправилась на ужин.

Подопытный кролик попался на глаза почти сразу. Чучело с брекетами. Тоже третьегодка. Амелия ее заприметила еще на занятиях, потому что у них расписание почти полностью совпадало, да и вообще – на такое чудо трудно не обратить внимания. Эта девица еще и всю химию замороженно пялилась в сторону их стола. Не на Амелию, конечно. Уже успела по уши

втрескаться в ее соседа – Сэлла. Тяжелый случай.

В столовой Амелия не сводила с чучела взгляда. Увидела, как та с подносом направилась к столику, ломанулась следом:

– К тебе можно?

Чучело, уже успевшая плюхнуться на стул, вылупила глаза. Несколько секунд растерянно таращилась на Амелию, тупила по полной, а потом мелко и часто закивала.

– Тебя ведь Саммер зовут? – усаживаясь, поинтересовалась Амелия, и чучело опять растерялась, захлопала ресницами, будто жутко удивилась, что кто-то знает ее имя.

– Да, Саммер, – подтвердила с опозданием.

– А меня Амелия. Мы же с тобой почти на всех занятиях вместе. Ты в какой комнате?

– Триста десятой.

– Серьезно? Так мы еще и соседки, – частила Амелия по примеру Бриджет, не давая собеседнице опомниться. – Надо же сколько совпадений. Не думаю, что это случайно.

Та по-прежнему старательно кивала. Не факт, что понимала, о чем речь, но послушно соглашалась.

После ужина, прихватив бутылку, Амелия завернула в триста десятую, открыла дверь с ноги. Саммер как раз снимала блузку, ойкнула и торопливо прикрылась. Хотя непонятно, чего там было прятать. Амелия не парень, ее девичьими прелестями не напугаешь, и стесняться абсолютно никакого смысла. У них же на физкультуре и в бассейне одна общая раздевалка.

– Ты здесь? – В вопросе, конечно, не было смысла, но Амелию подобные тонкости не волновали. Надо же было с чего-то начать. – Это хорошо. А то одной скучно. Даже поболтать не с кем.

Саммер, одной рукой по-прежнему прикрываясь, другой подхватила кофточку с кровати, натянула, повернувшись к Амелии спиной. Та на мгновение презрительно скривилась. Пока чучело не видела. Потом подскочила к ней, вцепилась в руку.

– Пойдем?

– Куда? – растерянно проблеяла Саммер, хотя уже послушно тащилась следом.

– Ну, пойдем, – проникновенно протянула Амелия. – Чего в этих конурках сидеть? Чувствую себя хомячком в клетке.

Надраться в собственной комнате, а потом вырубиться на кровати? Так, что ли? Амелия рассчитывала совсем на другое. Показательное выступление на глазах у студентов и преподавов – ну не может же и это

остаться безнаказанным. Не станут же здесь подобное терпеть, вышибут с позором. И тогда папочкины планы обломятся. Пусть орет и бесится сколько влезет. Амелия – не мама! Она в своем уме и не позволит запереть себя в какой-нибудь дыре, с глаз долой.

Во дворе Амелия выбрала скамейку не совсем уж на виду. Хотя тут при всем желании фиг найдешь надежный укромный уголок. Но такой ей был и не нужен.

– Садись, – велела она Саммер. – Хоть поговорим. А то – тоска. И кругом сплошные уроды. Ты ведь здесь давно уже?

– Ага, – кивнула та. – С первого года. Здесь сильная программа.

– Только учатся по большей части придурки, – дополнила Амелия. – Ну, кроме некоторых. Нормальные тоже попадают. – Она заметила, как напряженно притихла Саммер. Наверняка ведь хочет поддакнуть, еще и пример привести, но Амелия успеет раньше. – Вот Сэлл хотя бы. Да?

Пухлые щеки Саммер мгновенно стали огненно-красными. Уши буквально засветились под светлыми волосами.

Вот это реакция! Уржаться.

– Он же тебе нравится? – безжалостно выдала Амелия.

– Он... я... не...

Чучело беспомощно хватала воздух широко распахнутым ртом и краснела все сильнее. Уже пунцовой стала. Амелия даже слегка обалдела, глядя на нее. А потом опомнилась, торопливо отвинтила крышку, сунула бутылку чучелу в руки.

– На вот. Глотни.

Саммер, пытаясь залить охвативший ее пожар, мертвой хваткой вцепилась в емкость и влила в себя не то что глоток, а сразу несколько, и преогромных! Даже не осознав, что пьет. Поначалу. А когда прочувствовала все в полной мере, поперхнулась, закашлялась. Амелия едва успела выхватить бутылку у нее из рук.

– Что это? – вылупив глаза, пробормотала Саммер.

– Классная штука, да? – выдала Амелия невозмутимо, улыбнулась и сама приложила к горлышку. Правда, аккуратно – отхлебнула чуть-чуть.

Едва ощутимо обожгло губы и язык. Но даже приятно. А в целом – действительно ничего. Бриджет не соврала. Почти как тоник, только гораздо крепче.

И Амелия отпила еще.

– Так нельзя же, – с неестественным ужасом пялясь на нее, прошептала Саммер.

Но Амелия беззаботно отмахнулась:

– Ой, да ладно. Никто же не узнает. А без этого тут тоска смертная. – Амелия сделала глоток побольше и, заметив, что чучело опять открыла рот, видимо, собираясь выдать еще порцию испуганных возражений, резко сменила тему: – Так что у тебя с Сэллом?

На Саммер вопрос подействовал, словно удар по голове. Она на мгновение замерла, оглушенная. А потом сама выхватила бутылку из рук Амелии, отхлебнула за раз чуть ли не половину оставшейся жидкости, хлюпнула носом и проныла:

– Я не зна-аю.

Развезло ее так же быстро, как раньше бросило в жар. Взгляд слегка затуманился, выражение простодушной наивности на лице стало совсем уж критичным.

Сначала мямлила что-то, тупо оправдывалась, а потом невинной овечке будто резьбу сорвало! Стоило только Амелии подколоть ее насчет невинности...

– Почему так получается? – патетично воскликнула чучело, размазывая по щеке сопли. – Вот и в прошлом году тоже... С Брэдом.

– Что еще за Брэд? – поинтересовалась Амелия.

Кажется, она уже слышала это имя. Совсем недавно.

– Мы с ним занимались вместе в классе изобразительного искусства, – выдала Саммер довольно длинную и вполне согласованную фразу. И снова запричитала: – У нас ведь могло получиться... Ну правда, могло!.. Если бы он не пропал...

– Пропал? – переспросила Амелия и тут же вспомнила. Бриджет что-то подобное рассказывала. – Сбежал, что ли?

Саммер печально кивнула.

– Ну почему так?

Амелия не удержалась, сжала губы и закатила глаза. Тут вообще без вопросов. Она бы тоже сбежала, свети ей роман с этой металлозубой страхолюдиной. Хотя, скорее, дело было вовсе не в этом.

– И как он это сделал?

Чучело не ответила – упоенно рыдала в голос без всякого стеснения и продолжала ныть. Амелия перестала ее слушать – не спеша тянула из бутылки непонятное пойло без названия, и с каждым глотком ей становилось все лучше. Даже мир вокруг будто бы сделался ярче. Еще немного – и в небе появится радуга, по которой запрыгают золотогривые единороги.

Но вместо радуги появилась слоноподобная миссис Пафф. Застыла, уперев руки в бока:

– Та-а-ак! И что здесь происходит?

Амелия и ей обрадовалась. Единорог, слон – в принципе не такая уж и большая разница, главное, вполне вписывается в ее расчеты.

– Миссис Пафф! – восторженно пропела Амелия. – А вы как раз вовремя. – Она протянула слонихе почти пустую бутылку.

– Что это? – грозно протрубила миссис Пафф, выхватила емкость из рук Амелии.

Но та успела проговорить:

– Угощайтесь.

Слониха-единорог поднесла бутылку к лицу, втянула хоботом запах из горлышка с такой силой, что Амелии показалось, сейчас бутылка вырвется из пальцев, взлетит и присосется к широкой ноздре... Но та опять повторила:

– Та-а-ак! – по очереди прожгла девушек взглядом. – Чье это?

Чучело, замороженно пялившаяся на нее, ткнула пальцем в сторону Амелии. Не факт, что по собственной воле.

– Мисс Грин! Откуда это у вас? – еще громче протрубила миссис Пафф, нависнув над Амелией.

– Из дома, конечно, – невинно доложила та. – Откуда еще? Здесь же не достанешь. – И заискивающе заглянула прямо в глаза невиданному зверю: – Или все-таки можно? А?

Слониха онемела на мгновение, но быстро справилась с замешательством.

– Живо! – взревела она. – По своим комнатам!

Амелия с готовностью подскочила со скамейки, ее сильно мотнуло, но она удержалась на ногах. А вот у чучела такой номер не прошел. Сколько ни пыталась она подняться, тут же снова плюхалась на свой пухленький зад. Один раз даже почти мимо скамейки. Хорошо, что миссис Пафф успела ее ухватить – дернула вверх, ставя на ноги. А потом так и поволокла до жилого корпуса.

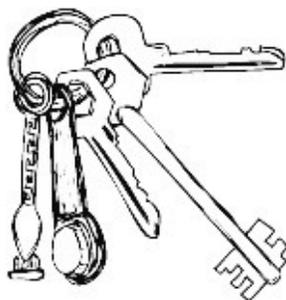
Саммер всю дорогу, по-детски доверчиво припав к ее необъятной груди, раскаянно хныкала и ябедничала, что она ни при чем, ничего не знала и не ведала, это все Амелия виновата.

Амелия на нее нисколько не злилась и не обижалась – жалобное бление чучела отлично вписалось в планы, – шла впереди и довольно улыбалась. И даже звон ключа в запираемом намного раньше положенных одиннадцати часов замке в кои-то веки не вызвал у нее негодования.

Глава 17

Элейн

Пришла Ло. Совершенно неожиданно. Обычно, зная, что она придет, я прячу с глаз долой некоторые вещи, например фото. А сегодня она застала меня врасплох.

– Боже! Ты до сих пор хранишь их? А почему я раньше не видела? – Сестра, едва касаясь пальцем рамки, скользнула по ней, словно боялась обжечься.

Ну разумеется, не видела! Потому что перед ее приходом я убирала их в нижний ящик комода, где хранятся мои вещи и куда Ло не залезет.

– Да? – Я постаралась придать своему лицу невинное выражение. – Разбирала чердак, еще с месяц назад, и нашла.

– Смотри, это мама с папой на море. Мы тогда не поехали. Ты свалилась со scarлатиной. Они подумали, что и я заражусь, и оставили нас с Нэнни. Помнишь?

Я задумалась. Помню ли... Пожалуй, очень смутно. Потому что в этот период рядом с нами Шона не было. И несмотря на мою болезнь, мы весело проводили время. Когда весело и хорошо – не запоминается. Мой психиатр посоветовал отыскать как раз такие воспоминания. Нанизать их на четки и перебирать-перебирать-перебирать, когда депрессия заликает волной сознание.

А Ло помнила.

– Я ужасно на них разобиделась. И злилась на тебя. Такое противное чувство: знать, что должен пожалеть, но злишься. Чтобы ты не догадалась, я придумывала разные игры. Мы бесились, как черти, и действовали Нэнни на нервы.

Я опешила. Вот так признание. Мне хотелось бы сказать что-то такое же колкое, чтобы сестра почувствовала, насколько ранила меня, но я не

успела: Ло принялась разглядывать другую фотографию.

А мне и смотреть не надо было. Вот его я помню хорошо, этот летний день. Нам по одиннадцать. Приехали гости, целая толпа: бабушка, расставшаяся с Отто, но вновь вышедшая замуж, то ли за Мэйсона, то ли за Маркуса, тетя Джейн с дядей Альбертом, Шон, кривляки Бернадетта и Лиззи – племянницы тети Джейн, еще и коллеги отца.

Один из них увлекался фотографией. Он согнал нас на лужайку, расставил стулья и заставил улыбаться. Четырехлетний Патрик никак не хотел усаживаться и носился с нашим псом Багги, предшественником Черри, пока на него не прикрикнули. Нас с Ло для правильности композиции рассадили по разные стороны. К счастью для меня, Шон оказался далеко. На его колени усадили Патрика, и он полностью перекрыл кузена на снимке, подскочив в момент съемки. У левого плеча Шона поставили Ло. Бернадетту и Лиззи – обладательниц рыжих шевелюр – тоже разделили. Одна теперь зевала рядом со мной, другая болталась в первом ряду посередине. Взрослые так же расположились поодаль от своих жен и мужей. Бабуля в первом ряду, в позе престарелой фотомодели на отдыхе. Не знаю, чем руководствовался этот фотограф, но на фото мы все получились напряженными, пучеглазыми, с нарочитыми, будто приклеенными улыбками.

Во всяком случае, так мне всегда казалось.

– Ой, девчонки! Ты знаешь, что Лиззи сменила трех мужей, а потом ушла в монахини? А Бернадетта работает в школе. – Ло с интересом рассматривала всех. – Такие смешные! Посмотри, сплошная напыщенность и натянутые улыбки. Клянусь, никто не хотел фоткаться, кроме бабули. Уж она в любой ситуации привыкла быть на высоте!

Сестра захохотала. Но я уже чувствовала в ее смехе эти настораживающие нотки – скоро она сорвется.

– Патрик, малыш... Такой милый! Самое очаровательное дитя на свете! Сама непосредственность.

Вот и конец веселью.

– Это его последнее лето.

– Нет, Ло. Предпоследнее. – Я отобрала фотографию и положила ее на полку изображением вниз. – Время пить чай, а не собирать камни.

– Чай? – Сестра нахмурилась. – А у тебя есть что-нибудь покрепче? Виски... Глоточек... Просто помянуть всех. Маму... Папу... Бабулю... Патрика...

Она не ждала моего разрешения. Сама прошла к бару и отворила створку.

Ничего хорошего. Я и тут не подготовилась. Спиртное стояло – пей не хочу.

– Ло, не надо. Не сейчас...

Но мои слова плюхались и исчезали, словно камни в глубоком колодце.

Через полчаса она уже спала на втором этаже, в бывшей детской комнате Патрика, укрытая крохотным пледом с собачьими мордашками, в обнимку с огромным полинялым медведем.

Ло! Ло! Ло!

Сейчас только первая половина дня, а она уже никакая. Забыла про работу, про обязанности, про репутацию!

Допустить, чтобы про мою Ло пошли слухи, я не могла. Придется стать ею на какое-то время, ну да не в первый раз. Я, конечно, не любитель яркого макияжа и стильных броских вещей, но ради Ло можно и поступиться принципами.

Присев рядом с сестрой, я накрасилась, чтобы быть максимально на нее похожей. В той же манере уложила волосы. Раздела Ло и обнаружила, что, пожалуй, я худее размера на два – костюм сестры на мне сидел мешковато. А в моем гардеробе нет подходящих под стиль Ло вещей. Но недавно я забирала ее платье из химчистки. Возможно, оно будет сидеть лучше?

Я расстегнула чехол.

Слишком красивое для рабочих будней: шикарное и дорогое!

Примерила – подошло.

Порылась в ее ежедневнике, куда она скрупулезно вносила все свои встречи. Сегодня в общем-то ничего особенного – встреча с соискателями на четыре и пять. И потом можно будет вернуться домой, сославшись на недомогание. А завтра... Вот на завтра стоит концерт. Надо, чтобы Ло пришла в себя. Шумное мероприятие не для меня. Ничего, есть одно действенное средство! Хотя бы на день она вернется в строй, а потом... Потом я приду на помощь снова.

Спустилась в подвал перед уходом, чтобы исключить всякую неожиданность. Заглянула в кошачью дверцу, не пожалев колготок. Мой пленник развесил мокрые вещи, где только мог, а сам сидел на голом полу, обхватив себя руками, и мелко дрожал. Захотелось расхохотаться: то-то же!

Я давно уже не та девчонка, которую ты запугал до смерти! Которая не могла при тебе чувствовать себя счастливой и свободной. Я изменилась! Я стала сильной!

Подергала дверь, убедилась, что та заперта, как обычно. Поднявшись по лестнице, заперла и дверь в подвал, а ключи спрятала подальше. Вряд

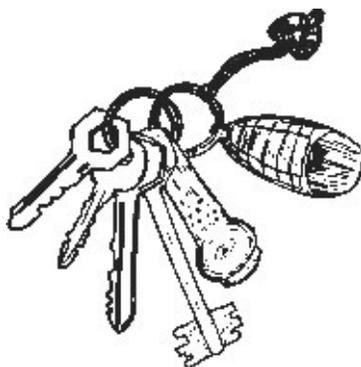
ли, конечно, Ло проснется до моего возвращения и отправится в путешествие по дому. Но мало ли... Ей не понравится, что Шон гостит у нас. Однажды она уже спустила его с лестницы...

Я вспомнила это и закусила губу, чтобы подавить приступ смеха.

Глава 18

Амелия

Утром Амелия проснулась только потому, что ее настойчиво будили. Она даже не сразу поняла кто. Поначалу девушка решила, опять кто-то из выпускниц, бесцеремонно заваливающих в чужую комнату, как в свою. Потом в голове немного прояснилось – ну совсем немного – и вроде бы вспомнилось: это та самая новенькая училка, которая в первый день маячила в костюме кораллового цвета. Шейла Дженкинс. Видимо, сегодня она была дежурным преподавателем на девичьем этаже.

– Мисс Грин, с вами все в порядке?

– Нет, конечно, – заявила Амелия, с трудом отлепив от нёба присохший к нему язык. И вообще, привкус во рту был такой, что хоть с мылом промывай. Наверное, и запах, как из кошачьего лотка.

Хотя откуда ей знать, как там пахнет? У них никогда никаких животных в доме не было: ни кошек, ни собак, ни даже аквариумных рыбок. Только Амелия хаос создавала. Но теперь там тишина и покой, папаша один. Оргий и массовых попок он, конечно, не устраивает, но любовниц наверняка водит. У него недостатка в них не было никогда, и особенно в тех, кто помоложе и готов под любого лечь, лишь бы тот был достаточно богат и влиятелен. Все они мечтали продать подороже свою смазливость и напускную сексуальность, занять теплое местечко любимой женушки. Но с папочкой Амелии такой номер не прокатывал. У него имелась надежная защита от всех этих хитрожопых охотниц – уже существующий брак.

Он и не думал разводиться, удобно же: и жена есть, но не мешает, и от новой случайной женитьбы застрахован. Еще и слезливая история о

благородном муже, не отказавшемся от своей убогой сумасшедшей супруги.

– Мисс Грин, вы меня слышите?

Амелия так глубоко задумалась, что выпала из реальности, но эта чокнутая мисс Дженкинс закричала ей почти в самое ухо.

Идиотка. И без ее воплей голова раскалывалась, в висках болезненно тукало, а мысли казались шершавыми и тяжелыми, как камни.

Пойло, принесенное Бриджет, оказалось убойным. Амелия-то и выпила всего ничего – остальное вылакала чучело Саммер. А похмелье – зашибись.

– Да не орите вы. – Амелия болезненно поморщилась, сдавила пальцами виски.

– Медицинский кабинет на первом этаже. Вы ведь помните? – съехидничала мисс Дженкинс, посмотрев на Амелию с деланным сочувствием. – А в десять вас ждет мисс Норрис.

– Это еще кто? – недовольно пробурчала Амелия.

– Директор школы. – Училка не сдержала насмешливой ухмылки. – Вас нужно будет проводить? Или вы в состоянии найти дорогу самостоятельно?

Вот стерва! Пользуется моментом, пока Амелия не в форме и не способна ответить ей достойно. Даже сказать какую-нибудь гадость сил нет. Да и особого желания. По фигу все.

– Найду, не переживайте. И... – Амелия опять поморщилась и небрежно махнула рукой, – можете быть свободны.

Мисс Дженкинс сделала вид, что не расслышала:

– Не забудьте. В десять вы должны находиться в кабинете директора.

И только тогда направилась к двери.

Амелия снова рухнула на подушку. Хотя нет, не рухнула. Осторожно опустила, чтобы не усиливать пульсирующую в голове боль. Но зато есть надежда, что ее мучения с лихвой окупятся. Не зря же ее вызывают к директору. Наверняка чтобы сообщить: «Таким ужасным ученикам не место в элитной школе». Амелия представила перекошенное от разочарования и ярости лицо отца, но насладиться зрелищем помешал подкативший к горлу кислый комок.

Только еще блевануть не хватало! Вот отстой! Чтобы еще хоть раз Амелия решила напиться? На фиг! И что там вякала эта прифранцузенная стервочка про медкабинет?..

Ровно в десять у кабинета директора Амелия, конечно, не появилась. Еще чего. Специально опоздала на десять минут. Предполагала, что

директриса с недовольной миной уже торчит посреди коридора перед настежь распахнутой дверью, поджидая ее. А ничего подобного. Тихо, пусто и все закрыто.

Стучать Амелия не стала. Дернула за ручку двери и почему-то подумала, что сейчас увидит какую-нибудь особую сцену. Ну а вдруг? Хотя маловероятно.

И в самом деле, ничего такого в кабинете не творилось. Директриса сидела за столом в своем рабочем кресле, откинувшись на спинку. Глаза закрыты, на физиономии выражение, будто она собирается сказать: «Жизнь – отстой! Да пошло все к черту!» Амелия даже застыла, озадаченная. Но директриса вздрогнула и, заметив ее, моментально изменилась в лице, разом смахнув с него все прежние эмоции, – выпрямилась и стала выглядеть, ну, как обычная директриса.

– Мисс Грин? – констатировала с легким вопросом. – Присаживайтесь. И пожалуйста, впредь будьте пунктуальней.

Слово «впредь» Амелии совсем не понравилось. Она на мгновение насупилась, но тут же с невозмутимым видом плюхнулась на стул.

– Вы ведь знаете, что распитие алкогольных напитков на территории школы запрещено? Да и вообще, в вашем возрасте их совсем не стоит употреблять.

– Серьезно? – Амелия изобразила искреннее недоумение.

– Где вы взяли алкоголь? – Директриса показательно проигнорировала ее вопрос.

– Привезла из дома, – сообщила Амелия с самым честным выражением на лице. – Знаете, привыкла уже. Тяжело без выпивки. И жизнь не в радость.

На какой-то момент директриса словно окаменела, в ее глазах мелькнул страх, и она уставилась на Амелию как-то уж слишком пристально. В кабинете воцарилась напряженная тишина. Но продлилась она не долго. Мисс Норрис мотнула головой, словно развеивала наваждение.

– Мисс Грин, вы же понимаете, придется сообщить вашему отцу.

– Правда? – взволнованно выдохнула Амелия. Только бы не переиграть, не проколоться, что эта новость радует ее, а никак не пугает. – И что потом? – Голос дрогнул. Удачно получилось. Теперь еще сделать брови домиком, выкатить глаза, немного податься вперед: – Вы меня выгоните?

Директриса опять взглянула на Амелию слишком бесцеремонно. Но сейчас в ее глазах были другие эмоции: немного удивления, немного

снисходительного превосходства, немного иронии.

– Мисс Грин, – директриса не удержалась и тихонько хмыкнула, – думаете, первый раз у нас происходит подобное и вы одна такая предприимчивая и хитрая? Каждый год непременно кто-то устраивает похожие показательные выступления.

Амелия скрипнула зубами. Не хотела себя выдавать, но само получилось. Торопливо взяла себя в руки, натянула небрежную ухмылку:

– И что?

– Ну... – протянула мисс Норрис. Нарочно. – Изредка случается, что родители действительно увозят свое чадо домой. А вы как думаете, ваш отец заберет вас?

Сволочь! Все сволочи!

Амелия еще сильнее стиснула зубы, сжала кулаки. Выглядеть невозмутимо больше не получалось. Ноздри раздувались, судорожно втягивая воздух.

Какая же она наивная дура! Ведь стоило только подумать, как следует, и сама бы поняла, что все ее попытки – полный идиотизм. Раз папочка отправил ее сюда, значит, был уверен, что получится исключительно так, как он хочет. Он не выберет что попало, наведет все возможные справки. И о школе, и о порядках, и о директоре тоже. А эта мисс Норрис не зря держится так самоуверенно и абсолютно прямо, словно у нее не позвоночник, а металлический прут внутри.

Приперли к стенке, да?

– А если я в следующий раз не напою кого-нибудь, а убью, вы меня все равно здесь оставите?

И опять самоуверенность директрисы пропала в одну секунду, опять появилось это застывшее выражение на лице. И взгляд испуганный, будто даже затравленный. Мисс Норрис подскочила с кресла, подошла к Амелии, склонилась над ней.

– Если убьете, тогда конечно. Не оставлю. Потому что вас заберет полиция. И вы попадете в тюрьму, – отрывисто произнесла она шипящим голосом. – Еще вопросы есть?

Амелия ошарашенно откинулась на стуле, с любопытством и изумлением уставившись на директрису. Та поймала ее взгляд, вскинулась, словно встряхнулась, и оттенки эмоций на лице опять сменились.

– А за пьянку на территории школы вас ждет наказание. Вы будете помогать мистеру Ричмонду в саду. Завтра. До обеда и после. Вам понятно?

– Да, – выдавила Амелия.

Чувства и мысли перемешались в голове. Ее не выгонят из школы –

это плохо. Но папочке сообщат – это хорошо, пусть побесится, а не живет там один в покое, припеваючи.

Работать в саду в выходной – ага, сейчас! Уже разбежалась! А эта мисс Норрис такая странная, словно маски меняет по взмаху руки... Что-то здесь не так.

– Тогда можете идти.

Амелия послушно поднялась, направилась к двери, но уже на пороге оглянулась – увидела, как директриса болезненно морщится и сдавливает пальцами виски. Совсем как сама она утром.

– Что, мисс Норрис? – сочувственно протянула Амелия. – Тоже головка бо-бо?

Глава 19

Сэлл

Вечером громила миссис Пафф устроила шмон по комнатам. Вынюхивала что-то, круша все на своем пути: вытряхивала содержимое ящичков, сметала на пол вещи, проверяла шкафы и даже уборные. Орала что-то про выпивку и наркотики. Еще и заставила рукава закатать, ищейка. Нет, ну не дура ли?

– Ха! – самодовольно хмыкнул Сэлл, когда миссис Пафф убедилась в чистоте его локтевых сгибов. – Как вас легко провести!

– Че-го-о? – прогремела надзирательница и нахмурилась. Хотя ее выражение лица в тот момент было скорее туповатым, чем суровым.

– Вы же только руки проверяете, – усмехнулся Сэлл и как ни в чем не бывало принялся собирать разбросанные вещи.

– А... Ну, – крикнула та и даже отшатнулась. – И куда еще прикажете взглянуть?

– Обычно, когда хотят скрыть следы, это делают в пах, – невозмутимо проговорил Сэлл и, вперившись в миссис Пафф, пожал плечами: – Там тоже вены.

– Что?! – посерев от гнева, вскрикнула женщина.

– Показать? – шагнул к ней Сэлл, берясь за «молнию» на джинсах.

– Да я... Да ты... У меня сын, знаете ли, вашего возраста... А вы... Да как вам не стыдно?!

– А вам?

– Мне-е? – второй раз задохнувшись от возмущения, взревела миссис Пафф.

Ее брови уехали на лоб, а глаза, казалось, вот-вот вывалятся из орбит и, перепрыгнув оправу, поскачут по полу пинг-понговыми шариками.

– Вам, – ни грамма не смущаясь, подтвердил Сэлл. – Копаются в чужом белье, в туалетных принадлежностях, посягаете на личное пространство, еще и обнажаться приказываете...

Миссис Пафф от такой наглости невольно попяtilась. Но язык закусилa ненадолго:

– Мелкие пакостники! Сопли зеленые! Совсем обнаглели! Вот до чего папашины и мамашины денежки доводят! Развели тут бардак, понимаешь! – и грохнула дверью так, что стены затряслись, а с идеально вылизанной мебели взвились ввысь неведомо откуда взявшиеся частички пыли.

Слава слонячьим божкам! Ушла... Можно лечь и подремать.

А на следующий день, вторая часть которого обычно целиком и полностью была в личном распоряжении каждого – выходной все-таки! – всех студентов собрали в зале для конференций. Продинамить это сборище идиотов у Сэлла никак бы не получилось. Сначала Зубатка нервировала своим скулением под дверью, потом это долбаное радио: «Внимание! Внимание!» – откуда-то с потолка клевало мозг. А жирную точку поставила Миссис-Эмалированный-Зад.

– И попробуйте только испортить праздник! – верещала, сотрясая коридор, разбушевавшаяся миссис Пафф.

Схватила кого-то и чуть ли не за шкуру потащила за собой в зал для конференций главного корпуса. И да, топот копыт дикого мустанга и утробный рык слонопотама в период брачных игр был слышен даже в другом здании. А мустанг и слонопотам в одном лице – картина не для слабонервных.

Сэлл мог бы и сейчас вступить в неравный бой и поглумиться над гориллой в юбке, держа ее на коротком поводке, в то время как она предпочитала бы думать об обратном. Но, перебросившись парой фраз с миссис Пафф, Сэлл переключился на кое-кого другого, поинтереснее.

Гейл Мелларк, привычно прижав планшет к груди, вышагивал по коридору. Похоже, он, как и все, направлялся на внеочередное мероприятие. Что там было запланировано, Сэлл даже не собирался вникать, но, на удивление миссис Пафф, вдруг замолчал и добровольно устремился к месту сбора.

В зале было прохладно и свежо, несмотря на толпу народа. Сэлл все это время держал на прицеле Мелларка и старался не отставать, а когда тот устроился во втором полупустом ряду, парень, не спросив разрешения, плюхнулся рядом, в соседнее кресло.

– Отстой! – громко бросил Сэлл и покосился на преподавателя.

Мелларк сделал вид, что ничего не услышал: вытянулся в струнку и впился глазами в паренька на сцене.

Ряд потихоньку заполнялся, в основном преподавателями и персоналом. Студенты старались сесть как можно дальше.

– Отстой! – еще громче повторил Сэлл, и на его выпад обернулась француженка.

– Селестин Уэст? Это опять вы? – прищурившись, затараторила Шейла Дженкинс. – И что вам на этот раз не нравится? Почему вам все время что-то не нравится?

Сэлл демонстративно отвернулся и уставился на соседа слева, который уже явно занервничал: хоть и продолжал строить из себя слепоглухонемого, выстукивал нервную мелодию каблуком ботинка.

– Дерьмо! – процедил парень сквозь зубы, продолжая изучать лицо Гейла Мелларка.

– Да что вы себе позволяете?! – не выдержала француженка и развернулась вполоборота. – Вас в конюшне воспитывали? Мистер Мелларк, почему вы молчите, когда на ваших глазах оскорбляют женщину!

– Э-эм... – замешкался Гейл Мелларк. – Что вы говорите?

– Я говорю, – ухмыльнулся Сэлл и теперь уже посмотрел на Шейлу Дженкинс, – сиденья дерьмо. – А потом бросил взгляд на Мелларка: – Отстой!

– Сиденья... – Мелларк вроде даже удивился и следующую фразу произнес более решительно, показательно твердым голосом: – В таком случае придерживите свое мнение насчет сидений при себе! И не смейте выражаться такими словами в присутствии преподавателей.

– Дерьмо, – повторил Сэлл негромко, как будто персонально для Гейла Мелларка, проверяя его реакцию. И, наконец-то поймав его взгляд, улыбнулся: – Дерьмо.

– Ну это уже слишком! – не унимаясь, дергалась француженка.

А вот сам Мелларк, кажется, едва уловимо улыбнулся Сэллу в ответ.

– Мистер Мелларк, мисс Дженкинс! Все дело в том, – вмешался кто-то из студентов, сидящих позади, в третьем ряду, – что Селестин Уэст, как никто другой, отлично разбирается... в различного рода экскрементах. А про конюшню – это вы в точку попали! – Противный смешок вонзился в затылок Сэлла, и он словил небрежный хлопок по плечу. – Да, Сэлл? Ты ведь там подрабатывал прошлым летом? Конский навоз выгребал?

По третьему ряду прокатилась волна смеха. Француженка брезгливо отвернулась и наконец-то перестала ерзать в кресле. Паренек на сцене закончил читать стихи, и относительную тишину в зале разорвал всплеск

аплодисментов. Казалось, это аплодируют тому остряку, который что-то вякнул про конюшню.

Но возразить Сэллу было нечего – он действительно частенько появлялся в конюшне дяди Сэма. Вот только парень не знал и не догадывался, что любовь к лошадям может стать причиной неудержимого веселья.

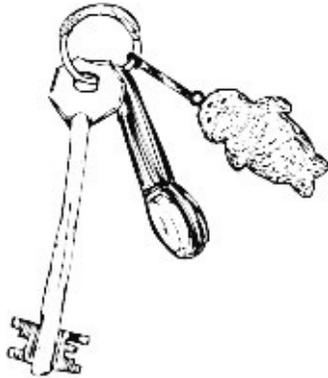
Да хотя плевать.

И Сэлл, беззвучно ухмыльнувшись, уставился на сцену. Но боковым зрением поймал на себе осторожный взгляд Гейла Мелларка. Еще. И еще.

Глава 20

Шейла

Шейле казалось, что она, как пони в шапиро, бегают по кругу. Видимо, искать улики – это не ее дар. Она и свои-то вещи в комнате находит с трудом. А тут гораздо сложнее.

Она закрыла глаза, подставив лицо солнцу. Пьяные излияния болтливой девушки никак не выходили из головы. Но подспудно Шейла не верила им. Прежде Брэд влюблялся в других девочек. И дело не во внешних данных. Они просто были другими, не боявшимися быть на виду, совершать какие-то поступки, причем не для того, чтобы их заметили, а просто потому, что не могли иначе.

Спросить у девицы напрямую? И как это будет выглядеть? «Это же ты встречалась в прошлом году с моим братом?» У той, пожалуй, от шока брекеты слетят.

Может, подойти к миссис Пафф? Вдруг откровения болтушки продолжались еще долго? Рыхлая блюстительница порядка и нравственности вполне сошла бы за гигантскую подушку.

Шейла поняла, что злится от собственной беспомощности. Пожалуй, надо было проникать в эту школу не преподавателем, а ученицей, точно бы больше языков развязалось. Только она боялась, что материально не осилила бы и месяц обучения. А втягивать родителей в свою авантюру не хотелось. Папа снова обвинил бы маму, что Брэд весь в ее родню.

Шейла сама загнала себя в определенные рамки. Думала, так будет легче. Но оказалось наоборот.

Она потрясла головой. Может, последовать примеру тех девушек: напиться с кем-нибудь за компанию? Рискованно. Можно ненароком выдать

себя. Потому что с алкоголем у Шейлы проблемы: пара рюмок, и она уже в состоянии полета, еще одна – и спит беспробудным сном. Наутро, правда, никакого похмелья. Но и воспоминаний тоже. Придется, наверное, все-таки начать сближаться с преподавательским составом. И начать с миссис Пафф.

Та, по своему обыкновению, патрулировала этаж мальчиков. Ходила, грозно зыряка по сторонам. Отстукивая каблуками почти командирский ритм.

– Мисс... Пафф. – Шейла сделала вид, что припоминает, как ту зовут.

– Миссис, – просто расцвела та. – Уже почти двадцать лет как миссис.

– Да? По вам и не подумаешь.

– Скажете тоже. – Женщина махнула рукой. – Лысый муж и взрослый сын.

– А сын... здесь учится?

– Нет, что вы! – Пафф округлила маленькие глазки. – Они с отцом живут в городе. Наша жизнь не для них, знаете ли.

– Не вижу ничего плохого в здешней жизни: тихо, все и всё на виду. Ни криминала, ни неприятностей.

– Ой, здесь столько негодяев, подхалимов и распоясавшихся хамов, которые считают, что им все можно!

– Они все равно еще дети...

– Дети. Нда... – Миссис Пафф высоко подняла тонкие брови. Весь ее вид говорил, что ей очень хочется поболтать. – Но не все так гладко, как кажется. Знаете... Как там говорится? В тихом омуте черти живут.

– Водятся...

– Да, да, водятся, – закивала она, а потом отчего-то перешла на шепот: – В конце учебного года у нас пропал мальчик, выпускник. Решили, что сбежал.

– Решили? – Шейла едва ли не выкрикнула это слово.

Но тут ее собеседница как-то подтянулась, подобралась и рванула вслед за группой парней-первогодков, которые говорливой толпой прошли мимо.

Видимо, продолжить разговор не судьба. Хотя он так удачно повернул в нужную для Шейлы сторону. Вряд ли был еще один парень, исчезнувший из школы в то же время, что и ее брат. И почему она сразу не кинулась выяснять, в какой комнате жил Брэд? Возможно, там остались какие-то зацепки.

Шейла в задумчивости побрела по коридору...

Вот приоткрытая дверь. Из комнаты доносятся звуки металла. На полу куча вещей.

Еще одна: в щель виден такой же беспорядок, а хозяин громко разговаривает с кем-то по телефону.

Третья. Из нее показался Селестин Уэст и немного вопросительно глянул на преподавателя, так некстати проходящего по коридору.

Шейла быстро отвела взгляд и рванула вперед, будто вспомнив о неотложном деле. Краска буквально затопила щеки. И почему этот мальчишка постоянно застает ее врасплох? На вчерашнем мероприятии уселся поблизости и начал выкрикивать претензии к стульям – бред какой-то! А в глазах – словно черти прыгали! Хотя не могло не радовать, что, похоже, этот Уэст сам по себе такой задира, а не только с Шейлой. Потому что досталось не ей одной. Правда, потом...

Погруженная в раздумья, Шейла едва не столкнулась с директрисой. Та, похоже, тоже не ожидала кого-то встретить. Вытаращила чересчур ярко подкрашенные глаза и округлила алый рот. Одета в шикарное вечернее платье, которое отлично подошло бы для вчерашнего концерта. Но вчера она была почему-то в другом, гораздо менее элегантном.

– Простите, мисс Норрис! Прекрасно выглядите! Куда-то собрались? – пробормотала скороговоркой девушка.

– Работаю, – невпопад ответила директриса.

– На втором этаже все спокойно. Миссис Пафф осталась там. – Шейла принялась было бодро докладывать, чтобы произвести впечатление, что просто находилась на дежурстве, но заметила, что мисс Норрис это неинтересно, она смотрит в сторону, часто дышит, нервно теребит ремешок сумочки.

– За парнями всегда нужен глаз да глаз, – заговорила директриса, уловив паузу. – Они могут быть такими испорченными в этом возрасте. Всякие фантазии в голове.

– У вас что-то произошло? – Девушка не знала, что и думать.

– Произойти может все что угодно. В любой момент. Если не следить. Если не заметить признаков. Отнестись к ним легкомысленно.

– Я могу помочь?

– Нет, конечно. Что вы можете сделать? Просто хорошо выполняйте свою работу и не поддавайтесь пороку! – произнесла директриса наставительным тоном.

А потом просто обогнула онемевшую девушку и скрылась за углом.

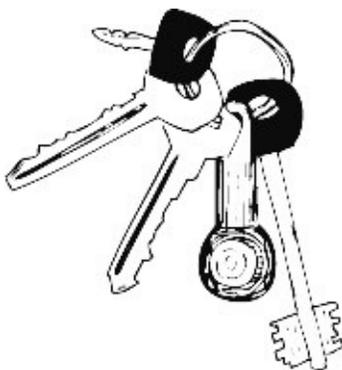
Шейла тряхнула головой. Мисс Норрис сегодня какая-то странная. Или перебрала на празднике, или чем-то расстроена. Может, какие-то проблемы с учениками? Это если сделать выводы из ее расплывчатых реплик.

Вернувшись в свою комнату, Шейла включила планшет и внесла в заметки «миссис Пафф». Потом подумала и добавила «Саммер Милн», едва вспомнив имя девушки с брекетами.

Глава 21

Элейн

Ло меня подводит. Она чудит уже который день, и мне приходится выдавать себя за нее. Признаться, это не доставляет мне того удовольствия, что десятилетия назад. Я все-таки предпочитаю быть собой, а не занимать место сестры.

Ло неизменно возвращается в комнату Патрика, словно преступник на место преступления. Но мы ведь не виноваты. Он просто умер в пять лет. Подавился арахисом, прыгая на диване. Трагическая случайность. Нас с Ло в тот момент даже не было дома, мы гуляли в саду. А Шон готовил овощи на барбекю...

Но при чем здесь Шон? Я просто хочу показать этой фразой, что беспристрастна. Ведь я могла обвинить кузена. Однако я просто констатирую факт: он ни при чем. Хотя и привез с собой этот проклятый пакетик арахиса!

В конце концов, с Патриком оставались наши родители и родители Шона, а тетя Джейн – анестезиолог в больнице. Но даже она не смогла ничего сделать, потому что в тот момент, когда Патрик подавился, произошел разрыв аневризмы головного мозга. Никто даже не представлял, что она у него есть... Еще одна трагическая случайность.

И первое, что я спросила сегодня у Шона, распахнув ставни в вентиляционном окне, это:

– Ты точно уверен, что у тебя нет аневризмы?

Он пожал плечами. Или передернул ими – не знаю. То ли ответил так на мой вопрос, то ли от холода. Я допускаю, что в подвале уже может быть зябко и копится сырость от водных процедур. Пожалуй, пора включить

отопление. Если мой гость простудится, возникнут дополнительные проблемы, придется обращаться к мистеру Тиккету за лекарством. А я не принимаю ничего, кроме аспирина.

– Я читала, что дурные наклонности могли возникнуть из-за спазма сосудов или опухоли головного мозга. Она растет, возникает давление, и нарушается кровоснабжение, – объяснила я.

– У меня нет дурных наклонностей, – прошептал Шон.

– Да ну? – Я удивилась не на шутку, а потом закричала: – Что у тебя с памятью?! Все забыл?! Или просто делаешь вид?

Он рассердил меня, и мне это категорически не понравилось. Это не я должна стать хуже! Это Шон должен стать лучше!

Так, успокоиться, успокоиться, успокоиться! У меня благая цель. Не забывать! И даже если я удерживаю Шона вопреки его воле, это только ему на пользу. Когда он ведет себя достаточно хорошо, я приношу еду. Раз в неделю – смена белья и рубашки. Я хочу, чтобы животное превратилось в человека. Если нет – то нет... И пусть попробует меня кто-либо упрекнуть, что я не желаю Шону добра.

Но его влияние сильнее... Как мне бороться?

Как? Мне? Бороться?

Меня заклинило на этой мысли. В руках, словно спасительная веревка, оказался шланг. Шон, видимо, услышав шуршание, напрягся и отпрыгнул к дальней стене.

– Сейчас мы повторим урок. Ты вспомнишь все плохие слова, которые говорил, и скажешь их в последний раз.

– Не-е-е-ет, – промычал он, мотая головой.

– Не помнишь?

– Не-е-е-е-ет.

Я пустила струю ему в лицо. Гаденьш передернулся, словно пес. Я физически ощутила холод, охвативший Шона, и вздрогнула вместе с ним.

– Дрянь, – прошептал он.

– Хороший мальчик! Еще!

Он извергнул из себя поток мерзостей. Готова поклясться, с удовольствием проговаривая каждое слово, исторгая его из себя, словно рвоту. А я помогла смыть ее водой.

Потом я включу отопление. Он сможет быстро просушить вещи и не замерзнет. Если мой гость умрет до того, как очистится от скверны, его душа не попадет в рай. У меня другая цель... Другая...

– Элейн! – донесся голос Ло, и через пару мгновений я увидела ее в раскрытом окне.

Она на кухне, в моем халате. Жадно пила воду. Ее рука дрожала. А зубы тренькали о стакан. Возможно, мне показалось, но я расслышала этот звук.

Я не хотела, чтобы она застала меня со шлангом в руках, поэтому перекрыла воду и пошла в дом.

– Который час?

– Четверть второго.

– Я опоздала на работу, – застонала Ло.

– Сошлись на мигрень. Неважно выглядишь.

– Да-да, – согласилась сестра.

– Не стоило вспоминать прошлое. Это только мешает настоящему.

Она начала что-то искать. Ее движения были дергаными и резкими.

– Что потеряла?

– Моя сумочка... Где она?

Я внутренне похолодела, понимая, что, кажется, могла забыть ее в кабинете Ло.

– Оставь, я найду потом и принесу, – пообещала сдержанно, изо всех сил стараясь не выдать паники.

– Там косметика и ключи от кабинета. – Сестра не обратила на мои слова никакого внимания.

Отвернувшись, я вспомнила утро. Сегодня мне пришло в голову, что надо опустошить бар в кабинете Ло. Я вылила все спиртное прямо в раковину и едва не блеванула от резкого запаха. Открыла окна нараспашку... и ушла, заперев дверь. С сумочкой на плече!

Я выглянула в прихожую. Ло – за мной, будто подозревала в чем-то.

– Смотри, лежит на банкетке. – Пожав плечами, я как ни в чем не бывало указала на пропажу. – Ты швырнула ее вчера, когда вернулась. И вообще... хватит пить! Ты сказала мне, что вылила все спиртное из бара. Надеюсь, это правда?

– Мм...

– Ты что-нибудь помнишь?

– Нет.

– Твоим вещам требовалась химчистка. Я их туда отнесла.

– Но мне надо на работу! В чем я пойду?

Я достала ее брючный костюм.

– Ты милая, – улыбнулась сестра. – Заботишься.

Она потерлась лбом о мое плечо, а я поцеловала ее в макушку.

За эти дни Ло похудела, и ее собственные вещи сидели на ней так, как будто их сняли с чужого плеча. Но что поделаешь?

Когда она ушла, я поднялась в комнату Патрика и раздвинула шторы. Поменять все к чертям! Содрать обои с мультяшными персонажами, выбросить игрушки! Почему я не сделала этого до сих пор? Теперь мне никто не помешает.

Но каждый раз, когда я начинала строить подобные планы, в моей голове раздавался голос матери – скрипучий, надтреснутый, переходящий то на крик, то на мольбу. Он всегда повторял одно и то же, что все должно оставаться по-старому. Это память. Это доказательство, что ее мальчик когда-то существовал.

Настоящий ад. Сегодня было так же.

Я вышла, захлопнув дверь, и голос тотчас же смолк. Спустилась в свою комнату и стала рисовать. Через два часа передо мной уже лежали четырнадцать набросков. Я сфотографировала их и сделала рассылку по издательствам.

Потом набрала Ло и поинтересовалась, как дела. Ее голос звучал слабо, но она держалась бодрячком. Сказала, что совершенно не помнит, как выливала алкоголь в раковину и открывала окна. Мне пришлось лишний раз повторить, что это звоночек – пора остановиться. Ло согласилась.

После разговора с сестрой я вспомнила, что хотела включить отопление. Моему гостю, должно быть, неудобно там внизу. Я прошла в подвал, врубила котел на полную. Он загудел – все в порядке.

Я опустилась на колени, склонилась к окошечку Черри. Черт! Шон лежал на боку, а из-под его щеки растекалась темная маслянистая лужица.

– Эй! – окликнула я гаденыша, но он не подавал ни единого признака жизни.

Попыталась вспомнить, как это было с Патриком? Шла ли у него кровь носом? Но не вспомнила. Не вспомнила!

Охваченная волнением, я вскочила на ноги и в два прыжка преодолела лестницу. Мне срочно требовались ключи, а связка осталась в первой двери. Я машинально провернула в замке ключ и только тогда вернулась к двери в прачечную. Почувствовала, как капельки пота скользнули по моему лицу: котел работал вовсю. Мне было жарко. И душно. Кажется, я специально заостряла внимание на подобных деталях, чтобы не думать о страшном: о том, что Шон уже мертв.

Тугой замок поддался, я подскочила к щенку и склонилась над ним...

И получила удар, от которого отлетела к стене. Гаденыш подловил меня! Спину сковало болью так, что ни вдохнуть, ни выдохнуть. Тем временем он уже помчался вверх по лестнице. Я со злобным

удовлетворением услышала его вопли, грохот, а потом и приближающийся топот. Конечно, ключи-то у меня!

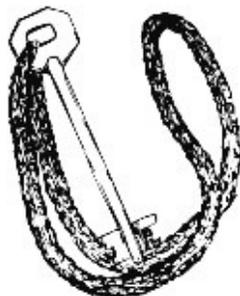
Схватила первое, что подвернулось под руку – старый табурет, – и спряталась за дверью.

Едва Шон ступил за порог, я со всей силы обрушила на него свое оружие...

Глава 22

Амелия

Перед обедом в комнату к Амелии опять притащилась мисс Дженкинс. Она что, постоянно в жилом корпусе ошивается? Не дежурит же несколько дней подряд. Так чего ей здесь надо? Вынюхивает что-нибудь, а потом стучит начальству?

– Мисс Грин, вас ждут в кабинете директора.

Амелия раздраженно фыркнула:

– Кто?

Неужели мисс Норрис соскучилась по ее теплой компании? Хотя понятно. Она же с утра не явилась на штрафные работы. Сейчас опять начнет прорабатывать и за ручку ответит к садовнику.

Но мисс Дженкинс не стала ничего объяснять, добавила только:

– И поторопитесь, пожалуйста.

Ага, сейчас.

– В туалет-то я имею право сходить? – ехидно поинтересовалась Амелия, но француженка, не дослушав ее, уже исчезла за дверью.

В туалет Амелия не пошла, просто так же ляпнула, но до административного корпуса нарочно тащилась еле-еле – с мечтательным видом брела по дорожкам, любовалась на цветочки, задержалась возле фонтана во дворике.

В здании протопала знакомой дорогой, вверх по лестнице, по коридору, опять без стука распахнула дверь, вошла и увидела...

Какого черта он-то приперся?

Девушка уже хотела развернуться, чтобы свалить прочь отсюда, но услышала требовательное:

– Амелия!

– Чего тебе? – огрызнулась она, но уйти все-таки не поторопилась.

– Пройди сюда и сядь! – Просьбы отца всегда звучали как приказы.

– Зачем? – хмыкнула Амелия. – Ты же не заберешь меня домой. А все то, что ты можешь сказать, я уже тысячу раз слышала. Так что – пока! Приятно было повидаться.

– Стой! – прогремело на весь кабинет, вылетело в коридор и прокатилось по нему гулким эхом. Папочка подскочил с кресла, подошел к двери и сам захлопнул ее, а потом за руку, словно маленькую, довел Амелию до стула. – Садись.

– Не хочу, – буркнула Амелия.

– Долго ты еще собираешься вести себя как капризный ребенок? Всего-то пара-тройка недель с начала занятий, а мне уже жалуются на твое поведение. Сколько можно меня позорить? Ты способна хоть что-то делать не назло мне? Я подобрал для тебя превосходную школу...

– Превосходную школу? – Амелия с трудом выдержала все предыдущие реплики, в них не прозвучало ничего нового. Папочка выдавал их и дома с завидной регулярностью. Но при упоминании о школе она не сдержалась. – Превосходную потому, что тебя запирают на ночь в комнате? Потому что за забор не выйдешь без сопровождения? Потому что она расположена далеко от дома и я не мозолю тебе глаза каждый день? Мог бы не стесняться, а сразу отправить меня в психушку! Или в колонию для трудных. Или в закрытый пансион, как маму. Хотя... разве «превосходная школа» отличается от него?

– Замолчи!

Опять – напористо и громко. Вот интересно, он боится, что сохнет на месте, если заговорит по-человечески? Без повышенных тонов, без приказных интонаций, без обязательных претензий.

– Что тебя не устраивает? Да, может, порядки здесь более строги, чем в обычной школе, но это же для вашей пользы, для вашей безопасности! Зато подготовка гораздо сильнее. И все условия. Учеба тут стоит немалых денег. И я трачу их *на твое будущее!*

Дальше он непременно скажет: «А ты не понимаешь, не ценишь». И опять про капризного ребенка, и так бесконечно по кругу.

– А знаешь что? – Амелия с силой втянула воздух. – Лучше не трать. Отдай их мне. И я больше не буду тебя беспокоить. Уйду. На фиг. Если я тебе мешаю. И одна проживу!

Папочка закатил глаза и снисходительно скривился:

– А когда эти деньги кончатся, на что ты собираешься жить? Ты же не сможешь работать. На панель пойдешь?

Ну конечно. Папаша уверен, что она уже с половиной знакомых

переспала. А она... она, между прочим, еще ни разу, ни с кем!

Это другие, если хотят, пусть ложатся под первого встречного! А Амелия слишком высоко себя ценит. Не попадалось как-то ни одного достойного кандидата, а на дешевку, на всех этих прыщавых мальчиков, которым неважно кто, лишь бы получилось трахнуть, она размениваться не собирается. К тому же первый раз обязательно должен быть особенным. Может, и наивно, и глупо, но ей по фиг. Уж точно ни с кем попало.

Кеннет подходил идеально: взрослый, опытный, внимательный. И с ним даже почти случилось, но... папочка внезапно вернулся. Совсем не вовремя. Вот всегда так: когда он нужен, его никогда нет, он занят, у него куча дел, которые важнее всего. Ну уж важнее дочери точно. Появляется папочка, только когда находится повод поорать, напомнить о своей заботе и ее неблагодарности.

– А тебе-то что? Пусть даже на панель. Тебя не касается.

– Господи, Амелия, не говори ерунды! Все эти твои выкрутасы, твои показательные протесты... – Он опять скривился, на этот раз брезгливо. – Неужели ты сама не видишь, насколько это глупо? Когда ты наконец повзрослеешь?

Амелия насупилась, пробормотала чуть слышно:

– Ты все равно не заметишь.

– Чего не замечаю? – озадачился папочка. А в голосе опять недовольство, оттого что не понял ее фразы.

И Амелия вскинулась, проговорила четко и резко, с каждым словом прибавляя громкости:

– Если я повзрослею. Когда я повзрослею. Ты слишком занят для этого. Тебе нет никакого дела. Ни до меня, ни до мамы. Избавился от нас и доволен?

– Амелия!

– К черту! Пошел ты к черту!

Глава 23

Амелия

Амелия не заметила, как домчалась до жилого корпуса. Когда заходила в комнату, врезалась плечом в косяк. Настолько сильно и чувствительно, что слезы брызнули из глаз. От боли. И от обиды тоже.

Она бросилась на кровать, вцепилась зубами в подушку.

Рыдать? Да ни за что! Да никогда! Не дождетесь. Судорожный всхлип превратился в злое рычание.

А если сейчас сюда кто-то сунется... она – вот честно! – убьет не раздумывая. Неважно каким способом: на части порвет, придушит, ударит первым, что попадется под руку. И пусть папочка порадуетса тогда. У него же появится законный повод запереть сумасшедшую дочурку в более подходящем месте. Привязать к стулу, приставить персонального надзирателя. И тогда со временем она тоже превратится в человека-овощ, довольного уже тем, что он просто есть, не обремененного ни мыслями, ни воспоминаниями. Как мама. Да, как мама.

Амелия слышала, как отцу говорили, что эта болезнь передается по наследству, и со временем, вероятно...

Нет, лучше не думать.

Она закопалась в подушку еще глубже, так что дышать стало невозможно, и терпела, сколько могла. Но долго не выдержала, приподнялась, не открывая глаз, чтобы ничего не видеть. И все равно видела. Не то, что ее окружало, – другое, прочно засевшее в голове.

Сколько лет она уже не ездила к маме? Год? Или два? А может, еще больше. Не потому, что забыла, или ненавидела, или обижалась. Просто – смысл?

Мама все равно никого не помнила, не узнавала, только блаженно улыбалась каждому, кто к ней подходил. Абсолютно всем: мужу, дочери,

сиделке, врачу, даже совершенно постороннему человеку. Она ко всем была ласкова и безразлична.

Это ведь не честно. Это ведь даже хуже, чем если бы мамы совсем не существовало. Знать, что она точно есть, но быть уверенной, что ей нет до тебя никакого дела. И смотреть на такое совершенно невыносимо.

Ну почему? Как вообще подобное возможно?

Один раз Амелия попыталась пробудить в ней воспоминания, долго и упорно объясняла маме, кто она. А потом сорвалась и просто трясла за плечи, просто кричала: «Ну вспомни! Слышишь? Вспомни! Я – твоя дочь. Ты – моя мама! Да вспомни же!» А та... сначала ничего не понимала, потом в ее широко распахнутых глазах вспыхнул ужас, а под конец она заверещала. Как-то совсем не по-человечески. Словно загнанный в угол, перепуганный насмерть зверек.

Крик стеганул по ушам, а еще по сознанию и, наверное, по сердцу. Амелия отскочила, перепуганная ничуть не меньше. И тут же набежала целая толпа людей. Кто-то бросился к Амелии, ухватил, стараясь скорее уволочь из комнаты. А кто-то ринулся к... той, что сидела на стуле, взвизгивала и билась в истерике.

Она не могла быть мамой Амелии. Не могла.

– Да что с тобой происходит? – выговаривал отец, когда они уже ехали домой в машине. – Ты даже в больнице не можешь вести себя нормально. Ты...

Амелия игнорировала его брюзжание, лишь тихонько бормотала себе под нос:

– Это не мама. Это не мама. Это не мама.

И старалась забыть ту странную женщину и ее нечеловеческий крик. Но он опять и опять возникал в голове.

До сих пор Амелия его помнит. И боится услышать.

Вот и сейчас. Одним ухом вжалась в матрас, другое – накрыла подушкой. На всякий случай. Уставилась в стенку.

Лежала, лежала, не шевелясь, не чувствуя тела. Не замечая времени. Перед глазами расплывалась шершавая поверхность стены, выкрашенная в светло-бежевый. Может, Амелия даже заснула – не заметила. А потом в дверь неуверенно заскреблись. Звук остался где-то на грани восприятия, не вызвав никакой реакции. Даже раздражения.

Язычок замка щелкнул. Значит, дверь открыли.

– Я вхожу, – прозвучало не слишком решительно. – Я правда вхожу.

Шаги, шорох, странный скрип. Подушка стала потихоньку сползать с головы.

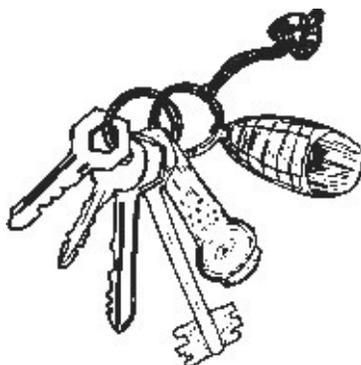
– Эй, Амелия, ты чего? Ни на обеде тебя не было, ни на ужине. Похудеть, что ли, решила? Так тебе вроде некуда. – Бриджет плюхнулась на кровать, опять с размаха, заставив матрас спружинить. – Ну ладно тебе. Поднимайся уже. Я поесть притащила. Сэндвич и шоколадное молоко. Или клубничное надо было? Но я за другим не пойду.

Вот если бы у Амелии была сестра – неважно, старшая или младшая, – может, и жизнь бы тогда не казалась такой паршивой.

Глава 24

Шейла

«Странности в поведении директрисы Опал Норрис. Она то помятая, то излишне пафосная. Вплоть до одежды. Ее капитально накрывает уже несколько дней. Шизофрения? Или два человека? И, похоже, меня накрывает вместе с ней».

Шейла вовремя заметила какое-то шевеление за плечом и успела выключить планшет.

Оглянулась – миссис Пафф. Трудно предположить, что такая большая женщина может передвигаться настолько бесшумно, но тем не менее.

– Ведете блог?

– Нет. – Девушка дернула головой. – Скучная подготовка к следующему модулю у четвертого класса.

– Никогда не соглашаюсь на выпускников, – выпятила губы Пафф. – Мнят из себя гениев, а сами не лучше позавчерашнего бифштекса.

– И тот мальчик?

– Какой мальчик? – Собеседница выкатила глаза.

– Мы говорили с вами на днях. О третьекурснике, который пропал. Решили, что сбежал, – напомнила Шейла, делая нарочитую паузу.

Пафф купилась.

– Брэд Гриффит. – Она закивала жизнерадостным болванчиком. – Ничего так парень, не избалованный. Отличался от большинства. Такой, знаете ли, себе на уме. Никогда бы и не подумала про него... но буквально на днях узнала такое!

И она принялась щедро выкладывать последние сплетни. Видимо, бедолага Саммер все-таки воспользовалась широкой грудью миссис Пафф,

а та, в свою очередь, много чего додумала без чьей-либо помощи. По ее рассказу выходило, что Брэд и Саммер если не встречались, то однозначно глубоко друг другу симпатизировали. Потом, когда уже отношениям было пора переходить на новый этап, парень влип в какую-то темную историю. Почему-то всплыл садовник, оказавшийся чуть ли не Джеком-потрошителем, скрывающимся от правосудия. Брэд разнюхал о его мутных делишках, за это попал под преследование. Недолго думая он просто сбежал. Сделал ноги! И теперь не выходит на связь *даже* с Саммер только потому, что боится быть обнаруженным бандитами. Вот такой он трус!

Шейла сделала вид, что верит в столь бредовую версию... И хотя рассказ мало походил на реальность, миссис Пафф оказалась прекрасной рассказчицей.

– Ничего себе триллер, – усмехнулась Шейла.

– Я никогда не доверяла Ричмонду! – Толстушка выразительно всплеснула руками и прильнула к собеседнице плечом. – Он не так прост, как кажется!

– Буду иметь в виду, – подыграла Шейла и отодвинулась. – Может быть, парень оставил какие-то записи?

– Кто знает, – скривила губы Пафф. – Его вещи отправили родным.

– Все?

– Да, которые остались. Хотите, – заговорщически подмигнула она, – могу показать его комнату.

– Туда никого не заселили? – спросила Шейла, надеясь, что, вопреки закону подлости, не услышит имя Уэста.

Пафф спустила очки на кончик носа и рассеянно посмотрела куда-то вдаль.

– Нет. Он занимал комнату, которую мы долгие годы использовали как комнату отдыха. В прошлом году вдруг оказался очень большой наплыв учащихся. А раньше Гриффит жил в одной комнате с Майклом Кайденом. Но тот выпустился, и Брэд изъявил желание жить один. Знаете, уже сейчас, задним числом, я нахожу столько совпадений, – дернула головой миссис Пафф.

– Например? – не поняла Шейла.

– Ну, он словно стал лишним...

Девушка едва сдержалась, чтобы не наорать на коллегу. Брэд не лишний! Нечего искать «задним числом» какие-то нелепые, притянутые за уши аналогии. Подумаешь, поселили в комнату отдыха!

Однако миссис Пафф перемен в настроении собеседницы не уловила. Она тронула Шейлу за руку и даже не обратила внимания, что та

вздрагнула от прикосновения.

– Идемте?

Толстуха бодро двинулась по коридору, Шейла за ней, стараясь не отставать.

На втором этаже жилого корпуса было пусто, комнаты – закрыты. За ними явственно ощущалась какая-то жизнь, пышущая энергия, эмоции. Пара часов, и двери закроются на ключ. Их обитатели останутся один на один с собой. А вот Шейла заперта так постоянно... Не в той роли. Не в том теле. Сама себя ограничила во всем.

В комнате, куда Пафф привела Шейлу, почему-то особенно чувствовалось одиночество. Возможно, ей это только казалось. Но все: стены, вещи, закрытые наглухо окна – словно ждало хозяина, кого-то, кто войдет, кто будет проживать здесь часы, дни, недели, во что-то верить, о чем-то мечтать.

Шейла попыталась представить Брэда в этих стенах. Всеми фибрами души она пожелала бы остаться здесь один на один с собой – в месте, откуда пропал ее брат. Поэтому, когда они с Пафф вышли, заинтересовалась, запирается ли эта дверь. А услышав, что нет такой надобности, решила вернуться как-нибудь во время своего дежурства на этом этаже. Кажется, как раз одно такое выпало на следующей неделе.

– Ну что же, еще поболтаем. Вливайтесь в коллектив! – снова как-то бестактно подмигнула женщина. – Вы молоды. Нам нужна молодая кровь!

Шейлу просто передернуло от предложения. Она поспешно кивнула, почти побежала по коридору. И едва не споткнулась. Опять этот Селестин Уэст! И как он умудряется всякий раз оказаться рядом?

Глава 25

Сэлл

В полумраке коридора, верхний свет которого на этажах жилого корпуса тушили после восьми, Сэлл неожиданно столкнулся с Гейлом Мелларком. Один неосторожный взгляд, и внутри что-то кольнуло, обдало холодом, а потом завязалось в тугий узел. Нет, он не мог ошибаться! Он сразу все понял. Надо быть слабоумным, чтобы не заметить, не почувствовать, не разглядеть.

Парень уставился в спину Мелларка, который, прижимая руки к туловищу, кажется, спешил поскорее скрыться из поля видимости. Прятался. Напрасно... Разве можно спрятать то, что не принадлежит тебе по праву? Сэлл ухмыльнулся. Он и сейчас отчетливо видел тонкие запястья преподавателя, пусть они были хоть сто тысяч раз прикрыты манжетами! Захотелось подбежать к Мелларку, с силой дернуть его за рукав, крикнуть в лицо: «Да что за бред?», но Сэлл не имел на это никакого права...

Завернув в свою комнату, Сэлл рухнул на кровать, и, как ни пытался убить в себе мысли, которые вновь и вновь донимали его, ничего не выходило. Иногда он, правда ненадолго, переключался на воспоминания, похожие на чей-то чужой сон, в котором осень более желтая, более пахучая и, что скрывать, вольная, а значит – настоящая. Но чем больше Сэлл окунался в свое прошлое, тем сильнее ощущал странное навязчивое чувство беспокойства. Нет, здесь ему по-прежнему не нравилось. Но окажись он сейчас там, где вырос и жил размеренной сельской жизнью, примчался бы назад, оседлав шального Боливара. Да, вот так бы сделал, несомненно! И это-то его как раз пугало...

Утром в столовой к нему подседа Зубатка. Тихоня тихоней, а нарисовалась с подносом возле столика, за которым он сидел, и, не

спросив, плюхнулась напротив. Молчала, правда. Только поглядывала изредка. А Сэлл терпеть не мог, когда на него таращатся за завтраком, когда он еще толком даже не проснулся, – кусок поперек глотки вставал.

– Ты что-то хотела? – Он отложил вилку, но так получилось, что будто бросил: она зазвенела.

Саммер замотала головой и залилась краской.

Подумать только! Не рассчитывала, что придется разговаривать? Или вообразила себя невидимой? Думала, пристроится незаметно, будет высверливать дырку в Сэлле без зазрения совести? Только один нюанс: мантию-невидимку забыла натянуть!

Сэлл встал, со скрежетом отодвинул стул – и здесь получилось слишком резко, стул покачнулся и опрокинулся, – бросил на Зубатку снисходительный взгляд:

– Ну раз ничего... – И пошел по направлению к выходу.

– А кофе? – пискнула Саммер.

– Можешь выпить сама.

Но его слова растворились в чьем-то громком выкрике:

– А на конюшне кофе не пьют, детка! – К Зубатке за столик подсел один из остряков, которым тема конюхов пришлась по вкусу.

Сэлл даже взглядом его не удостоил – не больно-то интересно. Вынюхали биографию – где и чем он жил до прихода в эту «правильную» школу – и думают выставить его посмешищем? Да ему плевать, кто и что о нем думает! Да и могут ли они вообще думать, эти папкины сыночки? А любить? Любить что-то живое, а не бездушные предметы, вроде шмоток, айфонов и прочей дребедени? И как можно запозорить тем, к чему ты тянешься всей своей сущностью?

На химии тема конюхов вышла на новый виток.

– Сэлл, – серьезно посмотрела на парня Амелия, – ты шарить в химии лучше меня. Давай ты разберешься с этими адскими пробирками, а то я обязательно разобью что-нибудь... или... – Она коротко улыбнулась. – Взорву к чертям эту гребаную лабораторию! В общем... ты делаешь, а я заполняю бланки. И за себя, и за тебя.

– Валяй, – равнодушно отозвался Сэлл и стал натягивать перчатки.

Очки он по-прежнему игнорировал, тем самым бросая вызов Мелларку. Но тот на сей раз молчал.

Амелия взяла его листок, ручку и сосредоточилась – приготовилась записывать, в то время как Сэлл уже аккуратно откупоривал темный пузырек при помощи пинцета. Маленькая противная пробка-затычка с характерным звуком в доли секунды была изъята из горлышка склянки, и

на волю, как джинн из бутылки, вырвался едкий запах.

– Фу-у-у, – скривилась напарница, но тут же дружелюбно хихикнула: – Заткни ее обратно!

Сэлл невольно улыбнулся: понятное дело, кому понравится запах пиридина? Надо быть камикадзе, чтобы испытывать от подобного зловония приятные чувства. Но затыкать пузырек, не закончив лабораторную, а точнее, даже не начав, это как-то...

Поэтому он потянулся за пробирками. Сначала взял две пустые и осторожно налил в одну из них миллилитр пиридина, а в другую при помощи пипетки добавил каплю все той же жидкости из темной склянки. Сэлл делал все быстро, но ювелирно: ни одна капля не упала на стол, ни одна пробирка не дрогнула в его руках. Все движения его были уверенными. Амелия даже, кажется, засмотрелась.

Когда дело оставалось за малым – а наблюдение за реакцией пиридина с соляной кислотой и выпадением неслучайного белого осадка прошли без катаклизмов, – с растворением того самого осадка водой и получением слабого раствора пиридина в другой пробирке вышла заминка.

Сэлл на мгновение даже растерялся...

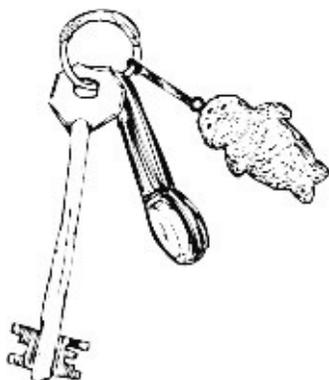
Ну конечно! Замечательная идея! Уровня нулевого класса начальной школы: в колбе с водой плавали кусочки конского навоза. Заглянуть бы тому зубоскалу в лицо! Интересно, он специально для этого на экскурсию в конюшню ездил? Или получил от курьера в белом прозрачном пакетике пару граммов навоза и поскорее спрятал во внутренний карман пиджака, озираясь по сторонам, будто купил у наркодилера дурь? И пакетик вскрывал в стерильных перчатках, боясь опоганиться? Наверно, потом еще и руки дезинфицировал, а то вдруг это заразно?

Сэлл думать долго не стал – выхватил у Амелии бланки лабораторной и в два счета заполнил пустые графы. Опыты – это так, интерес, а не получение результатов. Результат всех проводимых реакций он и так знал. А колбу с водой... Он мог бы вылить ее содержимое на голову кому-то из тех клоунов, которые жаждали устроить на химии цирковое представление. Но цирк преждевременно уехал, а клоуны... остались без зарплаты.

Глава 26

Амелия

Все-таки неплохо, что на химии Амелия уселась за один стол с Уэстом. В предмете он действительно шарил и взял на себя всю практическую часть, чем, конечно, облагодетельствовал школу.

Амелия бы наверняка даже из самых безобидных реактивов сумела создать гремучую смесь. Не специально, само бы получилось. И тогда лабораторию и всех в ней присутствующих разнесло бы в клочья.

Можно считать, Сэлл спас их от безвременной кончины.

Ну, в самом безобидном случае Амелия кокнула бы пузырек с какой-нибудь особо вонючей гадостью. Такая как раз и попалась на сегодняшней лабораторке.

Стоило Сэллу раскупорить одну из склянок, как из нее вырвался мерзкий едучий запах, заставивший брезгливо скривиться.

– Фу-у-у! – протянула Амелия, хихикнула, разогнала ладонью воздух перед носом. – Заткни ее обратно!

Но Сэлл только глянул невозмутимо и принялся что-то сливать и смешивать в пробирке. Потом потянулся за колбой с дистиллированной водой. Предполагалось, что с дистиллированной. Но на самом деле в ней плавали темные, отвратительного вида ошметки.

Амелия едва не спросила, что это. Но по растерянному виду Сэлла почти сразу догадалась. Лучше без конкретики. Просто явная гадость.

Она чуть-чуть отодвинулась на стуле. Вскрикивать и орать она не собиралась, просто внимательно наблюдала за соседом, что тот сделает. Шуточка явно посвящалась Уэсту. Она ведь что-то слышала – то ли в столовой, то ли во дворе – про конюшню и любителей лошадиного дерьма.

Сэлл быстро пришел в себя: отодвинул колбу подальше, выхватил у Амелии листы, торопливо заполнил.

Ну надо же! Тоже не психанул. Не устроил ни истерики, ни разборок. Хотя кое-кто явно рассчитывал на бурную реакцию. Не только в пробирках. Сама бы Амелия точно не отказала себе в удовольствии вот это самое, что болталось в колбе, выплеснуть юмористу прямо в его ухмыляющуюся морду. Вычислить-то нетрудно. По чересчур заинтересованному взгляду и разочарованию оттого, что шутка не удалась.

Да, толку от этого – от показательных выступлений, как назвал их папочка, – никакого. Теперь она поняла. Но все равно просто так Амелия не сдастся, обязательно смоется из этой элитной тюрьги. Дело принципа, и она не безвольный овощ, чтобы кто-то мог без спросу распоряжаться ее жизнью.

После занятий Амелия заявила к Бриджет. Та встретила улыбкой и дружеской подколкой:

– Чего? Опять выпивка понадобилась?

– Да ну, – отмахнулась Амелия.

Бриджет рассмеялась.

– А то я подумала, что тебе прошлый раз мало показалось. Судя по всему, большую часть эта дурочка Саммер вылакала. Зачем ты вообще ее с собой взяла?

– Надо же было на ком-то проверить твое пойло, – честно призналась Амелия. – Я же не идиотка – первой пробовать.

Бриджет заржала еще сильнее.

– Я слышала, как она потом миссис Пафф душу изливала. Во несло!

– Ага! Она еще при мне начала. – Амелия задумалась. – У нее правда что-то было с этим, который сбежал? С Брэдом.

Какое-то время Бриджет молчала, ерзала на кровати, будто удобнее усаживалась, потом подняла глаза на Амелию.

– Мне вот любопытно, тебя она интересуется больше или он? – посмотрела пристально, чуть прищурившись. – Все-таки тоже хочешь смыться?

Амелия опять не стала скрывать:

– Хочу.

Бриджет снова помолчала, задумчиво свела брови, но, кажется, ничего толкового вспомнить не смогла.

– Ну, честно, я не в курсе, что да как. И вообще не понимаю, зачем Брэду понадобилось сбежать. – Она пожала плечами. – До конца учебы оставалась неделя. Или две. И так бы скоро по домам разъехались. Да и

причин у него особых не было.

Амелия не перебивала, а Бриджет, если выпадал случай, могла трепаться бесконечно. По части владения информацией ее вряд ли кто мог бы переплюнуть.

– Если только эта дурочка Саммер окончательно его достала. Она здесь уже третий год, и каждый раз одна и та же история. Чуть ли не в первый день западает на какого-нибудь парня, а потом без конца за ним таскается. Кто понаглее, когда надоест, обычно ее прямо посылают. А Брэд – он такой, сам по себе. Мог и вообще ее не заметить. Ну отсвечивает рядом какая-то ненормальная и отсвечивает. Ему по фиг.

Попытка представить Брэда не увенчалась успехом. Если на этот раз чучело запала на Сэлла, то и прежний понравившийся ей парень должен был выглядеть примерно так же, что с рассказом Бриджет слабо вязалось. Уэст прямолинейный и достаточно простой, а Брэд вырисовывался странным и даже слегка таинственным.

– Да и с другими у него проблем не было, – между тем продолжала трепаться Бриджет. – Ни с учителями, ни со студентами. Поначалу пробовал один придурок наезжать. Брэд какое-то время терпел, а потом взял обычный нож для бумаги да и попер на шутника: «Еще раз сунешься ко мне, порежу». Тот едва не обделался. Хоть временами и ржал издалека, называл психом, но больше не лез. Чокнутых боятся. Так что даже не представляю, почему Брэд смылся. Только и остается предположить, что его похитили. – Бриджет улыбнулась. Фраза прозвучала надуманно и нелепо. – Уж не знаю кто. Инопланетяне разве.

– Он тебе нравился? – неожиданно спросила Амелия. – Брэд.

– С чего ты взяла? – Ни в голосе, ни на лице Бриджет не нашлось и следа возмущения, только искреннее недоумение.

– Ты так много о нем знаешь.

Бриджет фыркнула, заявила с гордостью:

– Да я о большинстве много чего знаю. Люблю быть в курсе. И вообще, – она сделала многозначительную паузу, – у меня жених есть.

– Жених? – теперь удивилась Амелия.

– Ну да, – подтвердила Бриджет. – Вот окончу школу, и сразу замуж. – Она улыбнулась, не сказать что мечтательно и вдохновенно, скорее насмешливо. – Все давно уже решено. Он – сын совладелицы родительской компании. Мамашка его испугалась, что сыночек в душевном порыве осчастливит какую-нибудь бедную золушку. Точнее, так уже чуть и не случилось. Он собрался жениться то ли на официантке, то ли на инструкторше по фитнесу. Мамаша, как узнала, сразу сказала: «Хочешь –

женись. Только тогда устраивай свою жизнь исключительно сам, а на мои деньги не рассчитывай». Но женишок у меня не дурак, сделал правильные выводы. Вот после этого наши родители и сговорились. Все для блага бизнеса и родных детишек.

– И ты согласилась? – поинтересовалась Амелия. Сама бы она непременно закатила папочке тот еще скандал.

– А что такого? – Бриджет дернула плечами. – Вообще-то он у меня нормальный. Мы даже это... уже... переспали. Надо же было опробовать.

Амелия внимательно рассматривала Бриджет. А ведь действительно. И не подумаешь, что предложенный расклад ее расстраивает или вызывает хоть каплю негодования. Никакой затаенной грусти в глазах. Похоже, ей и правда по приколу, и она совсем не против. А ведь...

Вполне же реально, что папочка тоже до такого додумается. Сначала запер дочурку в школе, сразу после окончания выдаст замуж. Может, даже за Кеннета, если тот разведется со своей престарелой мымрой, как он планировал.

Развить мысль не дали. Здание содрогнулось, дверь распахнулась, и в комнату вкатилась миссис Пафф. Амелия даже подумала, что та все это время стояла под дверью и подслушивала.

Толстуха с подозрением уставилась на Бриджет, потом перевела взгляд на Амелию.

– И вы здесь, мисс Грин! – воскликнула обрадованно, с видом охотника, обнаружившего добычу. – Вот и отлично. Хотела вам напомнить про работу в саду. Вы уж постарайтесь опять о ней не забыть. – Миссис Пафф ехидно поджала ярко накрашенные губки. – Иначе мне придется отвести вас за руку.

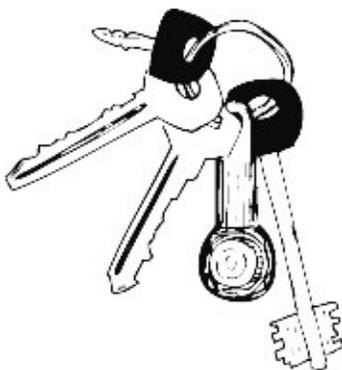
Вообще-то Амелия в курсе, что гиппопотам – самое опасное животное. По количеству жертв до него далеко и львам, и крокодилам, и носорогам. Поэтому, если миссис Пафф ухватит за руку, шансов никаких. Точно утащит. Она раза в три, а может, даже и в четыре объемней и тяжелее. Да и в ближайшее время Амелии выгоднее побыть послушной лапочкой.

– Ну что вы, миссис Пафф! – с энтузиазмом воскликнула она. – Больше не забуду. Ни за что. Прямо жду не дожусь. Так и тянет поработать в саду.

Глава 27

Элейн

Проснулась от боли в затылке. Все-таки приложилась, когда гаденыш меня отшвырнул. Потянулась, расправляя онемевшие конечности, наслаждаясь восстановленным кровообращением.

Если судить по едва пробивающимся в окно лучам, еще довольно рано. Я – жаворонок. Шон – нет.

Он и в детстве дрых допоздна. А я старалась урвать несколько часов рассветного счастья, когда могла делать все, что мне захочется, и не бояться быть застуканной им.

Но в день похорон Патрика Шон проснулся очень рано.

Он подошел ко мне и сел рядом. Взял за руку, словно любящий старший брат. Приподнял пальцем мой подбородок, заставляя взглянуть на себя.

– Когда ты плачешь, твои глаза перестают сиять. – Странная фраза для утешения, вы не находите? Но кузен не мог остановиться: – А я хочу, чтобы они сияли.

– Умри, – шепнула я.

– Нет. – Он помотал головой. – Мне суждено прожить долгую-долгую жизнь.

И эта фраза прозвучала словно пощечина.

Я попыталась вырвать свою руку из тисков Шона, но, чувствуя мое сопротивление, он только сжимал ее крепче.

– Ты ведь любила своего маленького братика? Своего Патрика? Разве ты не хочешь такого же? Маленького, невинного ангелочка?

– О чем ты говоришь?

– Я могу помочь, и он у тебя родится.

Боже! Меня и сейчас трясет от этих слов! От этого предложения! От этого змеино-бесовского искушения. Нормальный человек не стал бы говорить такое! Но все считали Шона вполне нормальным. А меня – нет. Ухмылялись, что у малышки Элейн чрезмерно развитое воображение!

Волна рыданий захлестнула меня. Я редела, лежа в своей постели, прокручивая в голове те события двадцатилетней давности снова и снова. В тот момент я просто не могла рыдать, мне было страшно: Шон сидел рядом, вцепившись в мою руку, прикасаясь своим плечом к моему, обдавая смрадом и тленом развращенности и тайных желаний. Помню, как я буквально рванула к матери, когда она вышла к нам. Но мать лишь скользнула по мне безучастным взглядом, кивнула и прошла мимо. Одна потерянная дочь для нее ничего не могла значить по сравнению с потерей сына.

Я скомкала в ладонях простыни. И приняла твердое решение избавить дом от малейших воспоминаний о прошлом! Перестать слышать голос, навязчивый и досаждающий мне много лет. Голос, не имеющий ничего общего с моими желаниями.

Весь день я потратила на то, что сдирала в комнате Патрика обои, сжигала старые игрушки и шторы. Должно быть, дым привлек внимание. Пару раз я замечала любопытные рожи, заглядывающие в сад. Но вопросов никто не задавал. А я была им благодарна за это молчание.

Вечер застал меня в самый разгар работы. Просто упал, как театральный занавес, и все. У меня от усталости дрожали руки и ноги, как некогда дрожали от страха в присутствии Шона. Но теперь я его не боялась. Этот гаденыш заслужил все, что проживает сейчас.

«Проживает... Сейчас...» – нечаянная мысль пронзила меня, будто стрела. Я не заходила к нему с того момента, как повернула ключ в замке его камеры. Тогда он лежал на полу с разбитой головой и не шевелился...

Обычно я заглядывала к Шону и вечером – приносила ему ужин. Но мне показалось справедливым наказать его за попытку побега.

Утром следующего дня я осознанно оставила его без завтрака, а днем и вечером – просто забыла о его человеческих потребностях... Если они еще были, эти потребности.

Могло ли оказаться так, что сегодня я избавлюсь от самого последнего своего напоминания о Шоне – от самого Шона?

Но я ведь не убийца... Я просто защищалась. Он первый толкнул меня! Он делал это и раньше. Раньше, чем вчера. Гораздо! Раньше! А я просто невероятно терпелива.

Уже в темноте добрела до окна в подвал. Посветила фонарем – гаденьш сидел, не лежал. Поднял на меня глаза, и они блеснули чем-то противоестественным, заставив отпрянуть на мгновение.

Грудь сдавил спазм – ни вдохнуть, ни выдохнуть. Сердце бухнуло и улетело куда-то в черную дыру.

Шон жив.

Я не знала, радует меня эта мысль или огорчает. Какой-то непередаваемый симбиоз ощущений и чувств.

Я закрепила фонарь так, чтобы он освещал подвал по максимуму, – хотела видеть, как крысеньш ползает и умоляет меня. Неважно о чем! Главное, насладиться этим, погрузиться в это с головой.

– Еще раз попробуешь сбежать... – Я запнулась, не в силах придумать и пообещать те кары, которые обрушатся на его голову в случае неповиновения. – И твоя жизнь станет кошмаром!

Он отвернулся. Сучонок отвернулся! А потом и вовсе опустил голову, чтобы свет фонаря не бил по глазам. Голодный, с разбитой башкой, но гордый...

Посмотрим, куда пропадет твоя гордость, когда я принесу тебе еду.

Мой живот тут же заурчал. Последний раз я ела утром и, пока сжигала хлам, о пище не вспоминала. Прошла в дом, зажгла свет в кухне и чуть не закричала от ужаса: из угла на меня скопил единственный глаз бурый медведь Патрика – тот самый, которого я сожгла буквально часа три назад!

Меня охватил ступор, я не могла двинуть ни рукой, ни ногой. В горле – словно ершиком прошлись. Но через минуту-другую очертания медведя размылись, и я увидела лишь небрежно брошенный на пол старый халат отца, который поначалу я было приготовила на выброс, но, немного подумав, решила отдать на благотворительность и собственноручно кинула в угол. За глаз я приняла черную глянцевую пуговицу.

Черт! Это все усталость, не иначе. Сегодня мне явно не до готовки.

Обнаружив в холодильнике несколько кусков пирога, сыр и баночку пива, устроила себе легкий ужин. Разумеется, Шона я могла угостить тем же самым, но... Взяв только кусок пирога, я вышла на улицу и протолкнула его между решеток. Пусть сначала заслужит нормальной еды из тарелок! А пока – подбирает с пола, как крыса.

Но Шон даже не взглянул на щедро поданное угощение, и это после пары дней голодовки! Пирог разлетелся на кусочки по полу, а мой гость даже не дернулся. Он вообще, кажется, делал вид, словно меня не существует. Ни страха не испытывал, ни-че-го! Это меня просто взбесило.

– Жри, гаденьш! Или тебе нужны деликатесы? Плохие мальчики не

питаются деликатесами, они довольствуются тем, что им подают!

Но Шон сидел, не двигаясь.

Мне захотелось размазать его по стенке! Унизить, смешать с липкой грязью и растоптать! Но что бы такого придумать?

Оглянувшись, я заметила ленивую жабу, довольно часто мешающую мне спать ночью. Изловчившись, поймала тварь за перепончатую лапку, размахнулась и швырнула в подвал вслед за пирогом.

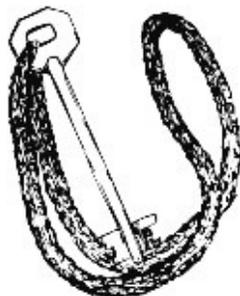
– Вот, на! Деликатес! Ты же этого хотел? Наслаждайся! – Я улыбнулась, радуясь своей сообразительности.

Жаба довольно быстро пришла в себя и зашлепала по полу. Шон проследил за ней взглядом, а потом поднял глаза на меня. В них застыла ночь. Такой бессловесной ненависти я, пожалуй, еще не достаивалась. Но мне нечего было бояться – узник надежно заперт.

Глава 28

Сэлл

Утром Сэлл снова столкнулся с Мелларком. И опять неожиданно – в жилом корпусе. Поймал взгляд – как закоротило. Тысяча вольт короткими импульсами по венам. В каждом движении, в каждой повадке угадывалось главное. И сейчас Сэлл просто решился, вдруг взял и осмелился – пока представился удобный случай, преградил путь и спросил напрямую:

– Зачем тебе это нужно?

Вот так, сразу на «ты». Быть может, нагло? Но по-другому не вышло.

– Что? – Тихий ответ, не вопрос, эхом прошелестел по коридору. Совсем неуверенный, больше растерянный. Неузнаваемый. А в глазах Гейла Мелларка – паника. Застал врасплох.

Неужели даже мысли не было, что Сэлл давно все понял? И не просто понял, а...

Парень оглянулся – на этаже никого не было. И все же продолжил шепотом:

– Я могу... чем-нибудь помочь?

Хотел просто успокоить, что не собирается трепаться. Но, похоже, перепугал больше, чем проявил участие.

Гейл Мелларк дернулся, даже оттолкнул Сэлла – ударил ладонью в грудь, отчего под рубашкой запылала кожа, – и рванул по коридору, ни разу не обернувшись.

А тем временем цирк-шапито только-только разворачивался...

Погода стояла прекрасная. На баскетбольной площадке шла ожесточенная борьба между двумя школьными командами за выход в городскую лигу, в которой предстояло отстаивать честь школы. Но Сэлл не любил баскетбол, поэтому отдал предпочтение теннису. Теннисные тренировки сильно не выматывали, хотя отнимали ежедневно по три-

четыре часа свободного времени. Впрочем, это было даже на руку Сэллу: как еще убивать время взаперти? Да и матчи проходили каждую неделю – чем не повод самореализоваться? Это тебе не командная игра, в теннисе только *ты* несешь ответственность за исход игры.

Вот и сейчас он был тем, кто уверенно держался на теннисном корте и один за другим демонстрировал идеальный слайс^[4] форхендом^[5]. Хотя соперник Сэлла – Харрис Флетчер, член лиги чемпионов прошлого года – тоже был прекрасным игроком с натренированными мышцами и хорошей смекалкой, не говоря уже о его опыте, но, как ни крути, отразить коварный удар и мастеру спорта не так-то просто. Он или играет по линии, или косым кроссом, или кидает свечу. И на то, чтобы принять верное решение, отводятся доли секунды. Но чем сильнее соперник, тем интереснее игра. И в этом мнении Харрис Флетчер отлично сошелся с Сэллом Уэстом.

Обменявшись рукопожатиями после окончания сета со счетом 7:5 в пользу Флетчера, игроки разошлись уставшие, но обоюдно довольные. Сэлл вообще не рассчитывал на то, что его занятия в спортивной секции бывшей школы могут дать такие результаты, поэтому по дороге к раздевалке даже позволил себе улыбнуться. Не кому-нибудь, не по поводу, а просто в честь хорошо проведенного времени.

Но когда он оказался в учебном корпусе, в двух шагах от мужской раздевалки, безмятежное настроение вмиг растворилось в гвалте знакомых голосов. Под свист и улюлюканье кто-то орал:

– Да-вай! Да-вай!

Там, внутри, происходило явно что-то интересное, и Сэлл решил не торопиться со своим внезапным появлением.

Он остановился в дверях и прислушался:

– Давай, Колин! Ну что ты менжущешься, как дамочка? Сделай большую кучу!

– Колин, если ты хочешь быть с нами, ты должен навалить в его кроссовку! – кажется, голос лохматого...

– Ну же, Колин, давай!

И совсем слабое блеяние:

– Я хочу. Я хо-чу... – А потом уже увереннее: – Я смогу. Да, я смогу! Сейчас... Сейчас...

– Давай, Колин! Оставь ему автограф на память!

– Надави!

– Да, поднадави! Не подведи нас!

– Выпусти толстячка, Колин!

– Да-а-а!

– Да!!! – Взрыв хохота вперемешку с аплодисментами. И облегченное:

– Я сделал это. Я СДЕ-ЕЛАЛ!

Вот отстой!

Сэлл дернулся вперед, и парни, стоящие спинами к входу, наконец-то обернулись и растерянно расступились, пытаясь подавить приступы смеха. В центре толпы Сэлл увидел хлюпика с приспущенными штанами – того самого, который оказался случайным свидетелем разборки в день заселения. Ну а дрессировщиком дебильного аттракциона с косолапым медведем был... Ну кто бы сомневался!

А кроссовки конечно же Сэлла.

– О! Селестин Уэст собственной персоной, – самодовольно оскалился лохматый. – Ты прости Колина, он не со зла. Живот у парня прихватило. А ты... говнолюб еще тот! Тебе же в радость возиться с дерьмом, а бедняге просто приспичило... Да, Колин?

– Да-а... – затрясся хлюпик и попятился.

Вот идиот! Ну? И на что он еще способен, чтобы прогнуться под звездное общество? Отдать свою комнату, прилюдно оголить тощую задницу... А потом что?

Сэлл только покосился в его сторону. Даже смотреть неинтересно! А вот этот урод... вот этот самовлюбленный придурок с бабьими патлами, что он вообще возомнил о себе?!

Не сводя испепеляющего взгляда с лохматого, Сэлл чуть отвел ногу в сторону и что есть силы пнул свою кроссовку. Удар получился такой силы, что кроссовка просвистела над головами трех мажориков, стукнулась о шкафчик и отрекошетила в кучку зевак.

– Черт! Долбаный Уэст! – заверещал прыщавый с кривым носом.

– Фу-у-у! – задергал руками рядом стоящий урод в футболке с эмблемой баскетбольного клуба.

Ну да, так и есть: клуб – дерьмо.

– Ты кретин, Уэст!

Трепаться только горазды!

Сжав кулаки, Сэлл кинулся было на лохматого – хотел навалить ему сполна, раз говна на его душу не досталось, но... Все пошло коту под хвост: в раздевалку неведомой силой вдруг занесло вездесущую миссис Пафф.

– Что здесь происходит? – взревела она. – Селестин Уэст!!! – успела-таки узреть, как тот замахивался.

– Селестин Уэст – дристомет! – выкрикнул один из тех, кто хлебнул за лохматого.

– Что? – выпучила глаза толстозадая надзирательница и одним захватом подцепила зачинщика драки под локоть.

– Посмотрите, он испачкал нас дерьмом!

– Что-о?! – отшатнулась миссис Пафф и приспустила очки на кончик носа. – Как это?

Брезгливая курица!

– Дерьмом! Вот, посмотрите! – продолжал визжать как потерпевший тот, с кривым носом, демонстрируя улики.

– Как?

– Обделался слегонца, – заржал лохматый, зная, что теперь его уже не тронут.

Сэлл замахнулся, чтобы этот урод сам наконец обделался, да только громила миссис Пафф успела вцепиться в предплечье и повиснуть на его руке...

Так хотелось задвинуть и ей тоже!

– Селестин Уэст! За мной! Живо! Драки нам еще не хватало! А ваши дурацкие шуточки... Будьте уверены, для вас мы придумаем особое наказание! За систематическое нарушение порядка! И устава школы! – оглушительно чеканила она, таща Сэлла по коридору.

Глава 29

Шейла

Она выглянула в окно. Стояли, возможно, последние теплые деньки. Большинство студентов разбрелись по территории школы. На стадионе развернулись какие-то игры и соревнования, привлекая группки фанатов и любителей. Среди них были и учителя. В здании наверняка людей осталось не так много. Самое время прогуляться до комнаты отдыха. Вдруг интуиция подсказывает правильно и Брэд там оставил след?

Шейла прошла через весь учительский корпус и не встретила ни души. Для чего-то забрела на этаж девочек. Кто-то рыдал за закрытой дверью. Хотелось постучаться, возможно, утешить, дать совет, но Шейла решила не вмешиваться. Как это будет выглядеть со стороны? Точно ничего хорошего.

Спустилась в обитель мальчиков. Где-то гремела какофония импровизированных ударных инструментов. Отворив дверь в комнату отдыха, Шейла заглянула внутрь. Мистер Клеменс – учитель английского языка и литературы – медитировал перед своим айпадом в глубоком кресле у окна, коротал часы дежурства, как мог. Мельком взглянул на Шейлу и снова устался в экран.

Она подошла к книжному шкафу и приоткрыла створку. Сделала вид, что чем-то заинтересовалась на полке. Сердце колотилось, словно девушка пробежала стометровку. Шейла никак не рассчитывала, что в комнате отдыха будет кто-то еще.

Выбрала книгу наугад, какой-то сборник современной поэзии, и медленно прошла к другому креслу. Открыла на первой попавшейся странице. Пробежала глазами строфу и вздрогнула:

*Детка, давай поиграем. В прятки.
Ты закроешь глаза и исчезнешь как будто.*

*Я примусь искать тебя для порядка
И найду, конечно, но уже под утро.*

Символично, как ни крути. Но читать дальше было немного страшно. Вдруг прятки закончились кокаиновой комой или чем-то еще менее радужным?

– Что это у вас? – Клеменс едва оторвался от экрана. – Интересуетесь современной поэзией? Для вашего возраста это не типично.

– А что типично для моего возраста?

Клеменс вместо ответа помахал айпадом и опять уткнулся в него. Шейла вздохнула. Кажется, сегодня тоже не получится хорошо обследовать комнату, в которой буквально несколько месяцев назад жил Брэд. Когда же еще выпадет случай? Вполне может оказаться, что скоро зарядят дожди, и здесь постоянно будет толпиться народ.

Но тут с улицы послышались громкие крики, привлёкшие внимание мужчины. Он лениво выглянул в окно.

– Когда угомонятся, придурки? – проворчал недовольно. – Каждый год одно и то же. Один павиан трясет крашенными золотом яйцами перед другим.

Шейла тоже подошла к окну. Все та же компания. И в их числе Уэст. Хотя... Кажется, он как раз не в их числе. А один против всех.

– Выбирают себе объект и начинают прессовать, – проявил прозорливость Клеменс, потом оглянулся на коллегу. – Вы небось в других кругах вращались. А я как раз в таких.

– И как?

– Если этот парень не передавит им яйца, раздавят его, – цинично хмыкнул мужчина.

– Может, заступиться?

Собеседник только покачал головой и снова уселся в кресло. Но айпад просто держал в руках.

– И как вы себе это представляете? Заступиться за парня, выставив его слюняем? Только хуже сделаем. Они же как звери, сплошной естественный отбор.

Шейле хотелось спросить про Брэда, только она не знала как. Может, на брата давили? Унижали его тут? И он не выдержал? Хотя... Притянуто за уши. Тогда сбежал бы раньше!

– Вы давно здесь?

– Шестой год.

– И как? Нравится? – Она спрашивала просто из вежливости, потому что надо было о чем-то говорить, если уж начала.

– Честно? Нет.

– Почему?

– Потому что здесь в основном богатые ублюдки, которым нет дела ни до тебя, ни до твоих уроков, ни вообще до всего этого мира. Возможно, вы еще этого не поняли. – Клеменс вскочил. – А я... – Он похлопал себя по карманам. – А мне, пожалуй, надо перекурить. Не желаете?

– Я не курю.

– Тогда я пошел.

Станный тип. Не его ли смех она периодически слышит в саду? Ничего-то ему не нравится, но работает тут шестой год.

Шейла постучала томиком поэзии по руке. Теперь не надо делать вид, что она пришла сюда ради чтения. Можно поискать следы пребывания Брэда. Только какие именно? Это как в старых сказках – ищешь «то, не знаю что».

Дома Брэд особой аккуратностью не страдал. Думается, тут тоже. Как старшей сестре, ей довольно часто приходилось искать его вещи в кучах хлама, словно Гераклу в авгиевых конюшнях. Зато Шейла знала все места, где Брэд мог что-то припрятать: например, под ящиками стола на скотч, за батареей от часов, в полый шахматной фигуре... Но ничего из этого здесь не подходило. У брата не было поводов прятать какие-то записочки, сигареты или что-то еще.

Шейла раздраженно остановилась возле книжного шкафа, вспоминая, откуда взяла книгу. Взгляд метнулся по полкам, зацепился за что-то смутно знакомое. А, вот она, зияющая дыра. Вставила томик равнодушно. Закрыла дверцы. Отошла на несколько шагов, а потом вдруг вернулась.

Еще раз отворила створки: точно, корешок одной из книг был знакомым. Девушка потянулась к нему, достала, уже чувствуя, как в груди зарождается настоящая буря... Скетчбук... В кожаной обложке. Очень похожий на какую-нибудь классическую книгу. Она сама покупала его Брэду на Рождество, заворачивала в вощеную бумагу и прицепляла декоративный бант.

После каникул брат забрал скетчбук с собой, пообещав, что самым первым в нем будет портрет Шейлы.

Миловидное лицо с огромными глазами, полные губы с легкой трещинкой на нижней, светлые волосы...

Шейла невольно провела пальцем за ухом, убирая прядь, которой уже нет. Все давно сострижено так коротко, как только возможно.

Полистала страницы. Они были полны зарисовками. Лица, позы, какие-то мимолетные мысли, облеченные в образы. Порой небрежные. Иногда очень подробные и узнаваемые. В ряде случаев – карикатурные, но узнаваемые. Например, Пафф с пяточком вместо носа... Или Клеменс – с крохотными айпадами вместо глаз... Или мисс Норрис – с двумя лицами...

– Брэд, – шепнула тихо и поднесла находку к губам.

Скетчбук ничего не доказывал. Возможно, Брэд его просто забыл, собираясь впопыхах, если верить в версию Пафф и Саммер. Или оставил за ненадобностью.

Шейла еще раз открыла на первой странице. Посмотрела на свой портрет. Вот какой она была в глазах брата...

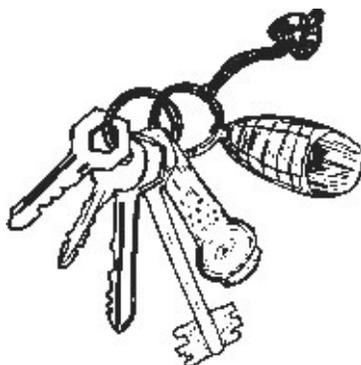
А потом, закрывая, нащупала что-то твердое в кармашке для карандашей. Вытряхнула: права и кредитная карта – все на имя Брэда. Разве он оставил бы их здесь, пустившись в бега? Вряд ли. Тем более как раз их отсутствие выдали за доказательство побега. А они все это время спокойно пролежали в скетчбуке, затерявшемся среди книг.

Черт! Где же он? Где брат?!

Глава 30

Сэлл

Особенное наказание оказалось особенным лишь на уровне примитивной фантазии гренадерши Пафф. Как вариант, возможно, Сэлл просто не удостоился чести обладать эксклюзивными правами на реально *особенное* наказание. Мало того что его наградили исправительными работами в саду – миссис Пафф не только примитивно фантазировала, но и мыслила так же плоско, – так еще и второму «нарушителю порядка» достался точно такой же изощренный вариант казни. А отматывать срок вдвоем – вообще само по себе сомнительное наказание.

Напарницей Сэлла оказалась Амелия.

Когда он увидел ее в воинственной позе – одна нога выставлена вперед, руки величественно сложены у груди, подбородок гордо вздернут, – у него даже злость на всех этих недоделанных клоунов пропала. Амелия довольно комично смотрелась в огромных резиновых сапогах, невзрачном фартуке защитного цвета и безразмерных садовых перчатках, заканчивающихся где-то у локтей.

Одного взгляда хватило, чтобы...

– Крутая, – хохотнул Сэлл и оттопырил оба больших пальца.

Амелия сначала надула щеки, а потом хмыкнула и внезапно для самой себя рассмеялась:

– Ты тоже красавчик!

Наверное, и Сэлл в подобном прикиде выглядел нелепо. И хотя ему по большому счету было все равно, он попытался взглянуть на себя со стороны. А как только представил видок, расхохотался во всю глотку.

– Кажется, мы отлично сгодимся на роли мистера и миссис Смит, –

толкнула его в плечо Амелия.

– Завалив в костюмах садовников одного толстозадого мамонта, обеспечим себе алиби?

– Ха-ха, и это тоже!

– Вы сюда болтать пришли? – Из-за кустов показалось знакомое лицо афроамериканца. – Если так, то лучше сразу проваливайтесь! Не мешайтесь у меня под ногами – сегодня дел по горло. Обещали помощников, но я вижу...

– Мы готовы помогать, – быстро отреагировал Сэлл, а потом опомнился, что отчего-то ответил сразу за обоих, и обернулся на Амелию. Та пожала плечами и закатила глаза. – Готовы! – подтвердил Сэлл и с бравадой потянул напарницу за рукав.

– Вот там тачка, – указал на кусты садовник. – У забора компостная яма с гумусом...

– С чем? – не сдержалась Амелия и попыталась высвободить свою руку, но Сэлл только сжал ее крепче. Нет, не с силой. А внушая уверенность, что все это – обычное дело.

– С гумусом, – равнодушно повторил афроамериканец. – Это не бесполезный какао-порошок, дочка. И не шоколадная стружка для вишневого пирога. Это перегной. И он должен быть сегодня под кустами роз. Но сначала его надо перетаскать сюда и развести с водой в той канистре.

– Фу-ты, гадость какая, – поморщилась девушка.

– Мы не должны завалить дело, – подмигнул Сэлл и добавил серьезно: – Миссис Смит.

И сразу же направился к хозяйственным постройкам за садовой тачкой.

Тачка оказалась легкой и удобной, прекрасно маневрировала по тропкам сада. Садовник вручил помощникам вилы и лопату. Амелия долго смотрела на ведро, не решаясь подступить к нему – сбоку оно было испачкано чем-то зеленым, – но в конечном итоге все-таки неохотно взялась за его изогнутую пластиковую ручку и поплелась следом за Сэллом до компостной ямы.

По дороге девушка часто отвлекалась: рассеянно посматривала по сторонам, принималась чесать руки, шею, спину, дергала ногой, как будто внутри сапога ей что-то мешало, бухтела себе под нос, иногда даже тихонько материлась... Сэлл то и дело поглядывал на Амелию, понимая, в чем, собственно, дело, и заставлял ее работать, выкладываясь по-настоящему, вовсе не собиравшись. Что он, и сам не справится? И вообще...

не женское это занятие. Пусть просто чувствует себя причастной, а когда все будет сделано – победителем! А вот подуматься... Это было бы прикольно! Но не сажать же принцессу на железного коня деревенской породы? Вряд ли бы Амелия согласилась почувствовать себя гумусом.

Он остановился. Амелия не заметила помехи на дороге и, все еще засматриваясь по сторонам, врезалась в его спину.

– Устала? – спросил Сэлл.

Девушка только ухмыльнулась.

– Может... – рискнул предложить он и указал на тачку.

– Что? Я? – фыркнула Амелия. – Туда? Ни за что! – замахала руками. – Ты вообще понял, что предложил? Лучше сто тысяч раз...

И Сэлла прям перемкнуло – так смешно она куксилась и сопротивлялась.

– Нет! Нет! Сэлл, ты совсем рехнулся? Точно чокнутый! Ты идиот, Сэлл! Ты торкнувшийся на всю катушку... А-ха-ха-ха!

Да, похищение принцессы бедным садовником было бы смешной до слез комедией – увидел бы кто это со стороны! Особенно когда девушка стала брыкаться и лупить кулаками похитителя в грудь, сопровождая все сначала ругательствами, а когда оказалась практически вверх тормашками – громким хохотом.

Чудеса на виражах в конечном итоге пришлось обоим по вкусу. Изрезав весь периметр сада и добравшись до места назначения, и Сэлл и Амелия рухнули на траву возле забора.

– Я сейчас икать от смеха начну-у, – привалившись к плечу Сэлла, стонала Амелия. – У меня теперь задница болит. Ты, чертов гонщик!

– Если бы ты так не дергалась и не визжала, мы бы не собрали столько кочек...

– Так это я во всем виновата? – в шутку злилась Амелия.

– Конечно! Мне же интересно было, на что еще ты способна.

– Ах ты, дьявол! – И, стукнув вскользь по макушке Сэлла, девушка резво вскочила на ноги. А потом рассмеялась: – Теперь давай, попробуй справиться со мной, коварный мистер Смит! – и схватила вилы.

– Да ты опасная женщина! – поднялся с земли и Сэлл и, оглянувшись по сторонам в поисках чего-нибудь подходящего, остановился на ящике с гумусом.

– Нет! Нет, Уэст! Ты этого не сделаешь! – все еще смеясь, попятилась Амелия при виде перепачканных перчаток парня – тот, не раздумывая, запустил пятерню в ящик.

– Ты в этом уверена? – повел бровью Сэлл, продолжая наступление на

выставленные вперед вилы. – Я же конюх! А еще и дурак на всю голову!

– Ну, давай! – снова расхрабрилась девушка. – Я буду защищаться! – и стала весело размахивать вилами. – Давай, метни свою гранату, и ты увидишь, что я тоже без башни!

– Ох, видно, зря я с тобой связался, – захохотал парень.

– Струсил, да? Ты струсил, мистер Смит! Признавайся!

Сэлл снял и откинул перчатки в сторону:

– Я покорился женщине!

– Женщине с вилами! – поправила его Амелия и вдруг обернулась.

Сэлл даже не заметил, как рядом с ними нарисовался еще кто-то. Стайка скалилась и проявляла навязчивое внимание.

– Дристомет и здесь нашел свое, – противным голосом прокомментировал лохматый, оценивая окружающую обстановку. – А я и думаю, откуда это говнецом пованивает.

Веселье как рукой сняло.

– Гляди, как бы сам не замарался, – процедил Сэлл сквозь зубы.

– Опять дерьмо метать будешь? – хмыкнул этот придурок.

В куче-то совсем не страшно рот разевать. Шакалы обязательно прислужат на подхвате.

– Че ты там вякаешь? – вдруг спохватилась Амелия и направила вилы на самого говорливого. Она стояла в паре шагов от него.

Не приведи черт, эти идиоты еще и на девушку обрушатся! Внутри все дрогнуло, и зубы невольно стиснулись. Сэлл резко подался вперед и, отодвинув Амелию в сторону, выхватил инструмент из ее рук. Замахиваясь вилами, как одичавший бабуин, парень не собирался и потому с размаха воткнул их в рыхлую землю.

Кое-кто из этой безмозглой шайки пригнул голову.

– Что здесь происходит? – Совсем близко выросла фигура садовника. Он не смотрел на Сэлла – буравил взглядом стайку придурков.

– Проваливай, папаша, – вякнул кто-то из шайки-лейки. Но получилось не больно громко.

Поэтому его во всеуслышание продублировал лохматый:

– Не твоего ума дело. Тебя наняли молчать и работать. Вот и давай... Вонять здесь не обязательно! – противно хохотнул он и обернулся, чтобы получить одобрение от своих туповатых приятелей.

Сколько они еще будут скалиться и мусолить эту бредовую тему?

– Вонять сейчас будешь здесь ты! – на одном выдохе выпалил Сэлл и схватил языкастого за грудки.

Эта рожа, самая ненавистная, действовала на него как красная тряпка

на быка – хотелось поддеть, насадить на рога, пропороть ему брюхо и растоптать, превратив в кучку никому не нужных лохмотьев. Лохмотья, лохматый, лох – однокоренные слова вязались друг с другом как нельзя кстати. Не просто вязались, а завязывались в крепкий узел. И дебильная его физиономия от этого становилась совсем ненормальной. Глаза выкатывались из орбит, щеки раздувались, как жабы, лоб покрывался испариной, нос напрашивался на кулак...

Казалось, Сэлл соображал целую вечность, прежде чем садануть лохматого в дыню.

Удар вышел такой силы, что что-то хрустнуло звонко и отчетливо – то ли череп незадачливого шутника раскололся, то ли фаланги пальцев Сэлла на фиг переломались, – а потом сотни чьих-то когтистых лап вцепились в плечи, в грудь, в спину, волосы, уши. Подкосились ноги. Земля и небо поменялись местами. Привкус крови. И земли. И прелых листьев. Надрывный голос Амелии прорвался сквозь свист ветра в ушах, отчего захотелось закрыть ладонями лицо, спрятать голову. Но руки инстинктивно опускались туда, где ныло и свербело больше всего.

Сэлла били в живот, в ребра, по почкам...

Глава 31

Амелия

Ну вот и зачем Сэлл отобрал у нее вилы? Да еще воткнул в землю с такой силой, что Амелии не сразу удалось их вытащить. Она бы уже всадила их в задницу какого-нибудь ублюдка!

Набросились. Всей толпой на одного. Сэлл словно под воду ушел – и не разглядишь в копошащейся толпе. А вилы наконец-то поддались. Амелия вскинула их наперевес, но тут воздух над головой дрогнул от трубного рева и словно ударной волной расшвырял дерущихся в разные стороны. По крайней мере, впечатление у Амелии сложилось именно такое – будто рядом взорвалась ядерная бомба.

– Что! Тут! Происходит! – Миссис Пафф стояла, уперев руки в бока, и голосила во всю мощь легких.

Ее появление, как всегда, оказалось очень эффектным. Даже оглушенное время остановилось, превратив происходящее в застывший снимок. На мгновение. А потом опять все задвигалось. Нападавшие бросились врассыпную, только Сэлл остался. Он сидел на земле, согнувшись, прикрывая рукой голову.

– Уэст, – легко определила миссис Пафф. – Кто бы сомневался? Где вы, там обязательно беспорядок. Не пора ли уже угомониться?

Сэлл промолчал, только сплюнул на истерзанную, смешанную с землей траву. И у Амелии как-то не сразу получилось высказать все начистоту. Задохнулась от негодования, и слова вылетели из головы. А когда вспомнились, было уже поздно. Амелия успела поймать мрачный, чересчур красноречивый взгляд Сэлла, в котором без труда прочитала: «Бесполезно. Забей», но не сдержалась до конца – швырнула вилы прямо под ноги миссис Пафф.

Та снисходительно фыркнула и чуть-чуть отступила.

– Можете больше не работать сегодня. Все равно никакого толку, – небрежно махнула рукой, а потом и вовсе безразлично отвернулась. Потопала дальше, сотрясая землю.

С одной стороны, хорошо, что она так вовремя появилась. А с другой...

Слониха толстозадая! Даже разобраться не попыталась, моментально назначила крайнего. Не преподы, а сплошные уроды.

Амелия хотела оглянуться на Сэлла, узнать, как он, но краем глаза заметила какое-то шебуршание в кустах. Подскочила:

– Ну кто еще там? А ну, вылез! Быстро!

Ветки раздвинулись, показалась раскрасневшаяся физиономия Саммер.

– А ты что здесь делаешь? – прищурилась Амелия.

– Я... я... – заблеяла чучело.

Амелия сделала шаг ей навстречу. Надо думать, лицо у нее при этом было не слишком приветливым. Саммер испуганно сглотнула и выдохнула:

– Я же вам помогла! Увидела драку и сказала миссис Пафф. И она...

Чучело отвела взгляд, уставилась на что-то за спиной Амелии, приоткрыв рот и округлив глаза. А потом бросилась вперед, едва не сбив Амелию с ног:

– Сэлл! Ты в порядке? У тебя кровь!

Еще и платочек успела вытянуть из кармашка форменного пиджака. Так и неслась, размахивая перед собой белой тряпочкой.

Сэлл отступил в сторону, произнес холодно:

– Не лезь.

Саммер послушно замерла. Но не удержалась и повторила с ужасом в голосе:

– У тебя кровь.

На этот раз Сэлл ее просто проигнорировал – развернулся, зашагал прочь.

Если честно, Амелии тоже хотелось его догнать, спросить вот это самое: «Ты как?» Но повторять за дурой Саммер...

Ну на фиг.

Хотя все равно пришлось двинуться следом за Сэллом, чтобы сдать садовнику рабочее обмундирование. Не тащиться же в общежитие в идиотских сапогах и фартуке.

Пока Амелия передевалась, Сэлл взял садовый шланг, включил воду. Умывался одной рукой. Амелия приблизилась, предложила не слишком

решительно:

– Давай поддержи.

Почему-то думала, что парень откажет и на нее рявкнет: «Не лезь!», но Сэлл кивнул.

Амелия увидела ссадину в уголке его рта, и опять захотелось спросить: «Ты как? Очень больно?» Но она промолчала.

Понятно же, что больно, однако Сэлл не признается. Парни в подобном не признаются. Не должны, по крайней мере. И зачем лишний раз лезть? Такое всегда хочется побыстрее забыть, вычеркнуть из жизни. Как, например, скандалы с папочкой. Хотя он-то до Амелии и пальцем никогда не дотронется, но даже в словах – унизительно. И тут тоже так.

Какую фразу ни придумаешь – не подходит. А бездумно ляпать не хочется. Вдруг Сэлл обидится?

Почему-то раньше это не было проблемой. А сейчас Амелия первый раз боялась обидеть. Не насмешками, не подколками, не гадостями, а самыми обычными не к месту произнесенными словами.

Когда Сэлл отодвинулся, отряхивая руки, Амелия все-таки спросила, но совсем о другом:

– А ты поддержишь? Я тоже умоюсь.

– Давай. – Сэлл легко перехватил шланг.

Амелия подставила ладони под струю, плеснула холодной водой в разгоряченное лицо.

Из подсобики показался садовник с полотенцем в руках, протянул Амелии:

– Вот, вытрись.

Она замялась на мгновение. Брезговала. Сначала подумалось, что ей предлагают какую-нибудь старую грязную тряпку. Но полотенце оказалось идеально чистым.

Амелия стерла воду с лица, передала полотенце Сэллу.

– Пить хочешь? – поинтересовался садовник. – Лимонад не предложу, а вот просто воду...

– Ага.

Она уселась прямо на траву возле стены. Идти в корпус совсем не хотелось. Вот совсем. А здесь было тихо, солнечно и, несмотря ни на что, удивительно спокойно. Сэлл тоже устроился поблизости, запрокинул голову, уставился в небо.

Садовник принес бутылку с водой, Амелия подняла на него взгляд:

– А в прошлом учебном году вы тоже тут работали?

Нормальный такой дядька, как ей показалось. Один из немногих!

Редкость среди прочего персонала. В его компании Амелия чувствовала себя легко и непринужденно. Поэтому и спросила без всякой задней мысли.

– И в прошлом, и в позапрошлом, – закивал садовник. – Я тут давно, поэтому годы уже и не считаю.

– А это правда, что отсюда студент сбежал?

Мужчина задумчиво сдвинул брови, будто решал, продолжать разговор или нет. Амелия даже оживилась: а вдруг садовник что-то такое знает, вдруг именно он помог Брэду смыться? И ей тоже поможет.

– Да вроде бы, – наконец заговорил садовник. – Слышал такое. Но меня подобные дела не касаются. Я всего лишь наемный рабочий.

– Так вы его даже не знаете? – разочарованно выдохнула Амелия.

– Ну почему? – возразил мужчина. – Знаю. Немного. Он частенько, когда позволяла погода, сидел в саду и рисовал. Подальше от остальных. По большей части в одиночку. Правда, иногда вертелась поблизости вот та девочка... которая с брекетами. А последний раз я видел его с мисс Норрис. Они ушли куда-то вдвоем.

Амелия опять оживилась:

– И что? В тот самый день он и пропал?

– Не помню, дочка. – Садовник развел руками. – В тот день, не в тот...

– Так, может, директриса сама его отпустила? – предположила Амелия. – С территории же разрешено уходить в сопровождении преподав.

– Вряд ли бы мисс Норрис поступила подобным образом. – Садовник качнул головой. – Ее отец был одним из соучредителей этого заведения и долгое время тоже работал директором. Вот эта мисс Норрис и продолжила семейное дело. Уверен, она бы никогда не нарушила правила школы, не сделала ничего противозаконного.

Ну прямо чудеса: был парень и вдруг пропал. И никто даже не представляет, каким образом.

– Ну а вы что думаете? – не отступила Амелия. – Вы ведь здесь, наверное, каждый уголок знаете. Отсюда вообще можно сбежать? И как?

Садовник пожал плечами, усмехнулся:

– Вот уж понятия не имею. Меня моя работа устраивает. Не пытался и вам не советую!

Тут опять кусты зашевелились, и из них вылезла железнозубая Саммер.

– Ой, а вы еще здесь? – состроила наивное личико, а сама ведь наверняка все это время если не в зарослях пряталась, то наматывала круги поблизости, искала повод в очередной раз подкатить к предмету своих воздыханий.

Садовник сразу сделался серьезным, вспомнил про работу, направился в сторону оранжереи. И Сэлл ничего не сказал, только глянул на поклонницу, Амелия толком не разобрала, с каким выражением. А та топталась на месте, хлопала ресничками, посверкивала металлом в нерешительных улыбках.

– Сэлл, – завела снова, – может, тебе к доктору обратиться? Я могу показать, где он сейчас.

– Не надо, – коротко бросил Уэст.

– Ну почему? – Чучело сделала бровки домиком, шагнула поближе и...

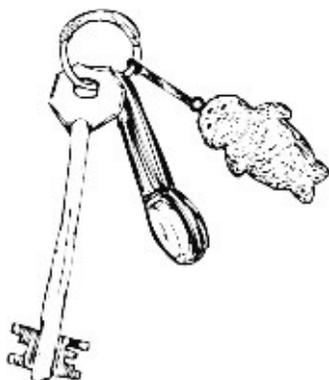
Тоже плюхнулась на траву. Да не куда-нибудь, а между Амелией и Сэллом. И понятно, в чью сторону сразу развернулась, опять что-то трогательно запричитала. Амелия даже вслушиваться не стала, – она здесь явно лишняя! – поднялась, сообщила:

– Ну я пойду. – И не удержалась, добавила: – Не буду вам мешать.

Глава 32

Элейн

Впервые за долгое время села за руль. Боялась, что разучилась. Но это, видимо, как плавать – если умеешь, то просто умеешь. Хотя для Ло вождение – пытка. Она боится скорости, боится дороги. Готова свернуть к обочине в любой момент, заглушить мотор и пройти пешком несколько миль.

У меня все иначе. Чем выше скорость, тем сильнее вырабатывается адреналин в крови. Ты обгоняешь другие автомобили, ты победитель.

Я забыла это. И вдруг вспомнила. Такое бывает.

Вставила ключ в зажигание, повернула, ощутила всем телом вибрацию автомобиля... И все.

Немного непривычно выезжать за пределы своего места обитания, ведь я уже довольно давно умудряюсь существовать в довольно ограниченном пространстве. Выехала по трассе, до первого супермаркета, и в итоге проехала дальше, чем хотела. Тот самый магазин, где я раньше покупала свежий базилик для песто, итальянские ravioli и превосходный грунт для комнатных растений, давно перестал существовать. На его месте построили заправку. Доброжелательная девушка указала мне дорогу в другой.

Мест на парковке, как это обычно бывает возле крупных магазинов, оказалось мало – пришлось выписывать круги и пристраиваться в довольно неудачном месте, далеко от входа.

Мне во что бы то ни стало требовалось поменять обои в комнате Патрика, но я не была готова к тому, что выбор окажется настолько тяжелым и займет много времени. В итоге оплатила несколько рулонов,

которые мне обещали доставить завтра, и новую мебель.

Едва дошла до парковки, как мне позвонила Ло.

– Ты что-то покупала? Или где-то посеяла карту?

– Ло, я не маленькая девочка.

– Отвечай.

– Да, покупала.

Что я покупала, рассказывать не хотелось. Наверняка сестра станет стенать и отчитывать меня, как будто я не имею никакого права тратить сбережения. Между прочим, это наши общие деньги, доставшиеся от родителей!

– Судя по суммам, это очень дорогие вещи.

– Извини, не могу говорить. Я в машине, – соврала на одном дыхании и нажала на отбой.

Правда, с Ло это не прокатило. Она принялась названивать мне снова и снова. Мне пришлось выключить телефон и бросить его на сиденье рядом.

Руки дрожали. Я попыталась успокоиться, но безуспешно. В голову некстати лезли воспоминания. Первый год после смерти Патрика мать ходила, словно сомнамбула. Ее ничего не интересовало. Она смотрела на нас пустыми глазами и, наверное, даже не воспринимала, кто перед ней. Отец не выдержал и отправил ее к психиатру или психотерапевту – не помню точно. Что тот с ней сделал – не ясно, но теперь мать вдруг переключила все свое внимание на нас с Ло. В четырнадцать лет тебе хочется свободы, самовыражения. А мы ходили с нашей маменькой чуть ли не за руку, ездили по выставкам, посещали театры и музеи. Если нас достаивал взглядом какой-нибудь мальчишка, родительница докладывала обо всем отцу и в его присутствии читала нам лекции о морали.

Впрочем, меня все устраивало. Шону в этот период дорога к нам была закрыта. Отец боялся, что при виде сестры, на руках которой скончался Патрик, мать опять накроет волна депрессии и отчаяния, и оборвал все контакты. Кузен невольно попал в число тех, кому было отказано от нашего дома. Тем более Шон стал совсем взрослым, наверное, развлекался где-то с кем-то. Я фантазировала, что он обрюхатил какую-нибудь девчонку, дочку самого влиятельного мафиози, а тот заставил гаденьша жениться, но перед этим велел его кастрировать! Мне нравилось представлять все детально, во всех подробностях. Я даже попросила мать купить мне анатомическую энциклопедию, выписала парочку журналов по медицине, и родители решили, что их дочь будет врачом.

Нет. Врачом я становиться не собиралась. Но завела тайную тетрадь, куда зарисовывала страдающего под разными пытками Шона. Попыталась

показать свое творчество Ло. Сестра не оценила, сморщила нос и посоветовала убрать тетрадь подальше.

В состоянии такой тщательной заботы о нас мать продержалась почти три года. Она исправно ездила к своему душеведу. Два, иногда три раза в неделю. А потом вдруг однажды вернулась взвинченной, с красными глазами, заперлась в своей комнате и не открывала никому, даже отцу, до вечера. Потом наконец вышла. И заявила, что больше на все эти сеансы – ни ногой! Когда отец стал спрашивать, она строго посмотрела на нас с Ло. Мы переглянулись. Будучи уже довольно взрослыми девушками, разумеется, поняли, что родители хотят переговорить с глазу на глаз. Сестра ушла к себе, а я только сделала вид, что ушла. Протопала по лестнице, а потом вернулась и встала за дверь.

Начало я прослушала. А то, что прозвучало после, просто не укладывалось в моей голове.

У моей матери почти все время была связь с этим так называемым доктором. Она откровенно признавалась отцу, что любовь обрушилась на нее, подобно смерчу, закрутила и подняла до небывалых высот. Делилась, как ей было здорово! Пока сегодня вдруг, придя на полчаса раньше, она не застучала своего любовника с другой пациенткой.

Отец молчал. Потом я услышала звяканье со стороны бара. Ужасно.

С того дня отец только и делал, что пил. А мать снова погрузилась в пучину депрессии. Как ни странно, она сама нашла номер своей сестры, матери Шона, долго с той разговаривала, даже всплакнула, хотя я не уверена, что именно по поводу разлуки с ней... или это были воспоминания о Патрике. Может быть, вообще просто так – накрытая своим безумием, как плащом.

А потом через несколько дней нас посетил Шон. Он несколько не изменился или не настолько, насколько следовало бы ожидать. Так же снисходительно цедил слова, так же притворялся добреньким, вежливым и воспитанным. Рассказал, что выучился на врача, сейчас проходит интернатуру. Отец слушал разинув рот, даже противно было смотреть, выглядел как идиот. Я только молилась про себя, чтобы он не заикнулся про мои поползновения в сторону медицины... И разумеется, он это сделал:

– Элейн тоже собирается выучиться на медика. Профиль пока не выбрала. Но старший брат ведь подскажет, – и все это с преувеличенно-восторженной интонацией.

Шон пристально глянул на меня. Мне показалось, что этим взглядом он препарировал меня, как лягушку, – вывернул наизнанку, вынул кишки и развесил сушить на веревочку. А потом усмехнулся:

– Конечно. Даже помогу подготовиться.

Только не это! До сих пор мне казалось, что я могу как-то справиться с ситуацией, повлиять на нее, достучаться до матери, открыть отцу глаза на этого ублюдка... Но Шон произнес всего несколько слов, и все.

Я увидела, что матери просто все равно. Что она смотрит в никуда и теперь не станет протестовать, если даже застучает меня и Ло на заднем дворе с тремя парнями, задирающими нам юбки. А тут... Племянник же... Сын сестры... Все невинно и благопристойно.

Как утопающая, ухватилась за руку сестры. Она смотрела на Шона, прищурившись и поджав губы. Уж на нее-то я могла надеяться.

– Если вы не против, мы с Ли проведем бабушку, – вдруг заявила она, и в ее тоне послышалась изрядная доля утверждения, а не вопроса. – Она давно нас зовет. А если Шон – почти врач, за маму можно не переживать.

Я воспряла!

Но как мы обе ошибались! Шону нельзя было доверить даже грелку! За две недели нашего отсутствия он подсадил мать на наркотики. Видимо, у него имелись связи, и он решил облагодетельствовать тетушку.

Мы вернулись, кузен поспешил уехать. А зависимость матери заиграла буйными красками! Ее теперь вообще ничего не волновало, кроме того чтобы достать волшебную пилюлю. Можно и не одну. Страшное время! Гораздо страшнее было видеть мать то сонной и апатичной, то возбужденной и вмешивающейся буквально во все. Она трепала нервы. Каждому из нас.

Отец смотрел на нее налитыми кровью глазами и рыгал алкогольными парами, вместо того чтобы отправлять лечиться.

В один из невероятно душных дней, когда воздух буквально застыл и напоминал по своей консистенции приторную патоку, в нашем доме все оказалось перевернуто с ног на голову.

Мы с Ло ушли в библиотеку, но я вернулась немного раньше. Что задержало сестру, уже и не вспомню... В доме стояла тишина. Неправдоподобная. Пустая. Несколько минут я раздумывала, куда могли деться родители. А потом из комнаты матери донесся какой-то всхлип. Все понятно, опять истерика. Отец наверняка отправился пополнить запасы спиртного. Я поднялась на второй этаж. Сначала решила пройти к себе. Но что-то заставило меня повернуть к спальне матери.

Дверь была распахнута. Мать лежала на постели. Отец нависал над ней. Я не видела, что именно он делает. Но у матери подрагивали ноги, как-то слишком неестественно для любовных игр.

– Папа? Мама?

Отец повернулся ко мне, когда мать уже не двигалась. С красным лицом, залитым слезами, и подушкой в руках.

– Это все во благо, – пробормотал он. – Это все во благо...

Я попятилась к лестнице, кинулась по ней вниз. Скорее найти Ло! Вызвать полицию! «Скорую помощь»! Еще кого-нибудь...

А потом провал. Я не могу вспомнить до сих пор, что именно случилось в следующие полчаса, или час, или два. Вернулись ли мы домой с сестрой? Был ли кто-то с нами? Что мы делали, обнаружив не только тело матери на кровати в ее комнате, но и повесившегося на собственном галстуке отца? На том самом, который подарила ему мать на годовщину, тогда, когда Патрик еще не подавился арахисом...

Воспоминания вызвали тошноту и головокружение. Не хватало еще замарать сиденья полупереваренным ростбифом. Я нажала на газ и с визгом выехала со стоянки.

Сестра, вероятно, уже на пути к дому!

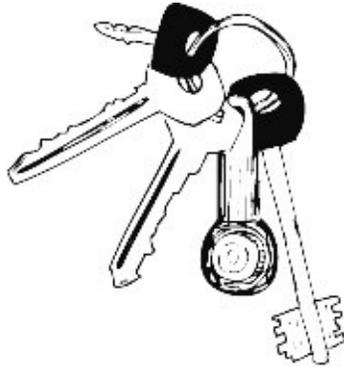
Я выжимала из автомобиля все что могла. Мне было плевать на знаки. И наслаждение от поездки сменили досада и раздражение.

Но, к счастью, Ло не пришла!

Глава 33

Шейла

После модуля Шейла задержала Саммер. Девчонка, ошарашенно оглядываясь, словно не веря в то, что обращаются именно к ней, подошла к учительскому столу и принялась разглядывать преподавателя исподлобья.

Шейла не стала ходить вокруг да около, прямо в лоб спросила про Брэда Гриффита, сославшись на то, что слышала пьяный треп о пропавшем молодом человеке.

– Был такой, – неуверенно пропищала Саммер.

По ее глазам хорошо считывались все, даже самые призрачные, мысли: что слышали, когда слышали, насколько поверили? Девушка и сама-то, наверное, помнила только половину того, что наговорила. А тут такой разговор, без обиняков.

– На курс старше. Он... Ну... – Саммер мялась и не знала, что сказать. – Мы занимались вместе в изобразительном классе.

– И почему он пропал? – Шейла принялась медленно разбирать завал на столе, уже понимая, что девушка знает ничуть не больше ее самой.

– Сбежал, говорят. – Голос той совсем упал до еле слышного шепота.

Она теребила в руках тетрадку – так, что из той в итоге посыпались листки. Один спланировал прямо к Шейле. Она мельком взглянула.

Набросок ручкой, в котором угадывался Селестин Уэст... В чем мать родила... Черт! Неожиданно.

Саммер, жутко покраснев, схватила листок, смяла его и спрятала руку за спину.

– Он хорошо рисовал.

– Кто? – прочистив горло, переспросила Шейла.

– Брэд, – пискнула собеседница.

Она мялась и не знала, куда себя деть. Надо же, так глупо влипнуть по самые уши. А Шейле стало вдруг смешно. Кажется, эта девица не может обуздать свои фантазии. Это ей когда-нибудь выйдет боком...

– Идите уже, – отпустила, едва сдерживая смех.

Саммер резко развернулась на ногах-ходулях и дочапала до дверей класса. Потом неловко зашвырнула скомканный рисунок в мусорку. Тот упал мимо. Девушка присела, подобрала. Искоса глянула на Шейлу. Выбросила теперь уже наверняка. И выскочила в коридор.

Шейла усмехнулась. Эта Саммер – влюбчивая прилипала. Скорее всего, все ее отношения происходят только в ее голове. Но вот вера в них просто поразительна для этого возраста. Сколько ей может быть? Лет семнадцать? А играет, как семилетка.

Есть мизерный шанс, что этой девушке на самом деле известно хоть что-то о том, куда пропал Брэд. Показать бы ей рисунки. Вдруг вспомнит, по какому поводу делались эти зарисовки. Особенно интересно, что скажет о двуликой директрисе.

Словно в ответ на размышления Шейлы, в приоткрытую дверь вновь скользнула Саммер. Бледная и серьезная.

– Я хотела бы объяснить, – пролепетала, словно бросаясь в пропасть безоглядно. – У нас ничего не было с Уэстом. Это просто на изобразительном модуле мы рисовали Аполлона. И я сама не знаю, как приставила голову Сэлла.

Ну да, конечно. Новая сказка. Потому что Аполлон какой-то subtilный для божества. И выглядит лет на семнадцать-восемнадцать. Правда, через несколько лет Уэст может превратиться во вполне симпатичного парня не без большого процента мужественности. А сейчас...

Кстати, как она его назвала? Сэлл? То-то парень взвивается, когда его называешь полным именем.

Погрузившись в свои мысли, Шейла, похоже, пропустила бóльшую часть разглагольствований Саммер. Впрочем, зная эту девицу, наверняка половина лишь ее фантазии.

– Да-да, – кивнула небрежно. – Я абсолютно ничего не думаю. Это ваше дело, кого рисовать и в каких ракурсах. Разумеется, если дело не касается преподавательского состава.

Саммер послушно закивала, глядя преданными глазами.

– Порой у студентов получают очень странные рисунки. – Шейла вытащила скетчбук Брэда и открыла на странице с директрисой. – Мисс

Норрис в виде двуликого Януса, например.

– Это же Гриффита, да? Откуда у вас? Я думала, он забрал с собой, – воодушевилась общей темой для разговора Саммер.

– Валялся в комнате отдыха.

– Можно, я возьму? – Девчонка уже даже протянула руку.

Но Шейла обожгла нахалку холодным взглядом:

– Предпочитаю потерянные вещи отдавать хозяину.

От разговора о директрисе Саммер или откровенно увильнула, или просто не знала, что сказать. Скорее всего – второе. Шейла с сожалением отметила про себя бесполезность разговора.

– Про директрису наш садовник лучше знает, – вдруг неожиданно выдала Саммер. – Говорят, он здесь уже не первый десяток лет работает. Правда, откровенничает только с теми, кто с ним в навозе роется.

Показалось? Или в словах девчонки послышалась какая-то обида? На кого, интересно?

– В таком случае мне его откровения не светят, – пожала плечами Шейла. – Пока меня к работе с землей не тянет.

– А вы спросите у Сэлла или Амелии Грин. Они же ходят на ваши модули. И к садовнику заглядывают. Может, он им что-то рассказал? – произнесла язвительно Саммер. И, видно, посчитав, что слишком много всего ляпнула, выскочила из класса.

Ого. Девчонка, кажется, ревнует?

Шейла похлопала скетчбуком брата по руке.

Уэст и Грин.

Интуиция молчала.

В дверной косяк кто-то тихонько постучал. Шейла повернула голову. Клеменс? И без своего айпада, как ни странно.

В глазах коллеги застыла легкая усмешка и вопрос одновременно. Он будто проходил какой-то увлекательный квест, но наяву.

– Я могу дать совет?

– Мне? – удивилась девушка.

– Ну не от меня же выскакивают ученицы, красные и явно взвинченные. Осторожнее с этой публикой.

– Хорошо, приму к сведению, – вежливо улыбнулась Шейла.

Думала, Клеменс уйдет. Но он все стоял, беззастенчиво разглядывая.

Чего ему надо? Второй Уэст?

– Кстати, меня зовут Марк.

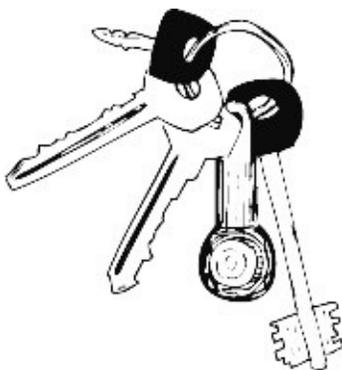
Вот совершенно некстати! Девушка вскинула подбородок, перестав улыбаться, и приняла самый холодный вид, который был ей по силам.

Клеменс хмыкнул и ушел.
Надо присмотреться к нему. С кем именно он там шепчется в саду.
И Брэд... Шейла похолодела от пришедшей на ум мысли... Нет, быть
этого не может!

Глава 34

Сэлл

Уж кто-кто, а Амелия явно не смахивала на лишнюю в их компании. Находиться с ней рядом было спокойно и комфортно даже в полнейшем молчании. Это как с друзьями детства – можно ничего не говорить, тебя все равно поймут и поддержат. На то они и друзья, свои в доску! А вот Зубатка... Зубатка сама как доска. С сучками и щепками, которые впиваются под кожу, оставляя сотни заноз. Лучше не соприкасаться. Избегать любого контакта.

Поэтому терпеть ее навязчивую заботу Сэлл не стал. Ругнулся тихонько себе под нос – та, конечно, сделала вид, что не расслышала, или просто не приняла на свой счет, – вскочил на ноги и поторопился убраться как можно дальше от этого места. Точнее... от этой прилипалы. Но Саммер все равно не растерялась – вприпрыжку поскакала за ним. Может, и в его комнату зашла бы без зазрения совести и продолжила свою сочувственную песенку про бедного-несчастливого и вселенскую несправедливость. Но Сэлл заперся, и все внешние звуки спустя пару минут растворились в шуме воды, когда он встал под прохладные струи душа.

Трепло! Ведь это она, точно она притащила шакалят в сад. И теперь – поскулила под дверью, размазала сопли и слезы и наверняка придумала еще что-нибудь в том же духе. Надо же как-то привлекать внимание! Если ни на что умное не способна, хотя бы типичными детскими выкидонами. Но Сэлл в няньки не нанимался. Ему просто смотреть на Саммер было тошно!

На следующий день Сэлл почувствовал себя значительно лучше. Даже сходил на три модуля и на теннисный корт. Зубатка уже выскочила из его

головы, да и вообще, не думать об этой недотепе получалось само собой – она не стоила ни секунды пусть и бестолково проведенного, но времени. Парня занимали другие мысли.

Стоило только прислушаться к себе – а Сэлл последнее время осознанно запрещал своей голове и сердцу делать это, – как перед глазами возникал образ Гейла Мелларка. Нет, точнее... все совсем не так. Именно образ Гейла Мелларка бесил и выворачивал наизнанку. При виде этой чертовой ненатуральной оболочки к глотке подступал мерзкий комок слизи. А вот то, что скрывалось под маской – то тихое, пугливое, женственное, настоящее, – будоражило кровь и не давало покоя.

Зачем? Для чего? Почему все так? Тысяча вопросов атаковали мозг Сэлла.

Он вскочил с кровати и, подстегнутый импульсом, рванул в коридор с твердым намерением поговорить с Мелларком начистоту.

В мужском крыле было довольно шумно. Похоже, кто-то затеял вечеринку без ведома миссис Пафф. Девичий хохот, недвусмысленные улюлюканья, бой по струнам гитары, громкая рычащая музыка из динамика чьего-то айфона – праздничный салат студенческой жизни.

Сэлл, перепрыгивая через три ступени, преодолел лестничный пролет и уже шел по переходу во второй корпус, на ходу размышляя, какой предлог ему найти, если вдруг появится бдящее око – миссис Пафф. Как вдруг впереди, за стеклянными дверьми, ведущими в переход со стороны учительского корпуса, мелькнула тонкая фигура. Парень замер на мгновение, сердце оглушительно заклокотало где-то под ребрами. Мелларк! Преподаватель собирался войти в переход, но, заметив Уэста, резко развернулся и нырнул за угол.

Сэлл припустил со всех ног. Рванул двери, влетел в корпус, вход в который студентам был строго-настрого запрещен. Метнулся влево, куда свернул Мелларк, – коридор делился на три обособленных бокса, а еще в тупике виднелась лестница на верхние этажи. Вот черт! И куда ему теперь? Не хватало нарваться на других преподавателей. И стоило так подумать, как из двери посередине выглянула француженка.

– Селестин Уэст? – делано прищурилась, будто сомневалась в собственном зрении. – И что...

– Вам-то какое дело? – не дав договорить, хмыкнул Сэлл и, решив, что уже вряд ли что-то теряет, легонько отодвинул Шейлу Дженкинс в сторону. – Привет миссис Пафф! – выкрикнул уже с лестницы.

Исследовать первый этаж в такой компании все равно бы не удалось.

Нырнув в распахнутые двери холла на втором этаже, Сэлл на миг

растерялся: на диванчике перед плазмой сидели сразу несколько преподавателей. Один из них, мистер Клеменс – зануда-литератор с вечной ухмылкой вместо улыбки, – сидел рядом с Мелларком, слишком близко... как показалось Сэлу... демонстрировал какие-то бумажки, может, конспекты или документы... Кто еще находился в холле – парень не обратил внимания. Остальные Сэлла попросту не интересовали.

Его как током прострелило. Этот жучара Клеменс тоже, кажется, обо всем догадывался. Иначе бы так не тарасился на Мелларка, пожирая взглядом. Не-ет, коллега на коллегу подобным образом не смотрит. Чертов проныра!

– Что вы здесь делаете, молодой человек? – Сэлла заметила тучная дама, но не такая необъятная, как Пафф, а более женственная, и вскочила с места.

Сэлл все еще смотрел на этих двоих, поэтому что-то невнятно промычал.

– Думаю, вас привело нечто весьма серьезное, иначе бы...

– Да, серьезное, – наконец-то опомнился Сэлл. – Мне надо срочно поговорить с мистером Мелларком!

Литератор Клеменс развернулся вполборота к двери и с любопытством впился взглядом в лицо парня. Мелларк, поняв, кто нанес визит в преподавательский корпус без позволения, заерзал и покосился на Уэста, избегая смотреть ему в глаза.

Голос Сэлла прозвучал твердо и даже повелительно, отчего Гейл Мелларк растерянно пробормотал себе под нос:

– Со мной?

– Да, с вами! – Сэлу не надо было напрягаться, чтобы расслышать, что сказал Мелларк. Всем своим нутром он улавливал настроение того, кто был ему интересен и небезразличен.

– Это касается завтрашнего модуля? Результатов лабораторной? Вашей успеваемости?

– Да, – кивнул парень.

– Селестин Уэст! – неожиданно собранно произнес Гейл Мелларк, не поднимаясь с дивана. Кашлянул нарочито громко и сердито. – Вам не кажется, что все ваши вопросы вполне могут подождать до утра?

– Нет, не кажется, – запротестовал Сэлл и сделал шаг вперед, поймав взглядом жест Клеменса, который дотронулся до руки своего собеседника и, противно улыбаясь, шепнул что-то коротко ему на ухо.

Вот тварь! А она... то есть... мистер Мелларк! Почему он даже не отодвинулся, не дернулся, не возмутился от такого наглого поведения?

Внутри что-то вспучилось, зашипело, запенилось, а потом взорвалось, извергая наружу все, что накопилось:

– Да что за дерьмо! – выпалил Сэлл. – Какого черта вообще...

– Молодой человек! – встала у него на пути тучная дама, которая все это время вертела головой, словно сова, наблюдая за участниками диалога. – Все вопросы по учебе будете решать в учебное время!

И тут же возник кто-то еще... за спиной. Сэлл не ожидал такой прыти от француженки.

– Вы в своем уме, Уэст? – Она не вошла, а влетела и сразу же вцепилась в предплечье парня. Затараторила в своей манере: – Да вас вообще изолировать от общества надо! И все эти ваши... словечки из конюшни.

Сэлл дернул рукой. Хотел слегка – просто освободиться от липкой ладони француженки, – а получилось слишком резко. Шейла Дженкинс пошатнулась и уставилась в упор на розоватый след, оставшийся на коже парня от ее наманикюренных ногтей.

– Да что вы себе позволяете! Или вы хотите, чтобы я нажала на тревожную кнопку? Вас быстро скрутят и отправят куда надо. Так что лучше убирайтесь!

Ну-ну!

А этот горе-донжуан – мистер Клеменс – даже не рыпнулся с места. Все с той же противной ухмылочкой смотрел на Сэлла, провожая его взглядом до двери.

Сейчас Сэлла под белы ручки эти две тетеньки доведут до ученического корпуса, а голубки останутся в холле вдвоем...

Глава 35

Амелия

Амелия рывком выдвинула ящик стола. Получилось слишком резко, и все содержимое сместилось: ручки и карандаши покатались, стопка бумаг разъехалась, открыв спрятанные под ней фотографии. Амелия уже успела забыть, что привезла их сюда.

Специально сделала несколько штук и забрала их с собой, дома оставлять не стала, чтобы случайно не попались на глаза тому, кому не надо. Хотя вроде папочка шмонов у нее не устраивал, но на сто процентов нельзя быть уверенной в подобном.

Может, и устроил бы. После ее отъезда. И в мобильник запросто мог в любой момент залезть. Потому Амелия и удалила из него снимки, предварительно распечатав на бумаге.

Кеннет на них был совсем другой, не такой, как на официальных фотографиях. Живой, настоящий, с нормальной улыбкой, а кое-где даже рассерженный, взъерошенный, насупленный, недовольный тем, что Амелия его снимает.

Он и правда особенный. Пусть намного старше – так даже лучше.

Воспоминания нахлынули, и сердце тревожно сжалось. В сознании возникали не столько образы, сколько ощущения: терпкий запах тела, приправленный нежной ноткой парфюма, сладкая боль в губах в момент особенно откровенных поцелуев, ласки уверенных рук, прикосновения, обжигающие кожу и распалюющие огонь внутри, томление, постепенно перерождающееся в неудержимое желание.

Амелия глубоко вздохнула.

И почему она раньше не подумала? Если все, о чем она только что вспомнила, действительно было, оно ведь не должно исчезнуть бесследно. Не только действия, но еще и слова. Признания в том, что Кеннет ее любит,

что готов ради нее на что угодно.

Номер конечно же хранился в памяти телефона. Только имя там стояло другое. Опять же чтобы папочка не обратил внимания.

Амелия ткнула в значок вызова, приложила мобильник к уху.

Гудки ползли медленно и апатично, так и хотелось их подогнать. Но вот один разорвался ровно посередине, сменившись коротким:

– Да?

Наверное, телефон слегка исказил голос, и только поэтому произнесенное слово прозвучало слишком сухо и вроде бы даже раздраженно. Или Амелия выбрала не самый подходящий момент.

– Кеннет, – взволнованно выдохнула она.

В телефоне царило молчание, будто собеседник не желал отзываться и надеялся, что, ничего не услышав, звонивший сам прервет соединение.

– Ты что, меня не узнал? Это же я... – Амелия не успела произнести свое имя, как в ответ прилетело:

– Зачем ты мне звонишь?

Она слегка опешила, ведь ожидала совсем другой реакции, но быстро оправилась и все-таки поинтересовалась:

– Ты вытащишь меня из этого зверинца?

– Откуда? – озадаченно переспросил Кеннет. Или опять раздраженно?

– Ну из школы, в которую засунул меня папочка.

– И как, по-твоему, я должен это сделать?

Точно. Раздражение, а вовсе не искажения от телефона. Теперь почти не осталось сомнений. И все-таки не верилось.

Скорее всего, Кеннет абсолютно не ожидал ее звонка, вот и растерялся. А возможно, папочка находился рядом. Или жена.

– Ты сейчас один? – уточнила Амелия.

– В каком смысле?

Да что же он так тупит?

– Рядом нет никого постороннего? Ты можешь сейчас нормально говорить? Со мной.

– Послушай, – произнес Кеннет и опять замолчал.

У Амелии дрогнули губы.

– Скажи, ты вытащишь меня отсюда? Или, если я сама смоюсь, я смогу приехать к тебе? Ты мне поможешь?

И снова молчание. Красноречивее любых ответов.

Нет, на фиг. Кеннет просто задумался.

– Скажи! – еще настойчивей потребовала Амелия, уже готовая напомнить и про слова любви, и про обещания сделать для нее все

возможное и невозможное. Но тут из телефона донеслось:

– Зачем все это?

На мгновение Амелии показалось, что в разговор вклинился папочка. Неизвестно как, но это у него получилось. Потому что и голос вдруг стал очень похож, и интонации. И сейчас непременно раздастся: «Когда ты, наконец, начнешь вести себя нормально? Не как капризный ребенок». Но прозвучало немного другое:

– Ты же понимаешь, все, что произошло между нами, это было несерьезно. Ну, потеряли голову – случается. Мимолетное увлечение.

Что? Что?!

– Что?

– Ну подумай сама, – напористо вещал Кеннет. – Я намного старше, я женат, и для меня важен этот брак. К тому же я не хочу портить отношения с твоим отцом. На них завязан мой бизнес. Я не готов жертвовать всем ради случайно вспыхнувшей страсти. И пожалуйста, Амелия, не звони мне больше. Лучше займись учебой.

Он намного старше, а она маленькая и глупая. И конечно, самое то для нее – прилежно учиться. Чтобы в очередной раз не почувствовать себя полной дурой.

– Импотент хренов! Да пошел ты! – проорала Амелия, но ее вряд ли кто-то услышал.

Из телефона доносились короткие безразличные гудки. Пусто и гулко. Ничего не осталось. Только россыпь глянцевого снимков на столе.

– Тварь!

Амелия выхватила из ящика маникюрные ножницы и с силой ткнула ими в ближайшую фотографию. Прямо в широко распахнутый темно-карий глаз.

Заостренные кончики легко вошли в поверхность стола. Если убрать руку, ножницы наверняка остались бы торчать, но Амелия сразу дернула их на себя.

Снимок прочно засел на острие. Амелия содрала его. Пробитый глаз выглядел жутковато, но все равно этого оказалось мало.

– Скотина! Ублюдок!

Ножницы хищно зацелкали, кромсая фотографию на мелкие куски. Расправившись с одним снимком, Амелия бросила взгляд на остальные, вдохнула судорожно, одним махом смела их со стола. И они посыпались на пол, разлетелись пестрой осенней листвой.

Теперь Кеннет смотрел на Амелию со всех сторон. Улыбался и хмурился.

На хрен! Все вранье!

Это лицо, эти взгляды, чувства, отношения – сплошной обман. А она – дура! Какая же она дура! Чуть не отдалась ему. Прониклась, наивная идиотка. Возомнила, что зачем-то понадобилась взрослому мужику.

Хотя ясно зачем. Самоутвердиться. Увериться, что его может желать не только престарелая мымра исключительно в силу супружеских обязательств, а что даже для молоденьких девушек он еще о-го-го. И все его трогательные признания – пустые слова, стопроцентно работающий развод для наивной глупышки.

К черту!

Амелия упала на колени, схватила первую попавшуюся под руку фотографию, принялась кромсать и ее. Потом вторую, третью, четвертую... Переползала, не поднимаясь, чтобы дотянуться до следующей. Резала, резала, резала.

– Вот дрянь!

Тонкий кончик впился в указательный палец. Амелия дернулась, выронила ножницы, и те звякнули возле ног. На подушечке мгновенно вспухла большая красная капля. Девушка торопливо засунула палец в рот, прикусила зубами, слизнула кровь. Ее солоноватый привкус немного отрезвил Амелию, и она огляделась.

Глянцевые обрезки были разбросаны повсюду. И уже не разберешь толком, что изображено на них, кто изображен. Перемешанные кусочки мозаики, которую она никогда не захочет собрать.

Только один снимок уцелел. Лежал возле самых колен.

Амелия долго смотрела на него. Сидела неподвижно и смотрела.

Но в какой-то момент ее губы дрогнули, рука опустилась, и пальцы скользнули по гладкой поверхности фотобумаги. Лоб, нос, щеки... Опять захотелось коснуться кожи, почувствовать дыхание, услышать, что тебя любят, что ты кому-то нужна...

Неужели в том не было ни капли правды? Только вранье. Как же так?

И снова вырвался крик:

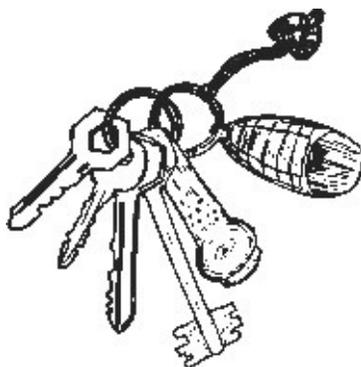
– Дрянь! Дрянь! Дрянь!

Амелия отшвырнула в сторону ножницы и принялась нещадно рвать в мелкие клочки то, что еще напоминало ей о прошлом.

Глава 36

Элейн

Мне понравилось то, во что я превратила комнату Патрика. Оклеила обоями в пастельных тонах, расставила новую мебель. Может, забросить иллюстрирование и податься в дизайнеры? Сфотографировав получившийся результат с разных ракурсов, я тут же отправила снимки в журнал интерьеров. Когда-то там у меня работала приятельница. Но, порывшись на сайте, я не нашла ее фамилии.

Зато в почте обнаружилась пара писем для меня. Один отказ... И еще один, правда, завуалированный под просьбу немного изменить стиль и отправить им новые работы. Какого черта! У каждого художника тот стиль, который ему подсказывает душа. Я не буду подстраиваться под требуемые стандарты. Я свободный человек и живу в свободной стране!

Отказы взбесили меня до предела. В этом состоянии я должна что-то делать, чтобы не разнести все вокруг. Впрочем, самое время совместить желаемое и пользу. Кажется, комната матери тоже требует ремонта!

Первым делом я выгребла из шкафа ее вещи. Перебирая платья, блузки, юбки и костюмы, я поняла, что совершенно не помню, как мать в них выглядела. Мне кажется, после смерти Патрика она постоянно ходила в замызганном халате. Хотя нет. В периоды своего просветления она одевалась довольно стильно...

Жуткая боль пронзила голову. Так случается довольно часто. Особенно когда я пытаюсь вспомнить какие-то вещи. Легче всего всплывают воспоминания с Шоном. Они всегда на поверхности, всегда рядом, как бы я ни хотела забыть – не получается.

А мать?

Если бы не фотографии, я бы не знала, как выглядит женщина, давшая мне жизнь. Это несправедливо! Это одна из игр моего мозга.

Но я придумала, как его обмануть. Мне поможет Шон. Он невероятно походит на свою мать, тетю Джейн. А та – на мою мать. Немудрено, они же родные сестры. Не близнецы, как мы с Ло. Между ними два года разницы. Но семейное сходство прослеживается.

Я заставлю Шона примерить платья матери. И сделаю снимки. У него отросли волосы, а бороды практически нет... Если фотографировать с определенного ракурса, я оживлю свою мать!

Да и вообще, возможно, все дурные наклонности Шона только из-за того, что он родился мужчиной. Мне не встретилась ни одна женщина, которая бы поклонялась насилью, как Богу! Даже взять моего отца: он задушил жену, вместо того чтобы протянуть ей руку помощи!

Нарядив Шона в платья, я принесу пользу дважды.

Идея меня воодушевила. Я схватила в охапку столько материнской одежды, сколько смогла унести, и выскочила в сад. Рисковать, проталкивая платья в кошачий лаз, я не собиралась, а вот скинуть все сверху – безопасно.

Мой гость свернулся калачиком на куче тряпья и никак не отреагировал на мой окрик. Пришлось взять камень и кинуть в него. Опять – нет реакции.

Тошнота подкатила к горлу: я не навещала Шона, пожалуй, несколько дней, с тех самых пор, когда решила поморить его голодом; а вдруг он...

Я опоздала?

Противная слабость в коленях буквально заставила меня повалиться на решетку.

– Ты! Вставай, гаденьш! – прохрипела я на пределе сил. Шон не подавал признаков жизни. Я пыталась разглядеть, дышит ли он, но все рябило у меня перед глазами, голова кружилась и раскалывалась от боли.

– Снова решил обмануть меня? Даже не надейся, что я куплюсь на твое дешевое лицедейство!

– Мне все равно.

Показалось? Или он мне ответил? Голос нисколько не походил на голос Шона. И прозвучал так тихо, едва различимо, что его можно было спутать с шелестом ветра в опадающей листве.

– Тебе принести что-то?

– Яду.

Если он способен шутить, значит, цинизма в нем предостаточно.

– Ночи уже холодные. Я решила, что тебе надо обновить гардероб.

– Плевать!

Нет. Теперь я была уверена: это не галлюцинации и он мне отвечает. Отвернувшись к стене. Не двигаясь. Игнорируя мое присутствие.

– Лучше бы так игнорировал меня, когда я была маленькой девочкой и не могла дать тебе отпор!

– Вы сумасшедшая.

– Нет!

Я принялась скидывать Шону материнские наряды. Одно платье за другим. Они планировали на пол и ложились мягкой разноцветной грудой.

Шон даже не повернул головы.

– Я накормлю тебя до отвала, если ты переоденешься. – Я решила поменять тактику.

– Делайте что хотите. Мне плевать.

Черт! Как раскалывается голова. И вдруг я почуяла неприятный запах. Страшная мысль заставила меня отшатнуться от решетки.

Я ведь слышала голос матери. Он звучал в моей голове, когда я заходила в комнату Патрика. Сейчас я тоже слышу голос. Но это не голос Шона... Кто-то сидит там, где я не вижу? И пытается меня одурачить?

Вскочив на ноги, я бросилась через весь дом к лестнице в подвал. Мне надо было убедиться, что мои чувства в норме. Что я в норме. Но на кухне темнота накрыла меня с головой...

Глава 37

Шейла

Она не поняла, где именно прокололась. Селестин Уэст и этот Клеменс явно разглядели ее под маской, и теперь каждый так или иначе старался докопаться до сути. Шейла и без того чувствовала себя некомфортно в чужой шкуре, а тут еще такое... Угораздило же.

Никого, кроме них, не волнует молодой преподаватель химии – ведет модули, сам скромн и необщителен, на близкие контакты не напрашивается – и отлично. А эти – норовят залезть в душу, все разнюхать и разузнать.

Шейла не была готова открыться.

Выходка Уэста – вообще на грани: завалиться в преподавательский корпус, найти Шейлу и чуть ли не открыто выложить, кто она такая. Сколько любопытных глаз уставились на девушку после этого. Невыносимо! Только миссис Лусия – преподаватель истории, – как ни странно, мягко хохотнула, вся заколыхавшись под своим бесформенным платьем: видимо, приняла все за пустую мальчишескую выходку.

Клеменс тоже там был. Отирался рядом. Едва ли не прикасался к руке. Склонялся к уху и шептал всякие незапоминаемые банальности, вуалируя их подо что-то глубокомысленное или смешное.

Шейлу буквально передергивало от его знаков внимания. Кого он в ней видел? Что вообще он про нее вообразил? Какие грязные мыслишки зароились в его голове? Почему налет равнодушия слетел с него, словно шелуха с пересушенной луковицы?

Девушка спряталась от назойливого внимания в библиотеке. Опять зашла в личный кабинет брата, еще раз просмотрела фото, стараясь разглядеть хоть какую-нибудь зацепку, но у нее не получалось. На

фотографиях была запечатлена обычная жизнь в элитной школе парня, который не чувствует себя своим в достаточной мере. Наверное, поэтому все снимки не изнутри, а как бы со стороны.

Теперь, уже немного зная преподавателей, Шейла рассматривала их через объектив Брэда. Миссис Пафф, словно паровая машина, несется наводить порядок в массах – узнаваемо... Скромняга мисс Файф и мистер Бэтч, наводящие шороху в изобразительном классе... Клеменс – расслабленная поза, айфон в руках...

А вот мисс Норрис. Брэд сфотографировал ее так, что было видно и отражение. Шикарное фото! Красивое лицо. Два лица...

А на следующей фотографии... Шейла моргнула... мисс Норрис, но словно вышедшая из зеркала. Это особенно было заметно, если перелистывать снимки друг за другом. Лица *почти* одинаковые. Если не заострять внимание – различий не увидишь. Но и все-таки разные. Может, искажение?

Шейла так заинтересовалась, что даже почти забыла про Клеменса и Уэста. Вообще обо всем забыла. Закрыла профиль Брэда и перешла к архивам школы. Кажется, где-то ей уже попадались сведения о семье мисс Норрис... В конце концов, ее отец долгое время управлял этой школой. Фактически семейная династия.

И нашла ведь. Тот самый снимок, на который ранее почти не обратила внимания. Любительское фото, на котором запечатлена большая семья. Видно, что все, за редким исключением, – родственники. Фотограф скрупулезно следил, чтобы была соблюдена какая-то понятная лишь ему одному симметрия, поэтому поставил двух девочек-близняшек по разные стороны. Сестренки на первый взгляд казались абсолютно одинаковыми. Но не идентичными, а зеркальными. Шейла немного интересовалась психологией и знала, что в подобном случае одна, скорее всего, будет левой, другая – правой.

В обеих угадывалась... мисс Норрис?

Какой рукой писала директриса? Правой или левой? Девушка напрягла память: кажется, мисс Норрис чаще держала что-то в правой руке. Кроме одного раза, когда Шейла столкнулась с ней и поразилась ее помпезному наряду. Тогда директриса крепко сжимала свою сумочку в левой руке. Хотя это ведь не показатель. Шейла сама носила сумочку то так, то эдак...

– Увлеклись прошлым?

Неожиданно прозвучавший за спиной голос едва не заставил Шейлу подпрыгнуть на месте. Клеменс! Он следит за ней?

Мужчина с интересом разглядывал фото Норрисов.

– Прошлое иногда скрывает нечто довольно занимательное, не так ли?

– По-моему, все банально, – пожалала плечами Шейла. – Папа подсуетился, нагрел место для дочки.

Она это только что придумала. Сделала вид, что больше увлечена не горизонтальными связями, а вертикальными.

Клеменс купился, закинул в рот пластинку жвачки и выдал:

– Ошибаетесь.

– Что? – переспросила Шейла.

– Их отец, – мужчина постучал ногтем по экрану в нужной точке, – умер лет за десять до того, как его место заняла нынешняя директриса.

– И от чего он умер? – Девушка немного отстранилась, потому что Клеменс придвинулся и окутал ее мятным ароматом, словно собирался брать врага в окружение.

– Инсульт, – передернул плечами собеседник, не замечая или делая вид, что не замечает ее маневра. – Говорят, девицы остались на попечении бабушки, но та особо ими не интересовалась, ей гораздо важнее было устроить свою жизнь. Но тем не менее Опал Норрис закончила университет. А ее сестра занимается чем-то творческим.

– Какие подробности, – усмехнулась Шейла.

– Могу и еще добавить. Близнецы часто играют друг в друга, путают, меняются одеждой и привычками. Вне зависимости от возраста. Ваш брат же считал, что дело в шизофрении. Наблюдал, рисовал...

– Что? – Она встрепенулась, прерывая этот ненужный поток слов. – С чего вы решили, что у меня есть брат?

Клеменсу, видимо, нестерпимо хотелось курить. Он достал пачку сигарет, принялся вертеть ее в руках, попутно рассказывая, что Брэд любил делиться воспоминаниями о своей сестре. Не со всеми. С ним, с Клеменсом.

Якобы даже показывал портрет Шейлы, очень похожий на оригинал, но с длинными волосами, более округлыми щеками.

– Бред! – вспыхнула девушка. – Должно быть, это у вас неладно с головой, сочиняете какие-то сказки! Романы писать не пробовали?

– Но вы ведь видели этот портрет? – Клеменс ткнул пальцем в скетчбук Брэда, лежащий перед компьютером.

– Он лежал в комнате отдыха, – прищурила глаза Шейла. – Мне показалось, я могу его взять.

Клеменс подступил на шаг, и девушка обратила внимание, что они почти одного роста. Мужчина провел пальцем по ее скуле, подбородку...

Шейла дернулась, как от огня:

– Простите, я не гей!

– Я тоже.

Клеменс рывком притянул девушку к себе и впился в ее губы поцелуем. Ненадолго. На какой-то короткий миг. Потом сам же и отпрянул.

Шейла даже не успела возмутиться. Просто рефлекторно сжала руку в кулак и в запале ударила нахала по лицу. Даже не поняла, куда именно и как это у нее получилось.

Клеменс глухо охнул и наклонился вперед. На пол закапали тягучие алые капли.

– А вы горячая штучка, – прогундосил, видимо собравшись с мыслями.

Достал платок из кармана, приложил к носу и слегка запрокинул голову.

Шейла хотела было уйти, оставив его разбираться с проблемой, в которой тот был виноват сам, но мужчина загородил ей дорогу. Не отпихивать же? Девушке вообще не хотелось к нему прикоснуться. И жаль тоже не было. Даже напротив – хотелось, чтобы нос оказался сломан. Только вот ее пальцы и без того противно саднили.

– Не знаю, зачем вам был нужен этот маскарад, – чуть хрипло проговорил Клеменс спустя какое-то время, – но, признаться, я узнал вас не сразу в этом виде. Пока вы не взяли в комнате отдыха томик поэзии. Брэд говорил, что вам нравятся стихи.

– Не верю, – тряхнула головой Шейла. – С чего моему брату с вами секретничать?

Клеменс передернул плечами:

– Ну надо же с кем-то общаться. Все ровесники казались ему детьми. Те, кто постарше, сами считали его ребенком. Я, видимо, дал парню шанс показать себя.

– Несете полную чушь!

– Ну ладно. Черт с вами. Просто ваш братец рисовал ваше милое личико на моей лекции. Пришлось разобраться. А он только послал меня. Заносчивый ублюдок! Похоже, вся ваша семейка любит выставляться и задирать нос!

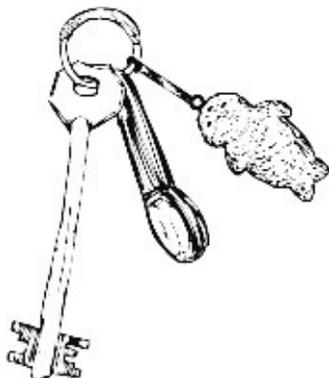
Шейла вскинула голову, схватила скетчбук и, наплевав на брезгливость, буквально отпихнула Клеменса с дороги.

Мерзость! Какая мерзость!

Глава 38

Сэлл

На химии Сэлл сидел один. Точнее... он всегда сидит один – это в лаборатории столы большие, и работать приходится в парах.

Несмотря на мысли по поводу истинного имени Гейла Мелларка, который... которая старательно избегала встретиться с парнем взглядом, Сэлл постоянно отвлекался – ему как будто кого-то не хватало рядом. Парень то и дело озирался по сторонам, но Амелии на сегодняшнем модуле не было.

Селестин Уэст сосредоточился на задачах.

– В среду у вас тест. – Приглушенный гул в аудитории перекрыл голос преподавателя. – Важный в этом семестре. Поэтому прошу вас тщательнее подготовиться.

Нет, ну для чего она комедию ломает!

Сэлл дернулся, но сразу же опомнился, огляделся по сторонам и поджал губы. Ручка покатила по поверхности стола и нырнула под ноги сидящего впереди бедолаги Колина.

Тот увидел или услышал. Нагнулся, чтобы поднять и отдать ручку хозяину, но тут же осекся, потому что с соседнего ряда раздался громкий шепоток:

– Он дристомет, Колин. Дрис-то-мет. Или хочешь, чтобы вся школа и тебя так называла?

Колин задрожал. Это было видно даже слепому.

– Брось каку, Колин, – слащаво, как будто разговаривал со слабоумным, нашептывал гадости Лохматый. – И немедленно вымой руки, пока они не покрылись уродливыми бородавками!

Ручка снова шмякнулась на пол.

– Вот гнида! – Сэлл вскочил с места. Стул, на котором он сидел, отъехал назад, ударился о стену и с грохотом завалился набок.

Десяток любопытных глаз уставились на парня. В том числе и Мелларка.

Сэлл прямо посреди модуля бросился на этого говорливого упыря – как его? – кажется, Паркла Льюиса. Длинная шпала с лохматыми патлами.

Увидев это, Колин взвизгнул, как девчонка, и вылетел из аудитории. Вероятно, действительно собрался помыть руки. Следом за ним в раскрытые двери выскочила и Зубатка, красная до невозможности. А Мелларк... преподавательница, которая все это время выдавала себя за преподавателя, очень даже по-мужски... предпочла не вмешиваться. Но вся ее суть в любой стрессовой ситуации выдавала ту, которая пряталась под мужским брендовым пиджачком с длинными рукавами и брюками свободного кроя.

Гейл... или Гейла... только ловила раскрытым ртом воздух, собираясь сказать что-нибудь подходящее, четкое, емкое, лаконичное, но слова никак не слетали с ее тонко очерченных, совсем не мужских губ. Может быть, большинство слепых недоумков и видели в ней симпатичного молодого преподавателя, но Сэлл с самого первого дня разглядел в Мелларке ту красивую сексуальную женщину, от которой тихонько, даже втайне от самого себя, сходил с ума.

Драку разняли – миссис Пафф явилась как нельзя кстати. И понятно, кто ее привел.

– Селестин Уэст! – взвизгнула, шаркнула по проходу между рядами и нависла скалой над вцепившимися друг в друга парнями. – Я вынуждена вас запереть! Прямо сейчас! И позвонить вашему отцу!!! – Последняя фраза совсем громко получилась.

– Да хоть самому папе римскому! – рявкнул в ее сторону Сэлл.

– А вы? – не унималась толстуха, на этот раз обращаясь к преподавателю химии. – Мистер Мелларк, что вы как... я не знаю кто! В рот воды набрали? Не могли пресечь драку в самом ее зачине?

– Я... – Мелларк *попяtilась*.

– Вы, вы! – пальцем-сарделькой ткнула в плечо коллеги толстозадая миссис Пафф. – Ей-богу! С вами тоже необходимо как следует побеседовать. – И сдвинула брови угрожающе.

– Мистер Мелларк тут ни при чем, – отрезал Сэлл и шагнул навстречу блюстительнице порядка. – Меня наказывайте! – Скользнул взглядом по ее сальной физиономии и, резко развернувшись, вышел из аудитории.

Зубатка тут же догнала его в коридоре.

– Сэлл! Сэлл! Как ты? Не переживай... Подумаешь! Я... Мы...

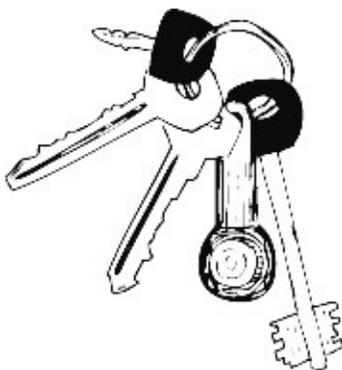
Но Сэлл даже не обернулся в ее сторону. Только громко и четко проговорил:

– Да пошла ты! Д-дура!

Глава 39

Элейн

Очнулась. Открыла глаза. На меня пялился большой паук. Наверное, еще пара минут, и он бы начал обматывать меня паутиной.

Голова гудела, словно чугунная. Каждая возникшая мысль буквально отскакивала от стенки черепа и металась туда-сюда, словно мячик для пинг-понга.

Шон снова меня обманул? Нет. Я всего лишь потеряла сознание, когда зашла в дом. Видимо, сказалось утомление.

Вспомнила тот странный диалог с Шоном в саду. Сейчас я уже даже не допускала мысли, что голос звучал только в моем воображении. Он просто был непохожим на прежний голос Шона.

И что за бред, будто в его подвале еще кто-то есть? Он бы просто не смог попасть туда.

Я усмехнулась и встала на четвереньки. Перед глазами все поплыло, потом потихоньку пришло в норму. Паук убежал, решив, что я слишком большая для жертвы. Правильно. Иди жри мух, пока кто-нибудь не сожрал тебя! Или не смахнул пылесосом.

Справившись с головокружением, я поднялась на ноги, оперлась на спинку стула и снова замерла, пока кухня в очередной раз не перестала напоминать карусель. Надо поесть. Кажется, у меня есть бульон?

Да, кастрюлька нашлась в холодильнике. Поставила ее на газ, заедая приступ тошноты ломтем хлеба. Наверное, зря? В итоге, налив бульон в тарелку, решила отнести Шону. Может, у него просто нет сил? А прозрачный, наваристый бульон – самое то.

Чуть пошатываясь, спустилась по лестнице. Край тарелки обжигал

пальцы. За дверью по-прежнему ни звука. Открыла кошачий лаз, просунула угощение.

– Кушать подано, сэ, – не смогла удержаться от язвительного тона, но лишь затем, чтобы чувствовать себя увереннее.

О! Кажется, зашевелился. Тарелка шкрябнула о стену, и звук отдался в зубах.

– Спасибо, – через силу, нехотя, едва пробивая толщину двери.

Позже я принесу еще. Сейчас ты не готов для рая. А из ада ты уже сбежал. Там тебя плохо охраняли, Шон.

Это случилось через год после того, как умерли родители. Летом. Бабуля вышла замуж, и не просто так – в Париж. Мы получали открытки с Эйфелевой башней и розами. Ло тут же выкидывала их в мусорное ведро и раздражалась ото всего, что могло отвлечь ее от подготовки к экзаменам.

Я не смотрела телевизор. Не слушала радио. Не гремела кастрюлями. Не мыла полы. Не...

Впрочем, это слишком скучно – перечислять все, чего я не делала. Гораздо проще сказать, что именно в тот период я проиллюстрировала свою первую книгу, хотя, рисуя, боялась услышать: «Ли! Твой карандаш чересчур царапает бумагу!»

Когда сестра ушла в библиотеку, я прямо вздохнула свободнее: залетала по дому вольной птицей, нарочно топала и хлопала дверями, врубил ради и вопила вместе с ним. Поэтому я не услышала, как кто-то пришел. Пока снизу не донесся голос...

У меня все похолодело! Это было очень легкомысленно – не запирают входную дверь на замок. Особенно если ты осталась одна дома. Особенно если гость – Шон.

– Есть кто живой?

Может, и правда надо было притвориться мертвой? Лечь в кровать, застыть в неподвижности, сложить руки на груди, перестать дышать. Я же видела мертвецов в гробу: Патрика, мать, отца... Смогла бы притвориться.

Но я вышла к нему навстречу. Встала, глядя сверху, с лестницы, на ненавистного мне человека.

– Чего тебе? – Я старалась говорить так, как говорила со мной в тот период Ло, бросая слова, словно камни в колодезь.

– Приехал навестить любимых сестричек. – Он сомневался, присматриваясь и не делая ни шагу наверх.

Спасибо, Боже! Он сомневался, я это или моя сестра.

– Навестил? Теперь скатертью дорога.

– Я еще не видел... – Шон сделал слишком долгую паузу, просто

пожирая меня глазами.

Нельзя было допустить, чтобы он понял, что перед ним стою именно я.
– Ли в библиотеке. Но она вряд ли тебе обрадуется.

Мне надо было избегать длинных фраз! Потому что кузен вдруг хохотнул, буквально взлетел ко мне по ступенькам и впился пальцами в плечи:

– Хороша! Ты так и не оставила детскую привычку морочить голову?

Едва почувствовав прикосновение его рук, я оцепенела. Шон, словно паук, опутывал меня паутиной своих слов, горящим взглядом и усмешкой.

– Так говоришь, Ло в библиотеке?

– Ли, – пискнула я в тщетной попытке обмануть.

– Не-ет! – Шон притянул меня к себе так, что стало трудно дышать. Я чувствовала, как его рука шарит по моему телу. – Тебе почти удалось. Почти. Но ты ведь моя девочка, и я всегда тебя узнаю. Соскучилась по любимому братику?

Чем больше я пыталась вырваться, тем больше он усиливал хватку и распался. Одна в доме, я казалась ему желанной добычей. Воображение кузена явно рисовало извращенные картинки, подобные тем, что были в его книге. Мне бы закричать, но из горла вырывался лишь едва слышный хрип.

– Господи! Ли!

Мы оба не услышали, как вернулась Ло.

Я лишь уловила движение, а потом на голову Шона обрушилась тяжелая ваза. Он тут же обмяк, покачнулся и полетел вниз по лестнице. Сестра только посторонилась, а потом крепко прижала меня к себе.

– Тише, тише... – Она гладила меня по голове, как маленькую девочку, пока я содрогалась в рыданиях. – Все хорошо. Сейчас мы вызовем полицию. Они закроют этого ублюдка на тысячу лет и один день, и мы думать о нем забудем.

Если бы... Боги смеются, когда человек строит планы.

Я уже успокоилась. А Шон все лежал внизу. Мы переглянулись. Глаза выхватили и осколки вазы, и небольшую лужицу крови.

– Стой здесь, – приказала Ло, как будто я могла сделать хоть шаг. Мне даже пришлось схватиться обеими руками за перила, чтобы не покатиться следом за кузеном.

Сестра спустилась, присела возле Шона. Пощупала пульс на шее, склонилась к груди. Я до боли стиснула челюсти, чтобы не дать вырваться из горла истощенному воплю, зарождавшемуся у меня внутри.

Ло проделала еще какие-то манипуляции, затем поднялась с колен и, задрвав голову, спокойно объявила:

- Он мертв, Ли.
- Что?!
- Наверное, сломал шею.
- А как же...

Я буквально увидела толпу полицейских, любопытные лица соседей, собравшихся со всей округи, и нас с Ло, закованных в наручники, уводимых под стражей в невообразимое, ужасное будущее.

Суд. Тюрьма... Учтут ли присяжные, что все произошло в состоянии аффекта? Кажется, так это называется?

Но у Ло были другие планы. Она подхватила Шона под мышки и попыталась приподнять.

– Помоги уже, Ли! – раздраженно воскликнула сестра. – Не будь такой тряпкой!

– Чего ты хочешь? – Я попыталась оторваться от перил.

– Мы должны убрать его отсюда. Неужели ты не понимаешь?

Конечно, я понимала. Но я бы скорее сама сбежала из дома куда глаза глядят и больше никогда не возвращалась, чем притронулась бы... к нему.

– Да шевелись же, Ли! – еще суровой прикрикнула Ло. – Никто не сделает это за нас. А ты ведь не хочешь...

Я торопливо зашагала вниз по ступенькам, лишь бы она не стала говорить обо всем том, что я уже представила в своей голове.

– Бери за ноги! – скомандовала сестра. – Надо дотащить его до входных дверей. А потом я подгоню пикап к крыльцу.

Но я застыла над телом словно замороженная. Мертвый Шон казался мне еще более отвратительным. К тому же я не верила ему. Несмотря на все аргументы Ло.

Он запросто мог притвориться, а потом дожждаться момента, когда я окажусь поблизости, схватить меня и... От цепкой хватки мертвеца мне уж точно не освободиться.

– Ли! Боже!

Я наклонилась, стараясь смотреть в сторону, представляя, что это кто-то другой. *Что-то* другое.

– Держи крепче!

Ну почему она все время на меня кричит? Будто я в чем-то виновата. Разве это не она убила Шона? И теперь заставляет меня помогать ей, хотя я ни при чем. Совершенно ни при чем.

Кое-как мы забросили кузена в кузов пикапа, прикрыли брезентом. Я облегченно вздохнула, но Ло...

– Поехали! – опять скомандовала она. – Сбросим труп в реку. С

обрыва. Пусть это выглядит как несчастный случай. Будто он сам упал и свернул себе шею. А течение унесет тело подальше от нашего дома.

Я, кажется, поняла, почему Ло сердится и кричит. Она боится. Так же как всегда боялась я. Просто мне всегда было не до криков. Я больше отмалчивалась. А сестра другая. И она единственный человек, который по-настоящему меня слышал. Я должна поступить так же: просто услышать ее.

Меня трясло, ноги подкашивались, но я двинулась к кабине, послушно втиснулась на сиденье. Ло – моя сестра, не могу ее бросить. Она спасла меня от Шона, теперь я должна спасти ее от тюрьмы.

Пикап остановился у самого обрыва, до края оставалось всего несколько шагов. И опять пришлось возиться с телом: вытаскивать его из кузова, нести. Положили у самой кромки, одна рука свесилась вниз.

Вот и все, Шон. Ты больше никогда не сможешь причинить мне боль.

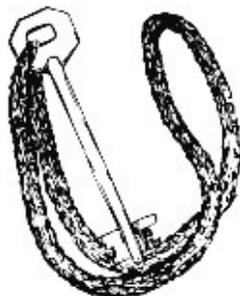
Не знаю почему, но прежние напряжение и страх вдруг отпустили. Отодвинулись, растворились. Словно неподъемный груз, который я тащила в течение многих лет, упал с моих плеч. И как же стало легко! Даже улыбнуться захотелось, и я не стала сдерживаться. Уголки моих губ поползли вверх, и я, больше не боясь, с силой пихнула труп кузена ногой. Он перевалился через край, зашуршала осыпавшаяся земля, а потом раздался громкий плеск. Как последний аккорд.

Прощай, Шон!

Глава 40

Амелия

На этот раз Амелию вытащили прямо с занятий и опять отправили в кабинет директора. Такими темпами у окружающих сложится впечатление, будто у нее какие-то особые отношения с мисс Норрис. Ага. Выпивают они вместе в минуты тягостных раздумий. Не надираться же директрисе в полном одиночестве.

Но сегодня мисс Норрис находилась в кабинете не одна, компания у нее была. Папочка.

В этот-то раз чего? Будет читать ей лекцию, как правильно работать с гумусом и с какими студентами лучше связываться, а к каким даже близко подходить не стоит? Амелия хотела ляпнуть нечто язвительное прямо с порога, но, глянув в лицо отца, резко передумала.

Что-то было не так. Ни снисходительного высокомерия, ни праведного негодования – ни на лице, ни во взгляде, только плохо прикрытая усталость и еще что-то. Напряженность и сосредоточенность. Словно невидимый груз давит на плечи, но отец вопреки этому старается держать спину прямо и казаться невозмутимым.

– Ну, что теперь? – буркнула Амелия.

Отец дернул плечами, будто встряхнулся.

– Маме стало хуже.

– В смысле?

Мисс Норрис поднялась со своего кресла, тихо прошуршала к двери и вышла в коридор.

– Как это – хуже?

Амелия даже не представляла, что может измениться. Казалось, так будет всегда: мама просто зависла где-то вне времени и нашей реальности. Чему там случаться?

– Она совсем перестала реагировать. Лежит без движения. Не ест, не пьет, не... – Отец замолчал, не стал перечислять дальше. И так понятно: мама не делает больше ничего. Просто существует. Пока еще. – Я заехал за тобой. Собирайся. С мисс Норрис я уже договорился. Лучше поторопиться.

Сердце замерло, а между лопатками пробежал холодок, заставив Амелию поежиться.

Она, конечно, говорила, что лучше уж совсем никакой мамы, чем такая, но...

Мало ли что она могла трепануть! Не воспринимать же серьезно вообще все произнесенные вслух слова. Амелия часто говорит то, о чем потом жалеет. Выпаливает бездумно, в запале, вовремя не прикусив язык. И сама же себя винит.

– Сходи переоденься, – предложил отец. – Я подожду в машине. У парадного входа.

Сегодня отец сидел за рулем сам, а Амелия устроилась сзади, но почти тут же поймала в салонном зеркале заднего вида направленный на нее взгляд. Опять непривычный: встревоженный, неуверенный, будто бы ожидающий поддержки и сам пытающийся поддержать.

Амелия торопливо отвела глаза. Не то чтобы почувствовала себя неуютно – просто задумываться не хотелось, почему отец такой. Но куда же денешься от мыслей?

Засунула в уши капельки наушников, а музыку включить забыла. Хотя нет. Попыталась же. Потыкала пальцем в экран, но так и не довела дело до конца, откинулась на спинку, уставилась в окно. Боролась с желанием ухватить отца за плечо и потребовать: «Останови! Выпусти меня! Не хочу никуда ехать, видеть ничего не хочу». Да и знать тоже. Но ведь знала уже.

Молчали всю дорогу – несколько часов. Амелия чуть опустила оконное стекло, чтобы влетающий в него ветер рвал в клочья и уносил прочь скопившуюся в салоне гнетущую тишину.

Отец дважды пытался заговорить. Амелия все в том же зеркале видела, как беззвучно вздрагивали его губы, и слова уже готовы были сорваться с них, но застывали, таяли без следа. Она и сама порывалась несколько раз хоть что-нибудь сказать. Только вот – что? Надо же... Растратила бездумно весь запас слов, выданный на жизнь.

Так ни на что и не решившись, Амелия задремала. Очнувшись она от тихого сообщения:

– Приехали.

Приехали, да. Амелия узнала и местность, и здание. Но еще, наверное, с полминуты они сидели в машине. Абсолютно неподвижно. Пока отец не

развернулся и не произнес:

– Ну что? Выходим?

Главный холл пансионата был просторным и светлым. Легкие прозрачные занавески на огромных окнах, растения в кадках, аккуратные бежевые диванчики. Обстановка, располагающая к позитиву и безмятежности. Но на самом-то деле все не так. Тоже – обман, мираж, видимость полного благополучия.

Их уже поджидала женщина в светло-голубой униформе. Приглашающим жестом указала направление и сама пошла рядом, о чем-то тихонько докладывая отцу. Амелия не пыталась прислушиваться, плелась следом.

Поднялись на второй этаж, оказались в коридоре, почти таком же, как в школе: длинном и не слишком широком.

И так же с двух сторон – двери, двери, двери. Сотрудница толкнула одну из них.

И опять внутри светло и просторно. Все тот же мираж.

Раньше, сколько раз Амелия ни приезжала, мама непременно сидела в кресле напротив окна. И комната была немного другая. Действительно комната. А сейчас, скорее, больничная палата.

Специально оборудованная кровать, стойка капельницы, трубки и провода, ведущие к приборам. Вот они казались живыми: подмигивали огоньками, попискивали, играли линиями на мониторах. А мама...

Ее и не сразу заметишь. Сливается с пространством, с белоснежным бельем на постели. Только темные пряди волос контрастируют, притягивают внимание. А кожа совсем бледная, словно не плоть, а тоже какой-то материал. И лицо отрешенное, без выражения. В приоткрытых глазах – пустота.

Отец по-прежнему что-то чуть слышно обсуждал с женщиной в униформе. Наверное, она – врач, иначе какой толк с ней разговаривать? А Амелия стояла и смотрела, стояла и смотрела. Приборы жили, а мама... В общем-то тоже жила, но...

– А что дальше? – Амелия развернулась к беседающим. – Что дальше? Ей станет лучше? Хотя бы так же, как раньше?

Врач слегка растерялась. Не ожидала от Амелии вопросов, вот и сразу не нашлась что ответить.

– Ну-у... В данном случае трудно сказать что-то определенное. Будем надеяться...

Амелия перебила:

– Только надеяться? И это все, что вы можете сделать?

– Но... – начала врач, однако отец осторожно тронул ее за локоть и сразу шагнул к дочери, ухватил за плечи, легко сжал.

– Амелия, – заглянул в лицо, на мгновение прикрыл глаза и едва заметно вздохнул.

Губы опять дрогнули. Хотел что-то сказать, но не нашел слов. Ничего не подходило. То привычное, произносимое в подобных ситуациях, не годилось. Абсолютно. Ни «все будет хорошо», ни «все наладится», ни «не переживай».

Нельзя не переживать. Потому что не наладится и уже не будет хорошо.

И все же, как ни странно, стало спокойней. Чуть-чуть. От этих пожатий, и от наполненного усталостью взгляда, и от собственного имени, в кои-то веки произнесенного тихо и с давно забытой нежностью.

– Мы выйдем ненадолго. Останешься здесь?

– Ладно.

Дверь тихо закрылась, и Амелия осталась в палате одна. Ну, то есть не одна, конечно, с мамой и... что делать?

Руки почему-то дрожат, и с места тронуться страшно, но и стоять, не двигаясь, невозможно. Амелия уже давно не представляла, как выражать свои чувства по отношению к родителям. Не возмущение, не протест, не злость, нет – совсем другое. Некоторые вон даже обнимаются до сих пор с мамой, с папой, а ей и наблюдать за таким странно.

Ну родители же. Они давно чужие. Или еще хуже. Потому что вечно лезут, куда не просишь, навязывают свое мнение. Какие могут быть объятия? В них же нет ничего настоящего. Это как на официальной встрече: обхватили друг друга за плечи, изобразили поцелуйчики на расстоянии, ничего не почувствовав, а частенько еще и тщательно скрыв неприязнь или отвращение.

Амелия приблизилась к кровати и опять застыла в нерешительности.

Лицо без эмоций, неестественная до прозрачности бледность и полная неподвижность. Насколько же это хрупко и незащитно.

В груди все сжалось, ни выдохнуть, ни вдохнуть.

– Мам. – Амелия присела на корточки, вцепилась в край кровати. – Мама.

Долго собиралась с силами и все-таки прикоснулась к руке – та оказалась теплой, но безжизненно вялой, – накрыла мамину ладонь своей, погладила.

– Мам. Я здесь.

Глава 41

Амелия

Дверь тихонько скрипнула, открываясь, и Амелия вскочила. Смутилась, словно ее застали за чем-то недостойным и постыдным, отвела глаза.

На этот раз отец был один, без врача. Подошел к кровати и тоже застыл.

Амелия поняла. Неизвестно каким образом, но поняла.

– Я подожду... там... снаружи, – проговорила, по-прежнему не глядя на отца, и, не дожидаясь ответа, направилась в сторону выхода.

В коридоре устроилась на ближайшей кушетке.

Наверное, нельзя сказать, что отец до сих пор любит маму. Какая тут может быть любовь, когда все... так? Но она ему не безразлична, это точно. Как и Амелии. А вся злость, нежелание лишней раз видеть, попытки полностью отстраниться – это... Просто страх? Потерять. Отдалиться еще больше.

Ну а каким еще образом справиться с безответным чувством, разъедающим душу и сердце? Амелия не знает других способов.

Уезжать этим же вечером они не стали, решили зайти к маме еще раз, утром. А потом собирались заскочить домой, за вещами для Амелии. Она не очень-то раздумывала, когда собирала чемодан перед отъездом в школу, покидала первое, что попало под руку. Уверена была, что не задержится там надолго и одежда потеплее ей просто не понадобится. Теперь не то чтобы планы поменялись. Но мало ли...

Они сняли в отеле номер из двух комнат, поужинали в ресторане. Амелия и не помнила, когда последний раз сидела за столом вместе с отцом. А ничего так получилось. Семейная идиллия почти. Хоть и промолчали большую часть времени, но зато и ни разу не разругались.

Ночью не засыпалось долго, Амелия ворочалась в кровати. Может быть, главного сигнала к отбою не хватало – скрежета ключа в запираемом замке. Или скуления чучела за стеной – это Саммер типа напевает, думая, что никто не слышит. Соседке с другой стороны, скорее всего, и в самом деле не слышно, там санузел между комнатами. А вот Амелия чуть ли не каждый вечер «наслаждается» концертом. Чучело проникновенно завывает, исполняя слезливые любовные баллады и, наверное, представляет рядом Сэлла. Амелия тоже представляет и сдавленно ржет в подушку. Вот Уэст попал!

А круто они рассекали в тачке по саду. Амелия смеялась до колик, до икоты. Если бы те уроды все не испортили...

Вот интересно, что было бы, если бы действительно не испортили? Ничего, пожалуй. Поработали бы, подурачились, поохотали, а потом бы разошлись и встретились бы только на ближайшем общем модуле.

Странно. Почему Амелия вдруг вспомнила о школе? Вроде получила возможность – вырвалась. Пусть всего на день, пусть по неприятной причине. Можно забыть и не думать. Но мысли возвращают туда.

Даже миссис Пафф всплыла вдруг в памяти. Сейчас бы пособачиться с ней, и стало бы легче.

Утром вернулись в пансионат, и ощущение у Амелии было такое, словно она вернулась во вчерашний день. Ничего не изменилось, совсем ничего. Все те же тишина и неподвижность, застывшая точка во времени и пространстве. И опять казалось, что только приборы здесь хоть как-то пытаются создать видимость жизни. Больше нечему. И некому.

«Состояние стабильное, улучшение возможно. Будем надеяться».

Универсальное средство от всех напастей – надежда. Иногда срабатывает, иногда нет. Кому как повезет.

Лекарства здесь не помогут, результат зависит от устремлений самого человека. В пансионате и так делают все возможное, поддерживают, насильно заливают в маму жизнь через капельницу. А сама она...

Неужели не хочет? Жить. Разве так бывает?

А почему нет?

Если ты никому не нужен, если ты для всех обуза, от которой стараются избавиться любым законным способом. Если никакой особой разницы, есть ты на свете или нет. Действительно, зачем тогда жить?

Или, например, когда знаешь, что впереди у тебя то же самое. Палата, посторонний человек в качестве сиделки, полусуществование-полунытье. Одиночество среди белых стен и визиты родственников раз в

год. Но тебе от них ни тепло ни холодно, ты все равно никого не узнаешь.

Машина ровно летела по шоссе, окружающий пейзаж быстро менялся и не отпечатывался в памяти. Амелия вскинула голову, глянула в зеркало над лобовым стеклом.

– И со мной так будет?

Отец смотрел прямо вперед, на дорогу.

– О чем ты?

– Как с мамой.

– Не понимаю.

– Все ты понимаешь, – разозлилась Амелия. – Я слышала, тебе говорили. Это болезнь. Она передается по наследству. Значит, я...

Отец перебил, произнес твердо:

– Амелия, прекрати! С тобой все в порядке.

Она бы с радостью прекратила, но не получалось. Потому что...

– Это сейчас в порядке. А потом?

Отец поймал ее взгляд в зеркале.

– Потом тоже будет в порядке. Ну-у... – протянул он и добавил: – Если сама не найдешь приключений на свою... голову.

И вроде бы опять прозвучало с назидательностью и снисходительной иронией, но уже не вызвало обычных раздражения и протеста. То ли сказано гораздо мягче, то ли Амелию уже не так задевало. Или просто эта фраза не имела особого значения. Первая гораздо важнее: «Будет в порядке».

– Ты врешь!

– Я не вру. – Отец решительно мотнул головой. – В жизни вообще может случиться все что угодно. Но нельзя же постоянно бояться и ждать только худшего. А с тобой, я более чем уверен, если по собственной воле ни во что не вляпаешься, все будет хорошо.

– Ты это нарочно говоришь.

Амелия насупилась. Получилось чересчур по-детски. Ну и ладно.

А отец улыбнулся, подтвердил:

– Нарочно. Потому что только такого для тебя и хочу. Значит, именно так и будет. А не по-другому. Договорились?

Если бы все в жизни так и происходило! Только по согласованию с действующими лицами и с их непременно одобрения. Сказка, на которую купится только неразумный малыш. Хотя... было бы неплохо.

Амелия фыркнула, отвечать ничего не стала, отвернулась к окну. И опять, когда приехали, остановились перед главным крыльцом административного корпуса, какое-то время сидели в машине. Хотя Амелия

держалась за ручку на дверце, но нажимать на нее не торопилась. Ждала, хоть и толком не понимала, чего именно.

– Как-нибудь съездим еще? – развернувшись в кресле, проговорил отец.

Амелия кивнула:

– Угу.

– Ты звони, если что-то понадобится.

Она опять кивнула.

– И... – Отец поколебался. – Хочешь уйти из этой школы?

Амелия, наверное, с минуту ошарашенно на него смотрела. Размышляла: то ли не расслышала толком, то ли поняла неправильно. И вообще, это точно ее папочка? Вот сейчас, прямо перед ней. Это он?

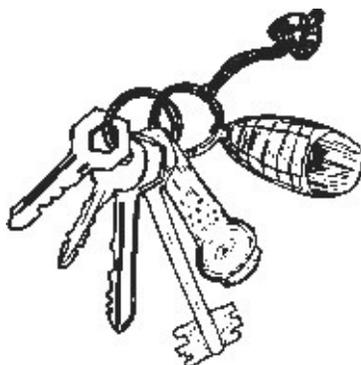
Он. Никаких сомнений.

– Да ладно, – хмыкнула Амелия, махнув рукой. – Я уже привыкла. Здесь в принципе вполне так. Терпимо. Даже люди нормальные есть.

Глава 42

Сэлл

Сэлл не противился понести наказание. Любое не любое, но к тем «изощренным» мерам, которыми с буйством фантазии раскидывалась направо и налево миссис Пафф, парень вполне себе был готов. Да и наказания ли это? Что в следующий раз? Чистоплюйка заставит мыть пол на этаже в коридоре? Или отправит разносить подносы по столовой? Испугала бейсболиста битой!

Сэллу и дома приходилось варить для себя обед, пока мать пропадала на ранчо у одного из тех, предыдущих своих женишков или в коммунах хиппи. И со шваброй парень дружил – неудобно было перед друзьями, когда они собирались наведаться к нему в гости. Если бы не его регулярные уборки, их съемный дом в скором времени превратился бы в свалку. Горы посуды покрылись бы плесенью вместе с самой раковиной. Плетеный ковер-циновка насквозь пропитался бы кошачьей мочой. Куцые шторы на окнах, заплеванные ошметками еды, заляпанные брызгами напитков и просмоленные никотином дочерна, намертво приклеились бы к стенам. А диван с вытертой до дыр обивкой когда-нибудь прикончил бы своих нерадивых хозяев, выпустив в зад каждого по заржавелой пружине. Им бы хватило сполна!

Но дом выглядел более или менее прилично. Посуда хоть и не мгновенно, но мылась – обычно к вечеру, когда хотелось жрать, а было не из чего. Ковер и шторы Сэлл стирал раз в год – перед Рождеством. А диван... На новый диван он заработал. Сам! В свои тогда еще шестнадцать. И если у кого-то конюшня ассоциируется с мерзостью, вонью и полнейшим дерьмом, то пусть сначала хлебнет того же дерьма от жизни, а уж потом

Сэлл сможет с ним поговорить на равных, по душам.

После драки на модуле Мелларка парня заперли ненадолго. Нет, вообще-то на сутки, оставив без еды и воды. Но...

Ночью объявилась Амелия с какой-то стремной железякой в руках. Уж как она ею раскурочила замочную скважину, Сэлл даже спрашивать не стал – любопытство с ключевым словом «как» было переплюнуто удивлением с более важным «кто». Он даже рассмеялся в голос при виде девушки с повадками вора, которая со знанием дела открыла дверь и тихонько прокралась к его кровати, хорошо ориентируясь в полумраке, – наверное, жилые комнаты были все как под копирку, одинаковыми.

– Ну че ты ржешь? – хохотнула Амелия и присела на краешек кровати. – Рассказывай! – улыбнулась она, щурясь от света фонаря, который вспыхнул внезапно за окном и осветил ее лицо.

Сэлл закинул подушку за спину, устроился удобно, полусидя, и уставился на гостью, которой, кажется, был искренне рад.

Да какое веселье? Какая улыбка? Девушку явно что-то беспокоило.

– Что рассказывать? – повел плечом парень. – Разве что-то случилось? – И еще пристальнее посмотрел на Амелию.

Неизвестно как – может быть, на интуитивном уровне – Сэлл почувствовал или даже сумел разглядеть серые нити, которые опутали ее лицо, шею, руки, завязались в тугие узлы, оставили глубокие следы на коже, превратились в удавку. Еще чуть-чуть, и девушка закричит, задергается, расплачется. Но такие, как Амелия, – не плачут. И все же кто сказал, что они не имеют права слова для того, чтобы просто выговориться?

– Вижу, случилось, – кивнул Сэлл. Сначала отвернулся к стене, хмыкнул в сторону, а потом подался немного вперед и взял девушку за руку: – Вываливай!

Сжал Амелии ладонь так, что самому стало горячо. И отчего-то парню вспомнилась его собственная мама. Нет, не та женщина с хриловатым голосом, в неприличных шортах, открывающих целлюлитные ляжки, и в короткой облегающей маечке без бюстгалтера, которая смолит сигару за сигарой и ржет погромче лошади, отзываясь на любые дебильные шуточки вштыря. Совсем другая, из прошлой жизни – принцесса-бесприданница, леди-без-состояния, аристократка из трущоб, *мама*. Мама, которая шептала часто: «Я с тобой, сынок», «Ты – мое настоящее», «Все у нас будет замечательно»; качала сына на руках, пела колыбельные, давала горькие пилюли, если тот болел, теплыми губами целовала лоб, каждый день интересовалась: «Как настроение?» – и не увлекалась спиртными

напитками, как теперь...

Это страшно. Страшно даже сейчас, когда тебе семнадцать. Еще немного, и ты сам будешь вправе вершить свою судьбу. Но все равно... У Сэлла есть мама – дурная, гулящая, пусть даже продажная – неважно! Но она есть! И у Амелии вроде бы есть... Вот только ключевое слово здесь – «вроде бы».

В такой ситуации даже поддержать не получается. Слова не находятся, фразы рассыпаются, мысли завязываются в узлы. Остается только держать девушку за руку, сжимать ее как можно крепче – и это все, что можно сделать... Но разве это правильно?

Сэлл даже приобнял Амелию – показалось, что та вот-вот расплачется. Маленькая, хрупкая... И куда подевались ее решительность и воинственность?

Но это была всего лишь сиюминутная слабость: Амелия тряхнула головой, завела выпавшую прядку волос за ухо и небрежно ухмыльнулась. Скорее всего, сама себе.

– Я совсем забыла, – снова улыбнулась и стала шарить в кармане. – Это тебе, – протянула сверток, встала и пошла к двери.

– Пахнет вкусно. – Сэлл зашуршал крафт-бумагой, в которой было завернуто что-то съестное. – Сэндвичи? В нашей столовой подают сэндвичи с арахисовым маслом? – повел бровью.

Амелия тихонько засмеялась:

– Да нет, конечно. Домашние. Заскочили ненадолго после больницы, и вот... Успела парочку завернуть в дорогу, только аппетит куда-то подевался. А тут узнала про тебя...

– Спасибо, – прозвучало очень мягко.

– Вообще-то я собиралась с Саммер передать, она крутилась возле твоей двери...

– Саммер? – удивился Сэлл. – Не знал, что вы подруги.

– Подруги? Не-е-ет, – протянула Амелия. – Все совсем наоборот. Ее напористая бестактность как раз-то и сподвигла меня к тебе пробраться.

– Поэтому ты здесь?

– Да. А Саммер...

– Я бы все равно не стал есть эти потрясные сэндвичи из чужих рук. Только из твоих. Даже если они отравленные, – и рассмеялся. – Я помню ваши вилы, миссис Смит.

– Я помню вашу точилу, мистер Смит!

– Произвела впечатление?

– Еще бы! – хохотнула Амелия, но тут же замолкла и приложила палец

к губам: – Доброй ночи!

Дверь тихонько открылась. Девушка выглянула в коридор – никого. Вставила отмычку в замочную скважину...

– Эй! Постой! – громким шепотом приказал Сэлл.

Амелия вздрогнула и замерла.

Сверток с сэндвичами уже лежал на прикроватной тумбочке, а парень, вскочив с кровати, в два прыжка преодолел пространство комнаты и как-то совершенно неожиданно оказался рядом. Рядом с Амелией...

Сердце забилось рвано, неровно – то подпрыгивая к горлу, то проваливаясь в бездонную пустоту. Темнота вокруг стала растворяться, воздух будто сделался мутным, заметным, а тишина превратилась в тонкую звенящую струну.

Их губы оказались слишком близко. Сбивчивое дыхание обожгло кожу. Пьянящее чувство подкосило ноги, закружило в своем водовороте так, что Сэллу даже пришлось прикрыть глаза, но...

Вдруг он опомнился. Отступил на шаг назад. И сказал то, что собирался сказать:

– Не запирай меня, – не произнес, прошелестел.

Рука Амелии дрогнула. Отмычка, брякнув, упала под ноги.

Без пяти два пополуночи. Все уже спали...

Никто не мог узнать про ночных нарушителей порядка.

Кроме дежурного...

Но, к счастью, это была не миссис Пафф.

Глава 43

Шейла

Руку тянуло с той стычки с Клеменсом – казалось даже, что пальцы немного припухли. Шейла невольно старалась беречь ее, не напрягать лишний раз. Хорошо, царапин не было. К чему ей лишнее внимание? «Впрочем, химик всегда может обжечься реактивами», – думала она и тихонько массировала пальцы, прогуливаясь по коридору.

Сегодня Шейла дежурила на этаже парней. Как назло, миссис Пафф уехала вечером до отбоя по каким-то срочным семейным делам, поэтому рассчитывать на ее помощь или светскую беседу не приходилось. Но мисс Норрис любезно предложила взять в помощники Клеменса. Естественно, Шейла отказалась, пообещав, что со всем справится самостоятельно. Чего толпой ходить? Комнаты заперты – сиди себе в комнате отдыха и наслаждайся тишиной и покоем. Шейла, конечно, сказала это директорисе не такими словами, но по смыслу примерно похоже.

Можно было поспать: прилечь, свернувшись калачиком в глубоком, почти домашнем кресле. Или почитать книжку. Но, в сотый раз обшарив все углы, Шейла осознала, что не сможет насладиться одиночеством, ведь нельзя насладиться тем, что стало уже твоей сутью, навязанной ролью.

Девушка завязала было по привычке мысленный диалог с братом, но потом решила: все, хватит! Не с Брэдом она так общается, а сама с собой. Но оставаться в стенах, где еще недавно жил близкий человек, Шейла не могла. Поэтому вышла в коридор.

Прошла мимо запертых дверей, прислушиваясь к тишине. Выглянула в окно, посмотрела в бездонное небо. Звездный свет пробивался как сквозь прорехи – именно так любая правда рано или поздно проедает ложь. Интересно, когда станет хоть немного ясно, куда же все-таки делся

Брэд?

В конце коридора раздались непонятные звуки. Было слишком темно, чтобы разглядеть, что там происходит. Шейла почувствовала, как похолодели руки и ноги. Кожа покрылась мелкими мурашками. Захотелось втянуть голову в плечи и спрятаться.

Лишь мысль, что все комнаты заперты и звук скорее послышался, а воображение не в меру разыгралось, помогла удержаться на месте, не припустить к себе в блок, словно трусливая девчонка-малолетка.

Вроде пока не Хеллоуин. В привидения Шейла не верила. Да и вообще считала, что бояться надо людей из плоти и крови, а не призраков. Так, приводя себе здравые аргументы, отклеилась от окна и двинулась туда, откуда теперь уже не доносилось ни звука.

Запертые двери. Тишина. Только собственные приглушенные шаги. Шейла решила дойти до самого конца коридора. Говорят, ходить полезно. Девять тысяч шагов в день. Можно и больше. Она насчитала пятьдесят четыре шага, когда снова услышала какой-то тихий скрежет. Одна из запертых дверей распахнулась. Из нее шмыгнула девушка – кажется, Амелия Грин? Та самая, приехавшая одной из первых. Все норовившая соблазнить мистера Мелларка, а когда он не поддался чарам, обвинившая в нетрадиционной ориентации.

Нашла себе новую жертву? Более сговорчивую...

И у кого же расшалились гормоны?

Селестин Уэст? Правильно, это же его комната!

Шейла заметила, что не только она пялится на юношу и девушку, но и они на нее. Застыли тремя истуканами, словно от взгляда горгоны Медузы.

– Эм-м, – протянула, соображая, что бы сказать такого нравоучительного, но в голове не появилось ни одной педагогичной фразы.

Грин что-то нервно теребила в руках – связку ключей, что ли? Хорошо подготовились к началу учебного года.

Шейла передернулась. Она в семнадцать-восемнадцать ни о чем плотском и не думала, пожалуй. Во всяком случае, специальных планов не строила. А здесь – отдельная комната, ключи...

– Мисс Грин, не находите, что сейчас поздновато для светских визитов? – процедила Шейла. – Возвращайтесь на свой этаж и ложитесь спать.

Девушку тотчас как ветром сдуло. Шейла мрачно взглянула на Уэста, опустившего голову. Странный вид для счастливого любовника.

– Думаю, мы оставим все в секрете, Селестин? И для вас, и для меня это самый лучший вариант, – холодно отчеканила Шейла, невольно

отметив, как парня бросило в краску.

Она, не зная, что еще можно сказать, круто развернулась и пошла обратно. Надеялась, что Уэст закроется внутри, но он, будто собачонка, сорвался с места и рванул за ней, за Шейлой.

– Я – Сэлл! – выкрикнул в спину, а потом, почти догнав: – Я все объясню.

– Ничего не надо объяснять!

В груди Шейлы клокотало недовольство. Хотелось прибавить шагу, заставить этого мальчишку замолчать и одновременно заставить наконец объяснить, что ему от нее нужно, зачем преследует ее с самого начала их знакомства? Двойное такое желание. И не поймешь, какое желание сильнее.

Чтобы разобраться в себе, Шейла не нашла ничего лучшего, как заскочить в комнату отдыха и закрыть дверь. Для верности девушка еще и подперла ее собственной спиной и стояла, тяжело дыша, словно после марафонского забега.

Уэст толкнулся. Не сильно. Но Шейла почувствовала.

– Откройте.

– Ночь, молодой человек, и вам пора спать. – Она старалась, чтобы голос звучал ниже и солиднее, чем обычно.

– Давайте поговорим! Нам *пора* поговорить! – настаивал парень.

– Не о чем нам с вами разговаривать.

– Я не желаю вам зла! – Он все повышал голос, и Шейле казалось, что все уже должны проснуться, завозиться в своих комнатах, прильнуть к замочным скважинам. – Я должен знать! И вы должны знать! Что вы... Вы мне очень нравитесь. Как... девушка...

– Я?! – Она распахнула дверь – только чтобы действительно не разбудить всех учеников, – и Уэст едва не ввалился в комнату. – Вы в своем уме?

– Абсолютно! – просиял он и сделал какое-то невообразимое движение руками. – Я знал, точно знал, с самого первого дня!

– Вы сошли с ума, Уэст. – Шейла скрестила на груди руки. – Еще раз повторяю, идите спать. Если мне не изменяет память, вас и так периодически наказывают за всякие выходки. Давайте вы оставите при себе свои чувства, а я сохраню в секрете все ваши амурные дела и ночные похождения.

– Какие дела? – Его счастливо-глупый вид не мог не действовать на нервы. – Вы про Амелию? – Он кивнул неопределенно в сторону. – Амелия друг. Она классная!

– Мне все равно, кто для вас мисс Грин. Но, прошу, перестаньте

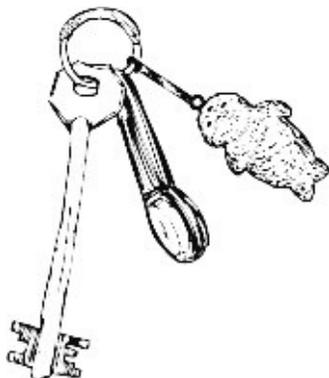
преследовать меня. Если вдруг вам что-то показалось...

– Показалось? – Сэлл опять повысил голос и схватил Шейлу за плечи. – А это мне тоже показалось? – Он вдруг склонился и поцеловал ее горячими сухими губами.

Глава 44

Сэлл

Она не дернулась, не закричала, не ударила – просто обжигаяще уперлась ладонями в грудь Сэлла, растерянно отпрянула и закрыла дверь перед самым его носом. Мягко, но уверенно. Оставалось только привалиться спиной к холодной стене и стоять, боясь любого неосторожного движения, собственного движения, чтобы не вывалиться обратно в реальность. Сэлл даже в мечтах не смел представлять этот поцелуй – все как-то самой собой получилось, – и теперь он ругал себя, ругал Мелларка, Амелию и всевозможные обстоятельства... Но тут же ухмылялся, улыбался, дергал головой, сжимал и разжимал пальцы рук – напряженные, приятно зудящие – и глупо, по-детски жмурился. И кто бы знал, что это невесомое, почти космическое состояние так скоро развеется.

В лаборатории, как обычно, пахло реактивами, горючим и осенью – сырой, прелой, пронизывающей, – без спроса ворвавшейся в открытое окно у преподавательского стола. Гейл Мелларк, низко склонившись над рабочим планшетом, делала какие-то заметки, вероятно, относящиеся к предстоящей лабораторной работе. Сэлл пристально посмотрел на нее, надеясь, что та поднимет глаза в ответ, но преподаватель только сменила положение руки и снова принялась записывать всякие формулы.

– Эй, Уэст! – толкнул кто-то в спину.

Сэлл обернулся. Другок Лохматого – ушастый Кайл Беркер, худощавый парень с выдающимся кадыком и черным пушком над верхней губой, – который всегда предпочитал отмалчиваться.

Ничего хорошего от тех, кто прислуживает и действует по сценарию самодовольного придурка, ожидать не стоило, поэтому Сэлл, не ответив,

свернул между рядами, чтобы пройти к своему месту. Но путь ему преградили...

– Не откликаешься на фамилию? Прозвище Дристомет тебе больше нравится? – загоготал Лохматый. – Кайл, ну-ка, оклихни его по-другому!

– Эй, Дристомет! – послышалось за спиной. Не совсем уверенно, однако достаточно громко. И Сэлл почувствовал, как слева и справа от него замаячили любопытные рожи.

– Ну что, Дристомет, – сощурилась самая ненавистная. – А ты, оказывается, не только по коням специализируешься, – противно улыбнулся лохматый и кивнул в сторону Мелларка. – Ты у нас еще и заднеприводный.

Гейл вздрогнула, подняла испуганный, пронизанный страхом и болью взгляд, занервничала, засуетилась, старательно делая вид, что не расслышала, а просто готовится к модулю. А Сэлла как по рукам и ногам скрутили.

Он стоял в одном шаге от Лохматого. Мог замахнуться, врезать ему, расквасить физиономию, забить до смерти ногами, стулом, тем, что под руку подвернется, – сейчас бы с ним никто не справился. Это был не Селестин Уэст, а дикий зверь, в котором кипела злость, пропитанная несправедливостью. Но Сэлл даже не пошевелился. Не мог он подставить под удар девушку. Девушку, которую полюбил, которой обещал, что не причинит ни зла, ни вреда, которую нельзя было выдать ни при каких обстоятельствах.

– Что, Сэлл? – хмыкнул Лохматый и заржал, обращаясь к своим дружкам. – Похоже, петушок потерял свой гребешок? Замахнулся на фазана да просчитался?

Получается, они видели... Видели, как Сэлл поцеловал Мелларка, а потом остался за захлопнутой дверью в коридоре... Но как?

– Так ведь было? – не унимался Лохматый. – Или Колин что-то напутал?

Колин? Ну все, понесло паренька ради славы...

– Так, Колин? – ткнул его локтем в бок Кайл Беркер, который стоял рядом. – Ты слышал ночные признания Уэста в том, что ему нравится Мелларк, как девушка?

– Ага... – кивнул тот, не поднимая глаз.

И вся тусовка следопытов разразилась смехом.

Но тут пронзительно, истерично вдруг закричала Зубатка:

– Ну и что, что он – гей! По-вашему, геи не люди, что ли?! – рванула свою сумку со стола и, разрыдавшись, выскочила в раскрытые двери

аудитории.

Ну Саммер! Ну и дура!

Раздался звонок на модуль. Все обернулись на Мелларка. Гейл схватилась за телефон, судорожно заскользила пальцем по сенсору, а потом... вместо того чтобы начать модуль, спешно покинула лабораторию, и через мгновение ей на смену пришла миссис Пафф.

– Смотрите в листы и пишите! – рявкнула с порога она и суетливо, сотрясая пол грузными шагами, пробралась за преподавательский стол. – Что за сборище посреди модуля! – и с грохотом плюхнулась на стул.

Толпа покорно, но все же злорадствуя, разбрелась по лаборатории. Сэлл сел на свое место, рядом с Амелией. Та ошарашенно смотрела на него несколько минут, а потом взяла за руку.

– Сэлл, – произнесла сочувственно, но тут же замолчала.

– Все нормально, – буркнул парень, надел перчатки и придвинул к себе пробирки и пузырьки.

Модуль прошел в полной тишине и тугом напряженном молчании. А когда Амелия сделала последнюю запись на листах, Сэлл подхватил ее и свою работы, положил их на стол перед миссис Пафф и последовал примеру Зубатки и Мелларка.

Он один во всем виноват!

Бедная Гейл... Что теперь на нее обрушится, какие сплетни, какие недвусмысленные взгляды? И хотя они не имеют никакого отношения к настоящему, он, Сэлл, бездумно приложил усилия к тому, что фамилия Мелларк теперь будет звучать в стенах школы громче и чаще, привлекая внимание к ее персоне. А ведь она не просто так пришла в это место под видом молодого преподавателя. Что-то заставило девушку сделать такой отчаянный шаг! А он... вот так... запорол все, что она выстраивала, зарабатывая себе приличную репутацию.

Сэллу хотелось разыскать ее сейчас же, во что бы то ни стало, пасть на колени у ног, целовать руки, молить о прощении... Но только теперь ни объясняться, ни разговаривать было нельзя. Вообще. И лучше даже не пересекаться. Не ходить на химию. Не подогревать тему для разговоров. А то и просто исчезнуть!

Грохнув дверь, ведущей из учебного корпуса в жилой, Сэлл оказался в небольшом полутемном тамбуре, в котором, видимо, совсем недавно перегорела лампочка – раньше-то было светло. Схватился за ручку второй двери, собираясь вырваться из полумрака в переход-галерею, как вдруг кто-то аккуратно тронул его за плечо.

– Селестин... То есть Сэлл, – послышался голос Гейл. – Спасибо!

Спасибо, что не выдал меня.

Сэлл растерялся, хотел сказать что-то, но...

– А теперь иди. Иди, пожалуйста! – взмолилась девушка и легонько подтолкнула Сэлла в плечо.

Тот покорно выскочил из тамбура.

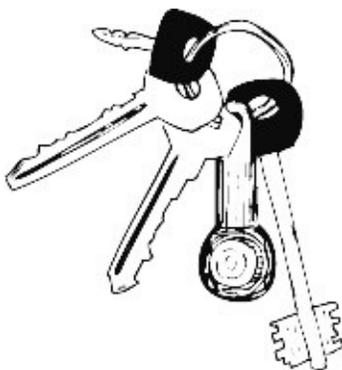
– Спасибо, – прошептала еще раз. – И прости меня...

Но Сэлл уже был в галерее и не мог ее слышать.

Глава 45

Амелия

Да что вообще происходит?

Кругом творилось полное сумасшествие, а Амелия даже понять не могла, как реагировать и что делать, ведь случившееся, конечно, бред.

Какие еще ночные признания? Почему Уэст и Мелларк? Может, придурок Колин подслушал, как Амелия с Сэллом болтали в дверях? А так как ночью по коридору мог бродить только дежурный преподаватель, а уж тем более отпирать комнаты, вот он и сделал выводы.

Но признаний там точно не было. Откуда бы им взяться? Зато Мелларк был, и Амелия торопливо смылась, не дожидаясь финала истории. И что? И потом...

Да не-е. Бред бредовый!

Хотя Мелларк сразу задергался, услышав вопли Паркла, и трусливо сбежал, прислав вместо себя миссис Пафф. Ну он-то – ладно. Но Сэлл!

В принципе Амелии все равно, какой он – ее мнение не изменится в худшую сторону. Но быть же не может! Черт! Она просто чувствует, слишком хорошо чувствует, что Сэлл...

А-а-а-а! Мозги вскипают. Еще и эта тупая курица Сам-мер подлила масла в огонь своими громкими лозунгами про толерантность. Она совсем ничего не соображает?

Амелия еле пережила этот модуль, даже старалась лишний раз не смотреть на Сэлла, чтобы не смущать его недоумевающим взглядом. Хотела потом спросить напрямую. Но он тоже сбежал, слишком стремительно. И такое чувство, что не собирался ничего никому объяснить.

Тут, конечно, не до французского и литературы. К черту все занятия!

Забиться бы в укромное местечко и в тишине и покое привести мысли в порядок. Не разобраться – это вряд ли получится, – а хотя бы немного успокоиться.

Амелия задумчиво шла по коридору, не обращая внимания, что творится вокруг. Густая толпа начинала редеть, растекаясь по кабинетам. Кто-то назидательно вякнул в спину:

– Мисс Грин, поторопитесь! Модуль уже начался.

Ага. Разбежалась.

– Мисс Грин!

– Сейчас.

Чтобы скрыться от назойливого взгляда, Амелия свернула на лестницу. Этот пролет вел вверх. Ну и ладно. Амелия взбежала по ступенькам, но не стала выходить на следующий этаж, а двинулась дальше. Туда, где была дверь на крышу. На крыше точно пусто.

Амелия уселась возле стены, спрятавшись от ветра, но побыть одной в тишине и покое так и не удалось.

Дверь хлопнула, слишком громко и резко. Кого принесло-то? Неужели обиженная француженка ломанулась следом, чтобы силой притащить Амелию на свой модуль?

Нет, не она. Чучело.

Давится соплями и рыданиями, движется еле-еле, ноги заплетаются, но все равно уперто шкандыбает от дверей и прямо вперед. А что впереди? Пропать.

О-о-о! Неужели? Чучело хочет... Да ну, не решится. Слаб. Не сможет. А если?

Амелия взвилась с места, словно ее подбросило, швырнуло в нужную сторону.

– Саммер!

Чучело вздрогнула. Всем телом. Как будто ее электрическим токомшибануло. Развернулась медленно, скользнула по Амелии отрешенным взглядом...

– Ты чего тут? – Амелия подскочила к Саммер, на всякий случай ухватила за рукав покрепче. А та уставилась ей прямо в глаза, сначала напряженно и недоверчиво, потом почему-то умильно. Шмыгнула носом, всхлипнула и...

Обхватила руками, навалилась всем весом, взвыла:

– Ы-ы-ы-ы!

От неожиданности и оттого, что чучело не совсем уж худышка, да и центр тяжести неудачно сместился, Амелия не удержалась на ногах и

плюхнулась на попу. Саммер, не отлипая, по-прежнему висела на ней. Рыдала в голос, восклицала, давясь словами и заикаясь:

– Ну почему? Почему-у?

О боже!

– Я знаю, что я уро-одина. Но разве я виновата? Что така-ая! – Чучело вздрагивала, уткнувшись Амелии в плечо, обильно поливала его слезами. – Я не винова-ата. И почему всем только внешность важна-а?

Сначала Амелия закатила глаза, скорчила дурацкую физиономию, потом смирилась. Саммер обнимала ее с такой силой, что даже шевельнуться толком не получалось. И не отдерешь, и не прикрикнешь – как-то непорядочно.

Жутко хотелось, чтобы хоть кто-то разделил с Амелией эту благородную миссию – выслушивать стенания чучела. Но желающих не находилось. Никто и не думал поднимать голову вверх, смотреть, что творится на крыше. На стадионе наворачивали круги и кучковались вокруг ямы для прыжков в длину. Остальные наверняка торчали в учебных кабинетах. И студенты, и преподаватели. И только...

Как интересно!

Амелия уловила двигавшуюся по одной из дорожек сада знакомую фигуру. Сначала директриса типа прогуливалась, вертя головой, потом сошла на газон, приблизилась к густым зарослям декоративных кустов у самой ограды и, еще раз оглядевшись, шмыгнула в них.

И чего ей там понадобилось?

Даже завывания Саммер отошли на второй план. Амелия ждала, что произойдет дальше.

А ничего не происходило. Директриса исчезла и больше не появлялась.

Залегла там?

– Ы-ы-ы-ы-ы! – опять на высокой ноте выдала чучело, дернула головой и легонько въехала макушкой Амелии в подбородок. Или не макушкой. Но получилось чувствительно. Во всяком случае, внимание переключилось.

– Меня никто не люби-ит. Совсем никто-о. А парни... они... они во мне даже девушку не видят. Ну почему-у? И Брэд не замечал. И Сэлл. – Произнеся это имя, Саммер зарыдала с удвоенной силой. – Сэ-элл!

Она стиснула Амелию еще сильнее, буквально вжалась ей в плечо, а та понятия не имела, что делать. Первый раз оказалась в подобной ситуации.

Неуверенно протянула руку, похлопала чучело по спине:

– Да ладно тебе. Чего так убиваться-то?

– Ты не понимаешь! – завопила Саммер с обидой. – Ты красивая. Очень красивая. Не то что я! На тебя все парни пялятся.

Амелия фыркнула:

– Ну пялятся, и что? Когда слюни пускают, когда просто хотят, при чем тут любовь?

Саммер сердито хлопнула, возразила упрямо:

– Ну и пусть. Даже если так. Сначала слюни пускают, зато потом... Потом поймут и тоже полюбят.

Вот ведь святая простота. Или неисправимая глупость. Амелия даже придумать не в состоянии, что ответить на такое.

Но Саммер и не нужны были ответы – уже перескочила на новую тему:

– За что? Почему мне так не везет? Я ведь в него по-настоящему влюбилась. В Сэлла. Я же старалась. Задание ему приносила. Я думала, все получится. А он... он...

Тут слова нашлись сами и легко вырвались наружу.

– Да что «он»? – возмутилась Амелия. – Веришь всякой ерунде. Ладно те придурки, но ты зачем туда же? Нашла что орать: «Гей! Гей!» Его и так эти уроды без конца цепляют. А им только лишний повод дай.

Вот зря Амелия такое сказала. Точно зря. Вечно ляпнет, не подумав. Хотя и подобной реакции от чучела она никак не ожидала: та отпрянула, впилась взглядом в лицо Амелии, спросила, раздув ноздри:

– Это все из-за меня? Это я виновата?

Амелия и рот открыть не успела, как Саммер уже стремительно подскочила и снова бросилась к краю крыши.

Да что за фигня?!

Амелия рванула следом, прямо с низкого старта. И тут же мысль прошла: «Не успею!», но только добавила сил и будто толкнула вперед. Так что за один прыжок она нагнала Саммер – на последнем метре! – схватила за руку, дернула.

Чучело резко развернуло. Она врезалась в Амелию, сбила ее с ног, и девушки одновременно рухнули на покрытие, растянулись во весь рост. Ну... то есть Амелия растянулась, а Саммер не просто лежала – наполовину висела. Ноги болтались за краем. И стоило чучелу это осознать, она завизжала истошно.

Что, уже передумала умирать?

Амелия вцепилась ей в плечи.

– Да не ори ты! Никуда не денешься. Держу я, держу!

Черт! Где все эти любопытные зеваки, возникающие неизвестно откуда, стоит только запахнуть жареным? Где ревностные блюстители

порядка? Почему никто не видит по-настоящему важного? Представление-то у всех на виду – на крыше! Почему директриса шныряет по кустам и исчезает в неизвестном направлении, вместо того чтобы следить, что творится у нее под носом? А Амелия не нанималась в доблестные спасатели. Тем более для всяких там тупоголовых чучел.

Она потянула Саммер на себя, подальше от края.

– Да поднимайся ты уже! Даже если очень захочешь, не свалишься.

Дверь хлопнула, раздался гулкий топот.

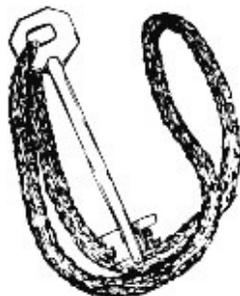
Он все приближался и приближался, отдаваясь вибрацией в поверхности крыши.

Ну наконец-то!

Глава 46

Элейн

Лет десять назад Ло решила, что мне надо пообщаться с психоаналитиком. Не знаю. На мой взгляд, все было отлично. Я занималась любимым делом, жила в своем доме и чувствовала себя если не счастливой, то вполне довольной и уверенно стоящей на ногах. К чему ворошить прошлое? Зачем поднимать со дна памяти всю муть, что осела, заилилась и не причиняет никакого беспокойства?

Но Ло, видимо, считала иначе. Ей казалось странным, что я ни с кем не встречаюсь, веду уединенный образ жизни и вообще... Хотя, на мой взгляд, у сестры проблем было гораздо больше. Гораздо! Но я оставляла за ней право распоряжаться своей жизнью... И моей. В конце концов, она – моя сестра, единственный близкий мне человек, ради меня совершивший преступление.

Или не так – самосуд!

Психоаналитик беседовал со мной пару раз в неделю. Я ездила к нему сама. Рассказывала. Если не могла вспомнить, то придумывала более-менее логичную историю. Он был доволен. Записывал наши беседы на диктофон. Несколько лет. Какая, должно быть, гора файлов образовалась!

Несколько раз он приглашал меня на ужин. Ничего лишнего. Просто тихая музыка и отличная еда. Платили каждый за себя.

А потом я узнала, что все кассеты наших встреч хранятся у Ло. Все до одной. В сейфе.

Все...

Ждать подвоха от сестры неправильно. Я и не ждала. Когда ей случалось заболеть, я прикрывала ее. Не выпячиваясь. Не внося смуту и неразбериху. Я спокойнее Ло. И у меня голова болит не чаще, чем у нее! Я – нормальная. Нормаль-на-я! А сестра любит выпить. Забыться на

несколько дней, потом встряхнуться, как птица Феникс, ожить и порхать по жизни дальше. Но я же не веду ее к психоаналитику.

Пожалуй, те, кому действительно к нему надо, туда не идут.

Я спустилась к Шону. Подтолкнула контейнер с едой ближе. – Тебя водили к психоаналитику?

– Чего?

– На месте твоей матери я бы это сделала еще в раннем детстве.

– Кто бы говорил.

Сегодня он уже язвит, гаденьш!

Вчера я только и делала, что таскала ему бульон. Весь скормила.

Шон так кашляет, что стены дрожат. Похоже, я переборщила с водными процедурами. А жаль, это единственное, чем я могу влиять на него. Теперь одежда матери так и лежит в одной куче. Он прожигает меня взглядом, когда я приказываю надеть платье или примерить костюм, и даже не думает выполнить.

Ничего, я придумаю, как мне добиться послушания!

Он – выходец из ада. Прошел его круги, вылез наружу и тут же отправился на поиски новой жертвы!

Я хорошо помню день, когда вновь встретила Шона. Мне даже не надо продирается сквозь головную боль.

Ло в очередной раз спала беспробудным сном после крепких возлияний. Взяв ключи и переодевшись, я пришла в школу. Там готовились к какому-то празднику. Галдели, сновали по коридорам. Еле удалось дойти до кабинета. Да и то, эта навязчивая толстуха пыталась остановить меня пару раз по какому-то надуманному поводу. Я кивала, особо не вникая, потом захлопнула за собой дверь, чтобы эта прилипала не сунулась следом.

В кабинете Ло царил полумрак. Работал кондиционер, и поэтому казалось довольно прохладно. Я опустилась в кресло, пожалев, что тут нет какого-нибудь пледа, обхватила себя руками и прикрыла глаза. Можно посидеть здесь с часочек, а потом уйти домой, сославшись на мигрень. Главное, что все видели: Ло в порядке.

Мерное жужжание вкупе с гулом из коридора подействовали как релаксант. И кажется, я задремала. Но окрик: «Шон! Иди сюда, говнюк!» – разбудил меня.

Сердце заколотилось до боли. Кожа покрылась мурашками и липким потом. Шон? Откуда он здесь?

Я не могла вырваться из дремотного состояния, нереальность окутала меня пеленой. И теперь мне не казалось, что в кабинете прохладно. Нет, стоял жаркий день. Тот самый, когда Ло ушла в библиотеку.

Мне. Надо. За ней!

Я, волоча ноги, словно каторжанин, добралась до двери, отперла и вышла в коридор.

Шон стоял напротив. Со своей вечной полуулыбочкой. Разговаривал с какой-то невинной овечкой, смотревшей ему прямо в рот.

Что это мой кузен, сомневаться не приходилось: прическа, рост, телосложение. И все повадки. И ему было плевать, что его зовет какой-то длинноволосый парень в конце коридора: «Шон! Шон!»

Этого не может быть! Мертвые не возвращаются. А если это случилось, то почему не с Патриком, не с родителями? Почему именно он?

Головная боль и дурнота обрушились на меня. Я, кажется, потеряла сознание. И очнулась уже в медблоке – возле меня крутились испуганная толстуха и докторша спортивного вида.

– Мисс Норрис! Мисс Норрис! – лопотала первая.

– Вам нужно отдохнуть. Похоже, вы переутомились, – наставительно твердила вторая.

– Да-да, – согласилась я. Пообещала, что, вернувшись к себе, приму лекарство и лягу спать.

Мне навязывали провожатого. Но зачем мне идти туда, где живет Ло? Возможно, я бы нашла ключи от ее квартиры на связке, только как бы это выглядело: стоит хозяйка и не знает, как открыть дверь? Нет, я все-таки отговорилась. Сказала, что полегчало, что пройду до реки.

Прошла. До дома. Шон мне не встретился. И, признаться, я решила, что мое воображение просто сыграло со мной злую шутку.

Спала я плохо. В доме оживали тени и воспоминания. Бессвязные крики Ло действовали на нервы. Мне хотелось убедиться, что Шона не было в школе, что он гниет под могильным камнем. Полистала ежедневник сестры. Ничего важного. Я справлюсь.

И наутро первым делом я принесла нераспечатанную бутылку виски и поставила ее на комод рядом с кроватью Опал. Зная пристрастия сестры, спиртное – стопроцентная гарантия, что она просидит дома, пока я буду ее снабжать им.

Дорога до школы, обычно занимающая у меня минут двадцать, показалась длиннее раза в три. Я все шла и шла по тропе, ныряла под ивовые ветки, в десятый раз проходила мимо реки – калитка ускользала от меня, словно во сне. Я уже пересчитала каждый камень у дороги, но ощущение дежавю не покидало.

Когда наконец показались забор и калитка, мне захотелось завизжать от облегчения. Всунула ключ в замок и поняла, что не закрыла вчера.

Конечно, состояние было... Лишь бы опять не навязалась толстуха! Не знаю, зачем Ло ее держит? Настоящий мамонт в юбке, а своей бесцеремонностью задавит любого.

Но мне встретился только садовник. Не помню, как его... Он начал работать еще при отце. И, по-моему, выглядел ровным счетом так же, как и сейчас. Садовник махнул мне в знак приветствия и зашагал дальше, подталкивая вперед одноколесную тачку.

Видимо, я пришла как раз во время перерыва между модулями. Во дворе было полно учеников: они сбивались в группы, делились своими секретами, смеялись, некоторые при виде меня вытягивались и таращили глаза. Похоже, Ло не слишком часто появляется в это время на улице.

– Мисс Норрис, – обратилась ко мне какая-то смазливая девица с кричащим макияжем, – я хотела бы уточнить решение по моему заявлению.

– Заявлению? – лихорадочно пытаюсь вспомнить, была ли какая-то отметка в ежедневнике сестры, я попутно оглядывалась по сторонам.

– Мой жених торопит меня с отъездом. Я бы доработала до конца учебного года, но...

– Мисс Розенберг!

Мы обе обернулись на голос ученика.

Меня словно ужалили: Шон!

Он скользнул взглядом по мне, даже, кажется, поздоровался, потом принялся что-то спрашивать у моей собеседницы.

Я не слышала ни слова – так у меня шумело в ушах.

– Я сейчас занята. – Розенберг (так, кажется?) приветливо улыбнулась этому притворщику.

Разумеется, она не знала, кто он на самом деле! Не видела в нем человека, истязавшего меня все мое детство!

– Подойди потом, ладно?

Итак, Шон мне все-таки не привиделся. Он живой. Полный сил. И вероятно, ищет новую жертву.

– Мисс Норрис? – Только заслышав чересчур подчеркнуто-вопросительные нотки, я сообразила, что девица обращается ко мне. – Что скажете?

– Если вам нужны хорошие рекомендации и приличное выходное пособие, потрудитесь доработать хотя бы этот учебный год. Где прикажете мне искать нового учителя в это время? – Я рисковала: вдруг эта мисс не учитель, а кто-то еще, но все обошлось.

Розенберг заволновалась, затрепетала, захлопала глазками.

– Да-да-да, конечно. Я так и сказала ему. А он мне: «За спрос денег не

берут». – Девушка слишком широко улыбалась, чтобы считаться искренней. – Хорошо. Я доработаю.

И она едва ли не бегом бросилась по дорожке: то ли пытаюсь скрыть истерику, то ли потому, что прозвенел звонок. Ученики рассосались. Шон, разумеется, тоже исчез. Я не проследила, в каком классе он обосновался. Интересно, Ло часто ходит с проверками? Помнится, наша директриса делала это еженедельно...

Оказывается, нынешняя жизнь сестры для меня – один большой пробел. Сейчас я могу только спрятаться в ее кабинете, делая вид, что занимаюсь какими-то бумажными делами.

Еще могу дождаться следующей перемены... И...

Я плохо помню, что делала в те дни. Они для меня – череда вопросительных знаков. Помню, что приносила сестре спиртное, а сама уходила на поиски Шона. Зачем? Чтобы исключить вероятность ошибки.

И конечно, я не промахнулась! Это был он: таскался со своим фотоаппаратом, зачастую находился не в компании, а чуть в стороне. Конечно, что ему от обычных людей? Они для него только жертвы.

Однажды я решилась. Надо было скорее что-то предпринимать, пока не случилось катастрофы! Тем более Ло вдруг взялась за ум – оставила бутылку нетронутой, а сама помчалась на прием к врачу.

Я пробралась в школу, точно зная, что сестры там нет. Шон рисовал, чиркая карандашом в своем блокноте, – разумеется, какую-то похабщину. А чего еще от него ждать?

Я попросила его помочь мне донести книги до дома сестры. Шон согласился, не заподозрив неладного. Я-то, в отличие от него, изменилась очень сильно! Он меня не узнал.

Мы шли по тропе. Молча. Хотя, может быть, и нет. Может быть, я задала ему пару вопросов. Или не пару... Плохо помню... А когда мы зашли в дом, не теряя ни минуты, вырубил гаденьша электрошокером.

Я уже и забыла, какой Шон тяжелый. Стаскивая его по ступенькам в подвал, кажется, даже потянула спину.

Но теперь я сильнее, чем он! Даже если на его стороне все демоны ада.

Глава 47

Сэлл

Странное дело, стоило только Сэллу «чихнуть», как толстозадая миссис Пафф оказывалась рядом: вопила, орала, угрожала, впивалась пальцами-сардельками в руку, тащила как буксир баржу к порту, к месту разгрузки. А стоило всей школе ополчиться против Сэлла, так эту слоницу с локаторами накрывали глухота и слепота. Она ничего не слышала, ничего не замечала, ни во что не вникала, а даже если буквально натыкалась на откровенные унижения, лишь тихонько побрякивала, обходясь общими фразами типа: «Совсем распустились!» или «Видели бы это ваши папаши!», но никаких конкретных мер не предпринимала.

Впрочем, Сэлл не ждал от нее помощи. Старался не вестись на оскорбления и словесные подначки, а держал голову высоко. Но где-нибудь в тихом уединенном местечке, где его не могла выследить ни одна живая душа, спускал пар, срывал зло на ни в чем не повинных предметах.

Сэлл стал чаще проводить свободное время в саду. За неспешной монотонной работой по уходу за впавшими в анабиоз растениями парень чувствовал себя значительно лучше. А по-свойски непринужденные разговоры с садовником заставляли забыть обо всем, что происходило, и возвращали его в прошлое, где он был вполне себе счастливым Сэллом Уэстом, занимавшимся любимым делом – в любую погоду носился верхом то на одном, то на другом коне по заливным лугам.

А в стенах школы он чувствовал себя изгоем. Нет, не тем, каким, по сути, являлся с первых дней пребывания, а другим – противным самому себе. Он вновь и вновь мысленно возвращался к той ночи, когда Амелия открыла его комнату... Когда, стоя с ней в полумраке коридора, только-только заметил третьего... Точнее, третью. Ее пронзительный взгляд, ее тонкие запястья, ее хрупкие плечи и едва дрогнувшие губы... Когда без

опаски выпалил признание... Когда поцеловал Гейл...

Тут же вспомнился несостоявшийся поцелуй – поцелуй с Амелией. И какое-то неведомое легкое волнение охватило Сэлла. Но не горячее, не жгучее, а, наоборот, едва уловимое, едва ощутимое. Интересно, как бы все вышло, если бы он все-таки поцеловал девушку? Может быть, они бы с Гейл разминулись, не встретились там, в коридоре, и все было бы как прежде – никто бы не смотрел косо на Мелларка, не пускал грязные смешки в его... ее сторону. Но Сэлл Амелию не поцеловал. Как жаль...

А теперь шарахался. Как дурак шарахался от Амелии, будто бы и впрямь поцеловал.

Если по отношению к Гейл внутри Сэлла образовывались катакомбы, рваные пустоты, дыры и раны, которые он нанес ей, то при малейшей мысли об Амелии Сэлла накрывала неудержимая волна стыда. Его волновало, что девушка думает о нем после всех этих слушков и насмешек, почему она смотрит на него так... Жалеет? Сочувствует? Нет, это плохие эмоции!

Нельзя девушке жалеть парня. Нельзя сочувствовать мужчине.

Нельзя, даже когда так...

– А ты актив или пассив? – Сэлл завязывал шнурки перед входом на корт, когда его обступила шайка языкастых. – Ну и как тебе, приятно такое внимание? – Лохматый противно оскалился и прошелся бейсбольной битой по пятой точке парня.

Сэлл выпрямился, резко развернулся, сжав кулаки, хотел замахнуться... Но кто-то сзади дернул его за шорты.

Толпа окружила парня тесным плотным кольцом.

– Ну что, приятно? – захохотал Лохматый. – Нет? Этого недостаточно? А хочешь... Колин кинет пару палок в твою задницу? Словишь кайф, Дристомет! Вы же так получаете удовольствие? Давай, Колин, не стесняйся, спускай штаны.

Вот гниды!

Одно мгновение – и Сэллу заломили руки. Удар в живот – согнули его пополам. В глазах помутнело, потемнело, показалось, что Сэлл падает в бурлящую черную бездну...

И вдруг – голос Амелии:

– Вы че, уроды?!

И те самые вилы в ее уверенных девичьих руках.

– Заколю, твари! Заколю всех! Тебя, Паркл, в первую очередь!

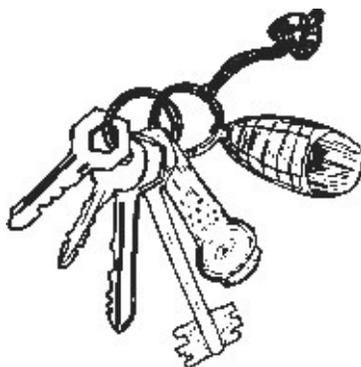
Лохматый сглотнул, почувствовал кожей острые зубья садового инструмента.

– А ты будешь вторым, Кайл. – Она на секунду перевела свое оружие на другого. – И тебе достанется, Колин! Твою мать, будь ты неладен! Но сначала я прикончу Паркла. – И снова направила вилы на Лохматого. – Ты сдохнешь в ногах Сэлла, Паркл Льюис! – Ткнула его в грудь и процедила сквозь зубы: – Проси прощения, прид-дурак!

Глава 48

Шейла

Шейла не спала уже больше двух суток – не могла. Под глазами залегли синие тени, лицо осунулось, еще четче обозначив скулы. Волосы топорщились ежиком, не желая укладываться.

Сначала девушка боялась, что кто-то из двоих ее заложит: или Сэлл, или Клеменс.

Но проблема оказалась как раз в том, что все продолжали считать ее Гейлом Мелларком, молодым учителем химии! Уэста славил на каждом углу, подначивали и нападали, как своры диких шакалов на раненого волка. А он молчал. И Клеменс тоже молчал. Хотя был в курсе всей этой травли. Улыбался. Получал удовольствие, наблюдая, даже айпад отошел на задний план.

Может, признаться самой? Рассказать все как есть? Мисс Норрис должна понять.

А как же Брэд?

Шейлу метало и штормило. На одной чаше весов брат, на другой – неплохой, в сущности, парень Селестин Уэст. Пожалуй, пересекись с ним Шейла в другой ситуации, он бы мог ей очень и очень понравиться. Даже несмотря на то что младше. Девушка до сих пор ощущала на коже невесомое прикосновение горячих губ – не смыть и не забыть.

Прости, Брэд!

Шейла схватила свои настоящие документы и рванула к кабинету директрисы. Наверняка она уже на месте. Мисс Норрис – ранняя пташка.

Но на стук никто не ответил. Потоптавшись у двери какое-то время, Шейла решила вернуться после своего модуля. Правда, он стоял

четвертым, у первокурсников, а до него – километры вечности, которые надо было как-то преодолеть. Но как? Девушка понятия не имела.

Прошлась по саду. Обошла стадион, на котором прямо с утра начинались тренировки. Наверное, уехав отсюда, Шейла будет скучать. Похоже, придется смириться с тем, что в деле исчезновения Брэда следует положиться на полицию. И выслушать... Чего только не выслушать от отца, который наверняка уже знает, что она взяла академический отпуск. Его хорошая девочка, его надежда, и вдруг – бунт на корабле.

Обогнув здание школы, Шейла увидела отъезжающую машину мисс Норрис. Черт! Не бежать же за ней по дорожке в надежде, что успеет притормозить перед воротами.

Девушка посмотрела на часы: модуль через час. Остается надеяться, что директриса уехала ненадолго и скоро вернется.

Стоя посреди двора, Шейла почувствовала на себе чей-то взгляд и огляделась, но никого не увидела. Если только кто-то следил за ней из окна. Представив, что это может быть Уэст, девушка неожиданно для себя покраснела.

Пожалуй, лучше вернуться в здание.

Шейла дошла до своего кабинета. Пытаясь отвлечь себя от мыслей о предстоящем разговоре, принялась смешивать химикаты. Подростки любили опыты. Особенно шумные и эффектные.

Колба словно сама собой разлетелась на подставке, раздался громкий хлопок, и пошел зловонный дым. Шейла опешила. А мгновение спустя сработала пожарная сигнализация.

Трясущимися руками убирая следы своего «преступления», Шейла размышляла, повредит ли случившееся ее чистосердечному: вот она сначала устраивает переполох на всю школу, а потом вдруг признается, что работает по фальшивому диплому, по поддельным документам, выдавая себя – о ужас! – за мужчину.

Брэд, ну что там у нас впереди?..

– Мистер Мелларк? – вездесущая Пафф, конечно же. – Господи, как у вас тут задымлено! Вы в порядке?

Толстуха весьма проворно подскочила к окну и распахнула створки. Окинула взглядом разрушения, но ничего не сказала.

– Не стали торопиться на улицу? И правильно! – Казалось, что она разговаривает с малышом. – У нашей сигнализации свои причуды.

– Это я, – выдавила Шейла.

Но миссис Пафф помотала головой:

– Да что вы! Какой-то хулиган подпалил кнопку лифта на первом

этаже.

Девушка не понимала, толстуха пытается подбодрить ее так или взрыв и сработавшая сигнализации действительно просто совпадение. Во всяком случае... Будь что будет.

– Не знаете, мисс Норрис сегодня вернется?

– Должна, – кивнула миссис Пафф.

С помощью активной толстухи прибрать кабинет получилось гораздо быстрее.

Со звонком ввалились первокурсники. Кто-то тут же принялся жаловаться на запах, кто-то на открытые окна. Им было плевать на загруженного Мелларка. Для них это был только один из учителей – слишком молодой, чтобы его уважать, и слишком безликий, чтобы за ним тянуться.

Шейла провела модуль по инерции. Показала опыты, на этот раз без эксцессов. Время тянулось ужасно медленно. Все происходящее казалось осколком вечности, застывшим в янтарной капле. И сама Шейла застыла в этой капле – с чужим именем, в чужой роли, без Брэда.

Чтобы застать директрису наверняка, девушка пошла к кабинету мисс Норрис после обеда, попутно заметив Клеменса, – тот снова со скучающим видом пялился в экран своего айпада. Хорошо, что в собеседники больше не навязывается!

Дверь директорских кулуаров была приоткрыта.

Шейла уже хотела постучать, но почему-то остановилась, прислушалась. Внутри словно мебель передвигали.

– Где эти чертовы личные дела? – донесся недовольный голос мисс Норрис.

Странно.

Шейла все-таки постучалась.

Дверь распахнулась слишком резко, едва не ударившись с размаха о стену.

Опал Норрис? Или нет? Скорее, вторая. Та, что приходит сюда иногда непонятно зачем.

– Вам что? – «Директриса» постаралась собраться, даже сосредоточенно наморщила лоб.

Девушка нечасто видела кабинет начальства, но в таком виде он точно не представлял перед ней ни разу: по нему словно ураган пронесся.

– Я зайду позже, – попяtilась Шейла.

– Да-да, – кивнула «другая» Норрис. – Правильное решение. Позже. Сейчас я занята. Очень занята. – Она обвела рукой беспорядок и как-то

странненько хохотнула: – Ищу, знаете ли. Он говорит, что он Брэд... Похоже, все... спятил! Шон-помешался-рассудком. «Я – Брэд», говорит... Блефует, щенок!

Шейлу словно кипятком ошпарили.

– Что?!

Но «другая» Норрис и не думала отвечать. Она захлопнула дверь перед носом девушки и продолжила громить кабинет.

Шейла не знала, как быть. «Брэд» – звучало в голове пожарной сигнализацией, взывало и лишало способности мыслить хоть как-то критически. Наверное, надо куда-то звонить! В полицию? Или куда-то бежать за помощью?

Теперь время несло галопом. Девушка взглянула на циферблат – прошло полчаса. Именно в этот момент сестра-близнец директрисы шмыгнула из кабинета и понеслась по коридору, что-то бессвязно бормоча.

Нормальная ли она вообще?

Шейла припустила за ней. Через все здание, не обращая внимания на удивленные взгляды учеников и коллег, через весь сад! Но наткнулась на запертую калитку. Черт!

Девушка, не чуя ног, добежала до проходных ворот и выскочила наружу. Сейчас необходимо вернуться до тропы, но куда потом?

«Другая» Норрис не могла раствориться в воздухе!

Подхватив на берегу реки толстую тяжелую палку, Шейла бросилась вперед по едва уловимой тропе. Оглядываясь по сторонам, прислушиваясь, как охотник, упустивший желанную добычу, она все бежала и бежала.

Тропа, лениво тянувшаяся вдоль реки, вдруг резко свернула в сторону. Забор. Заросший сад. И дом...

Кажется, именно на его фоне была сделана та фотография: большая семья, девочки-близняшки...

Глава 49

Амелия

Зря Амелия отцу сказала, что останется в школе, что здесь в принципе нормально. Ничего не нормально. Уматывать надо было, пока он сам предлагал. Потому что сейчас стало еще хуже, чем вначале.

Раньше хоть какой-то смысл находился: во что бы то ни стало сделать так, чтобы ее выгнали. А сейчас? Даже болтовня Бриджет не развлекала. А Сэлл...

Черт! Тут вообще полный капец.

Нельзя девушке вмешиваться в разборки парней. Никак нельзя. Но и не вмешаться Амелия не могла. Когда Саммер примчалась с вытаращенными от страха глазами и, с трудом переводя дыхание, пробормотала:

– Они там опять... на Сэлла...

Амелия даже не задумалась:

– Где?

Пробегая мимо оранжереи, увидела знакомые вилы, прихватила, тоже особо не задумываясь.

Зато теперь они с Сэллом за километр обходят друг друга, отворачиваются, едва заметив. На химии Амелия и вовсе не появляется. Потому что – как? Она теперь для Сэлла хуже врага. Не просто стала свидетельницей очередного его унижения, а сама унизила, дальше некуда – заступилась за парня.

Дура с вилами! Нельзя было так поступать. Но и по-другому было нельзя.

В комнате сидеть невозможно, стены давят. А если окно распахнуть – слишком холодно. Тошно, хоть по потолку бегай. Но на улицу выйдешь – и

езде эти лица, взгляды, и на Сэлла можно случайно наткнуться. Вот если бы выбраться за ограду, окунуться совсем в другую атмосферу, не школьную. Пусть даже людей кругом будет так же много, но зато все они – совершенно незнакомые.

За ограду?

Когда Амелия выслушивала исповедь чучела на крыше, то видела, как скрылась в кустах директриса и долго не выходила. Ну не сидела же там в засаде, подсматривая и подслушивая. Или Амелия просто пропустила нужный момент, или...

Вдруг там есть дверь? В заборе. И выход наружу. И...

Хватит предположений!

Амелия вытащила отмычку из тайника, прихватила куртку и ринулась прочь из комнаты.

Теперь бы отыскать те заросли, не перепутать.

Амелия обошла учебный корпус, прикинула, где находилась на крыше вместе с Саммер, в какую сторону смотрела. Снизу все выглядело по-другому.

Но все-таки она отыскала нужные заросли. Раздвинув ветки, пробралась сквозь кусты, проскользнула вдоль стены.

И правда – дверь. Низкая и узкая. Кто повыше ростом, тому придется наклониться, чтобы в нее пройти. Металлическая обшивка кое-где покрыта ржавчиной, а вот замок во вполне рабочем состоянии. Открылся, пусть далеко и не сразу.

Прямо за дверью начиналась едва заметная тропинка. Просто трава чуть реже и ниже, чем по краям. Точно же по ней ходят, хоть и не часто.

Интересно куда?

Тропинка вывела Амелию к дому – довольно старому, большому и основательному и явно обитаемому. Никакого запустения и разрухи, сад более-менее ухожен, на клумбах и в вазонах на крыльце – цветы. Чисто и уютно, только вот тихо и безлюдно.

Амелия поднялась по ступенькам, подергала дверь – заперто. Надавила на кнопку звонка. Услышала, как внутри раздались мелодичные трели.

Собственно, от хозяев она ничего не хотела. Если только спросить, в каком направлении двигаться, чтобы хоть куда-нибудь попасть. Не бродить же бесцельно по округе. Можно, конечно, пройти по колее, накатанной колесами автомобиля, но тогда точно попадешь на шоссе. А что-нибудь еще здесь поблизости есть? Магазины, например, или кафешка? Или это единственный домик на всю округу, и до приличного населенного пункта топтать и топтать?

Вот засада! И домик выглядит странно. Зловеще не зловеще, но что-то в нем есть такое... жутко таинственное. Или это просто от скуки Амелия ищет интересное, придумывает несуществующие секреты. Обидно же – обнаружить выход и ничего особенного не найти, только старую домину. Ну и директриса не могла же ходить сюда просто так.

Так и не дождавшись отклика на дверной звонок, Амелия спустилась с крыльца, постояла в задумчивости: и что дальше? Возвращаться?

Вся польза от этой калитки только в том, что теперь Амелия сможет гулять по лесу. Или тут поблизости что-то еще имеется? Ну не могла же мисс Норрис тайком выбираться за ограду школы просто подышать свежим воздухом? Может, она ходила в гости к хозяевам дома? Тогда кто здесь живет?

В принципе Амелии все равно, но делать-то нечего. И возвращаться так быстро не хочется. А если еще немного поиграть в приключение?

Амелия снисходительно усмехнулась, на мгновение поджала губы. Ладно. Посмотрим, что здесь еще есть.

Она прошла вдоль стены и свернула за угол.

Ничего примечательного: клумбочки, декоративные кусты, неприбранный садовый инвентарь, шланг, змеей извивающийся по газону, пластиковые кресла и столик в беседке, тоже довольно старой. Тоска. Тишина и безлюдье.

– Эй!

От неожиданности Амелия чуть не подскочила, а вот сердце, наоборот, тяжело ухнуло и провалилось чуть ли не в пятки.

Слово прилетело откуда-то снизу. Как будто из-под ног. Но точно не из-под земли. Иначе бы прозвучало глухо, а тут ясно и резко, только слишком хрипло. А еще надрывно, словно крик утопающего.

– Эй! – еще раз.

Амелия завертела головой, посмотрела под кусты и под ноги тоже, потом перевела взгляд на дом. Увидела прямо над землей небольшое окно, скорее всего – подвальное. Металлическая ставня широко распахнута, но на нем еще есть решетка, и за ее прутья цеплялись пальцы. Обломанные ногти, костяшки в трещинах и ссадинах. Амелия неосознанно отступила, мурашки пробежали по рукам.

Да что это такое?

– Эй! Есть там кто-нибудь? – Голос дрожал, срывался. В нем смешались отчаяние и надежда. – Да отзовись же!

Последний крик, почти истеричный, вывел Амелию из оцепенения. Она шагнула к окну, присела на корточки. Но ничего умного в голову не

пришло, получилось только растерянно выдохнуть:

– Кто здесь?

Пальцы с решетки исчезли, а потом снизу донесся глухой звук, будто что-то упало или кто-то спрыгнул с небольшой высоты.

Сначала Амелия заметила тень – как та стремительно заскользила по полу, вырастая, – а после увидела и его.

Парень. Отросшие светло-русые волосы, одежда не по росту, босой. Вышел так, чтобы Амелия смогла его рассмотреть и чтобы он смог рассмотреть ее. Вскинул голову.

О боже!

Бледное осунувшееся лицо, длинная взлохмаченная челка, падающая на глаза. Взгляд – пылающий, лихорадочный, настороженный и напряженный, наполненный болью и надеждой.

Амелия задохнулась.

– Ты... – сглотнула судорожно, – ты почему там?

Парень ответил не сразу. Закусил дрогнувшие губы, тоже сглотнул и вдохнул глубоко.

– Я не знаю. – Опустил глаза, с отвращением скривился, вспоминая. – Она попросила помочь. Я думал, это мисс Норрис. Привела меня в дом. А потом...

– Ты – Брэд? – догадалась Амелия и, не давая пленнику продолжить, добавила на автомате, как всегда говорили в школе: – Который сбежал.

Парень опять взглянул на Амелию с негодованием и обидой.

– Я не сбежал! Я же говорю...

– Ну да, – поторопилась согласиться она.

В мыслях царила полная неразбериха. Даже представить оказалось невозможным, что он здесь, вот так, уже три месяца. Запертый в подвале! Как зверь в клетке. Или даже хуже. Если судить по его виду, по его взгляду. Да Амелия бы давно свихнулась!

Она так и сидела на корточках, смотрела на парня. На Брэда. И уже сама цеплялась пальцами за прутья решетки.

– Ты можешь меня выпустить? – спросил он осторожно. Слишком осторожно, словно боялся спугнуть. Не Амелию: возможность. А в глазах – с трудом скрываемая жадность человека, умиравшего от жажды много дней и наконец увидевшего воду.

– Я попробую! – воскликнула Амелия. – Подожди. – Выпрямилась и еще раз повторила: – Подожди, ладно?

Не потому, что он мог куда-то уйти (мог бы – давно бы ушел!), а потому, что ей придется исчезнуть из поля его зрения. Брэд не будет ни

видеть ее, ни слышать. Зато сможет подумать, что она совсем ушла. А она – нет, ни за что!

Или все-таки лучше побежать в школу, рассказать там о своей находке? Или хотя бы взять телефон и самой позвонить в полицию?

Нет, это долго! Объяснять, убеждать, что не придумала, упрашивать, чтобы поверили. Лучше сначала выпустить.

Если в школе собственными глазами увидят Брэда, уж точно не станут сомневаться. Да и ему наверняка каждая лишняя минута в тягость. Здесь не срабатывает «одной меньше, одной больше – без разницы». Каждое мгновение очень даже ощутимо. Тем более у Амелии есть чем отпереть дверь. Отмычка же с собой.

Главное, чтобы не объявился тот, кто запер Брэда здесь. Амелия так и не уяснила толком, кто это сделал. Мисс Нор-рис? Или кто-то другой?

Поднявшись на крыльцо, девушка еще раз осмотрела дверь, даже навалилась на нее – точно заперто. Возможно, ключ был спрятан где-то поблизости, в неприметной щелке или в одном из вазонов с цветами. Но Амелия решила зря не тратить время на поиски. Вытащила из кармана металлическую загогулину, вставила в замочную скважину, повертела, подвигала туда-сюда. Она уже приноровилась справляться с отмычкой, поэтому получилось быстро.

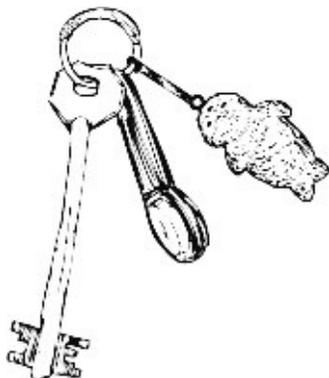
В замке щелкнуло. Амелия нажала на большую медную ручку, и дверь открылась.

А куда дальше?

Глава 50

Амелия

В холле сумрачно, окна задернуты плотными шторами. То, что находилось внутри, тщательно пряталось от посторонних взглядов. Правда случайно открылась через маленькое окошко в подвале. Ну еще и потому что Амелии не сидится на месте, всегда тянет на приключения. И они находятся, специально для нее. То вполне безобидные, то забавные, а иногда вот – жутковатые.

Лестница на второй этаж. Туда Амелии точно не надо. А под ней дверь. Может, на кухню, может, еще куда... Запертая. Тогда, скорее всего, в скрывающий тайну подвал.

На этот раз отмычкой пользоваться не пришлось. Связка ключей висела совсем рядом, на вбитом в стену крючке. Амелия попробовала один – не подошел, другой – угадала.

Девушка повернула круглую ручку, распахнула дверь. Вниз вела крутая лестница, последние ступеньки терялись в темноте.

Где-то должен быть выключатель. Тоже рядом. На стене, на уровне пояса.

Амелия нажала на клавишу, и внизу стало чуть светлее. Лампочка совсем тусклая, едва разогнала мрак.

Сразу прямо – еще одна дверь, с кошачьим лазом внизу. Амелия торопливо запрыгала по ступенькам, подошла совсем близко, прижала ладони к холодной металлической обивке, потом негромко постучала:

– Брэд! Ты там?

Слова, может, и не проникли сквозь дверь, но стук точно был услышан. Потому что почти сразу раздался ответный.

Похоже, Брэд все время стоял возле выхода, ждал. И наверное, с ума сходил от сомнений: придет Амелия или не придет, откроет или нет?

Девушка перебрала связку. Скорее всего, нужный ключ тоже на ней. Этим она отпирала подвал – значит, не подойдет, а вот этот вроде по форме замочной скважины.

Поворот, щелчок. Ну!

Амелия рванула дверь на себя и вздрогнула: Брэд оказался совсем близко. Стоял, прижимаясь к косяку, готовый выбраться как можно быстрее.

Девушка отступила, и пленник мгновенно вывалился наружу, рванул к лестнице. Амелия тоже развернулась, шагнула к первой ступеньке.

– Куд-да? – раздалось неожиданно. Сверху. Громом с небес.

Амелия вскинула голову и застыла. И Брэд замер.

Первое, что она увидела, – зловещий черный зрачок ружейного дула, смотрящий прямо на нее. Моргнула озадаченно, перевела взгляд на держащего оружие человека.

– Мисс... Норрис?

– Это не та. Другая, – тихонько произнес Брэд, ухватил Амелию за руку, потянул за спину, а сам сдвинулся вперед. Закрыл собой.

Амелия вцепилась в его рубашку.

Вообще-то она не привыкла ни за кем прятаться, но... никто никогда еще и не целился в нее. Маленький кружок, наполненный темнотой, притягивал взгляд. Гипнотизировал.

– Я не разрешала тебе выходить, Шон, – недовольно сведя брови, произнесла мисс Норрис. Которая «не та».

Да какая разница? Она была похожа на директрису. Очень. Прямо очень-очень. Разве что волосы уложены не так тщательно и аккуратно. И одета попроще, не в строгий изящный костюм. И почему-то называла Брэда Шоном.

– А это еще кто? – Ружейный ствол качнулся, указывая на Амелию. – Одна из твоих порочных подружек? Это она выпустила тебя?

Брэд молчал. Амелия видела, как тяжело он дышит, как грудь его вздымается и нервно подрагивают до предела напряженные пальцы. Это был не страх. Или, по крайней мере, не только страх – ненависть! Жгучая. Которую могло удержать только нацеленное оружие.

– Но тебе придется вернуться на место, – с нарочитой мягкостью проговорила мисс Норрис. У нее за спиной мелькнула тень, которую она конечно же не заметила. – А твою подружку...

Договорить мисс Норрис не успела. Теперь уже не тень, ясный

человеческий силуэт вырос позади нее. Взмах, глухой удар. Женщина охнула, покачнулась, завалилась назад и осела. Ружье выпало из ее рук, ударилось о ступеньку, съехало чуть ниже.

Амелия выдохнула, а потом удивленно моргнула.

Тот, кто оказался у мисс Норрис за спиной, кто ударил ее, – это был... Гейл Мелларк?

– Шейла? – ошарашенно пробормотал Брэд.

Кто?.. Что?.. О чем он?

Да бог с ним. Амелия потом разберется. А сейчас лучше поступить так, как кричал сверху Мелларк:

– Поднимайтесь! Быстрее!

Амелия подтолкнула Брэда и сама бросилась вперед, взвилась вверх по лестнице, перепрыгнув через ружье, через откинутую руку мисс Норрис. Успела заметить намокшую от крови прядь волос.

Мелларк поджидал за дверным проемом, развернувшись вполоборота, готовый скорее идти дальше. Увидел Амелию, заглянул ей за спину, видимо высматривая Брэда. Произнес:

– Наверное, надо забрать ружье? Лучше не оставлять его с ней.

Амелия кивнула, успев отметить: сейчас голос у Мелларка совсем другой, гораздо выше и звонче обычного. Женский.

Все так странно. Да еще эта «Шейла». То есть Гейл... вовсе не он?

Это... она?

С нужной мысли сбили раздавшиеся позади слова, произнесенные чересчур холодно и спокойно:

– Я уже забрал.

Амелия развернулась.

Парень стоял над мисс Норрис. Он действительно уже поднял ружье и теперь сжимал его в руке. Конец ствола упирался лежащей женщине в лоб.

– Брэд! Брэд, нет! – Они произнесли это почти хором, Амелия и Мэлларк.

Вот уж теперь у преподавателя получилось совсем по-девчачьи, тонко и пронзительно.

Но Брэд только дернул уголком рта.

А вот это действительно страшно: едва обозначенная усмешка, прищуренные глаза, снисходительно выгнутая бровь. И ни тени сомнения на лице, ни капли жалости.

– Брэд, не стой! Не надо! – Амелия осторожно шагнула к нему. – Ты только сделаешь хуже себе. Тебя посадят. Из-за нее. Представь! Ты не заслуживаешь этого. А она – недостойна, чтобы ты отвечал за нее. Брэд!

Пожалуйста, не надо. Отдай ружье мне.

Мелларк... или все-таки Шейла... добавила умоляюще:

– Действительно, Брэд... Отдай ружье. Прошу.

Амелия подошла почти вплотную, протянула руку, коснулась плеча бывшего пленника.

– Пожалуйста, – прошептала совсем тихо, перебирая в уме, что бы ему пообещать.

Она готова на что угодно, лишь бы Брэд не нажал на спуск. Ей плевать на мисс Норрис! А вот на него...

Черт! Да ее саму точно так же пришлось бы удерживать, выберись она из трехмесячного заточения в подвале и попадись ей в руки оружие. Она бы, наверное, и не думала, не тянула время, не слушала уговоры – сразу ткнула бы дулом в голову, без промедления.

– Брэд, ну пожалуйста. Отдай.

Он прикрыл глаза, закусил губу. Потом выпрямился, перехватил ружье, сунул его Амелии. Она растерялась, взяла за ствол:

– Брэд...

Он отвернулся равнодушно, в его взгляде была пустота. Переступил через мисс Норрис.

– Брэд! – это уже Гейл-Шейла.

Вцепилась в него, ощупывала голову, плечи. Словно проверяла на материальность. Или целостность. Потом и вовсе припала всем телом, обвила руками. И больше никаких сомнений, она сто процентов девушка.

Где раньше были у Амелии глаза? Обалдеть! Она еще и соблазнить пыталась. Ее! Теперь ясно, почему Мелларк не купился на девичьи прелести. И почему Сэлл мог запасть на препода: он явно был в курсе.

Амелия мотнула головой, надеясь, что мысли сами после тряски расставятся по местам: Шейла и Брэд – они вообще кто друг другу? Любовники?

Она отошла подальше, бросила ружье на диван.

Входная дверь распахнулась.

Да что за безумие?

На пороге возникла настоящая директриса, застыла, округлила глаза – то ли от возмущения, то ли от испуга – и выдохнула:

– В чем дело? Как вы сюда попали? Мисс Грин? Мистер Мелларк? – Она перевела изумленный взгляд с Амелии на Шейлу, заметила Брэда и его странный вид. – А это... это... Брэд Гриффит? Что вы здесь делаете?

Шейла посмотрела на нее с неприязнью, даже с угрозой.

– Спросите у своей сестры.

– У сестры? – в замешательстве повторила мисс Нор-рис. – Элейн. А где Элейн?

– Там, – вмешалась Амелия, махнула рукой в сторону подвала. – И Брэд тоже был там, а не сбежал. Сидел взаперти все три месяца. Тут, у вас. Вы знали?

Из подвала донесся шорох, тихий стон, потом прозвучало:

– Опал...

– Уходите! – воскликнула директриса. – Возвращайтесь в школу!

– Я вызову полицию, – предупредила Шейла.

– Вызывайте. – Мисс Норрис покорно кивнула, а из-за проема, ведущего в подвал, опять донеслось:

– Опал! Помоги мне.

– Уходите, – с мольбой повторила директриса.

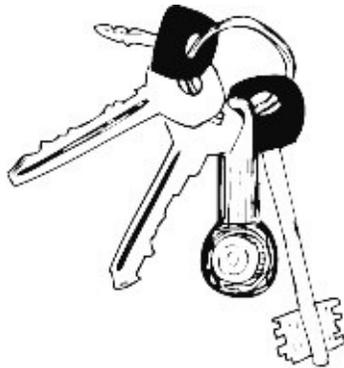
Амелия первой направилась в сторону входной двери.

Да уж. Надо убраться подальше отсюда. И чем быстрее, тем лучше.

Глава 51

Опал

Беспокойство.

Иногда причины его лежат на поверхности: это бытовые проблемы, личная жизнь, масса тягостных дней, похожих один на другой.

Но оно уходит – пусть не сразу, со временем...

Правда, иногда видимых причин для беспокойства нет. Они всплывают из недр подсознания. Ты смотришь на фотографию своих родителей, осознавая, что те дни давно ушли в небытие и больше не повторятся. Или на снимок братишки, погибшего нелепо и слишком рано. Или на свою сестру, похожую на тебя как две капли воды внешне и абсолютно другую изнутри... И испытываешь беспокойство. Беспричинное беспокойство.

Тебе хочется заглушить его быстро и разом: алкоголем, мимолетной связью с женатым мужчиной, эпатажным поведением. Да! И причины сами собой появляются – вырастают, как лужи после дождя, вспучиваются пузырями. И тебе – делов-то! – разрешить эти проблемы.

До следующего увиденного старого снимка или встречи с сестрой...

Я поняла это не сразу: что нарываюсь на неприятности специально, порчу свое здоровье, что ищу приключения на пятую точку. Мне не помогли беседы с психоаналитиком: я относилась к ним с большой долей скепсиса, возможно, из-за матери и Элейн. И собрания анонимных алкоголиков – да-да, туда я тоже наведывалась! – не произвели на меня никакого эффекта.

Нет, мое понимание себя пришло постепенно.

Сначала пропал этот мальчик. Проблема? Вполне себе. Сбежал. Начальник нашего участка полиции с легкой руки убедил меня в этом. И я

согласилась. Так удобнее. На все вопросы отвечаешь, что поиски ведутся, что дело в нестабильной психике подростка, а не в школе. Вопросы были...

Потом я вдруг поняла, что Элейн будто специально делает так, чтобы я срывалась. За ней всегда водился грешок манипулирования людьми. Моя сестрица – хороший кукловод, а все остальные вокруг – марионетки.

Я долго не поддавалась. Долго... Хотя ведь как сказать.

Нам было по шесть. Элейн заметила мальчика, соседа. Не помню точно, как его звали – Шон, кажется. Маленький, щуплый, настолько застенчивый, что при виде нас тотчас убежал к себе в дом. Но однажды сестра не дала ему сбежать, и он описался от страха. Его мать пришла жаловаться нашему отцу. Элейн мигом сообразила, что дело пахнет жареным, и начала на ходу придумывать жалостливую историю, что не она виновата, а этот самый Шон заставил нас обеих приспустить перед ним трусики и так долго разглядывал то, что под ними находилось, что в конце концов наделал в штанишки.

В тот раз мне не показалось чем-то зазорным поддержать сестру в ее, может быть, глупых оправданиях. Это было просто весело. Тем более семья Шона переехала месяца через два. Правда, Элейн успела схлопотать от их старшего сына – подростка лет тринадцати, который сначала вывалял сестрицу в придорожной пыли, а потом вообще спихнул в реку.

Почему я поддалась? Почему не сказала отцу правду? Почему сейчас она смотрит на меня застывшим взглядом, а я сижу в немом оцепенении?

В восемь лет Элейн увлеклась рисованием. И ладно бы рисовала, как все девочки ее возраста – кошечек, зайчиков и принцесс. Нет, она открывала анатомическую энциклопедию – старую, толстую, с пожелтевшими страницами, которую стащить из родительской библиотеки было не так-то просто, – и перерисовывала оттуда все подряд, включая гениталии.

Однажды рисунки обнаружил отец, и Элейн снова принялась фантазировать. Сказала, что нашла альбом на берегу реки, где сидели какие-то взрослые мальчики. Она во всех подробностях описала их внешний вид, уделив особое внимание типовой форме, – намекнула на то, что это баловство одного из студентов закрытой школы, той самой, которая находится под моим попечительством, а некогда была под крылом нашего отца.

То ли отец не поверил, то ли произошло еще что-то, а я оказалась не в курсе, но Элейн заперли в комнате и заставили выучить наизусть «Алису» Кэрролла. Сестра так распсиховалась, что разорвала книгу в мелкие клочья, и мне пришлось пожертвовать своими сбережениями, чтобы купить ей

новую: я очень переживала, что после подобной выходки ей придумают более суровое наказание.

И ведь таких случаев было еще довольно много!

Элейн частенько с особым увлечением рассказывала мне о своем воображаемом дружке Шоне. Она рисовала про него комиксы и прятала на чердаке, клеивала газетные вырезки, мешала реальные истории с выдумками. Иногда и я играла вместе с сестрой, но для меня эта фантазия про Шона никогда не принимала такого масштаба, какой она принимала для нее.

Нам было по девять лет. Отец застукал Элейн за тем, что та рассматривала свое полностью обнаженное тело в зеркале. Сестра пыталась приплести меня, но я в ужасе открестилась. Мы даже впервые в жизни сильно поссорились. Но помирились конечно же. Я заставила Элейн пообещать мне, – даже поклясться! – что она больше никогда не будет впутывать меня в свои фантазии.

Сестра плакала. Говорила, что она просто такая, какая есть. А потом я вдруг заметила, что Элейн стала меня копировать: манеры, поведение, даже слова и фразы. Но в тот момент посчитала это очередной игрой, забавной игрой... Во всяком случае, чудачеств стало меньше.

Довольно скоро настал период бед в нашей семье: погиб Патрик, мать замкнулась в своем горе, а отец пристрастился к алкоголю. Нам бы сблизиться с Элейн, но она как будто еще больше отстранилась – снова проводила много времени на чердаке, и, когда я спрашивала ее, что она там делает, сестра отвечала, будто пишет роман, но читать мне его не давала.

Все мы, каждый по отдельности и в то же время обремененные словом «семья», стали походить на гонимые ветром листья: вроде бы вместе и вроде бы каждый сам по себе. Эти метания нашей матери, эти бесконечные ремиссии, когда она просто топила нас с сестрой в своей заботе, и срывы, когда дома опять воцарялся хаос безразличия, – мне кажется, Элейн переносила все гораздо хуже, чем я. Потому что все происходившее с нами заставляло меня взрослеть, и я уже точно знала, чего хочу. А она... Она зачастую путала мир своих грез и реальность.

Увы, я поняла это чересчур поздно. И именно с того момента меня стали раздражать наши детские клички – Ло и Ли, – которыми мы называли себя чуть ли не с самого рождения.

Я помню все от и до. Возвращаюсь в прошлое и снова и снова вижу восковое лицо матери... У тебя пока еще не такое, Элейн... Не такое, Ли! Ты даже не «спишь» – ты лежишь и упрямо пялишься в потолок, как будто обиделась на весь мир, как в детстве. Как тогда, когда мать наглоталась

таблеток, а отец, обнаруживший ее, заработал инсульт... Элейн, как ты могла! Как ты могла просто-уйти-гулять!

Хотя могла вызвать «неотложку». Хотя *должна была* вызвать «неотложку»...

Мне кажется, даже на похоронах родителей моя сестра не до конца осознавала, что именно произошло, а я была слишком убита горем, чтобы что-то с этим сделать... Как и сейчас! Как-и-сейчас...

Но, кажется, я отошла от темы.

Я крепче прижала Элейн к своей груди, качнула ее, словно маленького ребенка, – я всегда успокаивала ее так, когда мы были детьми, – провела ладонью по растрепавшимся волосам.

Бедная моя... Нет! Это я виновата, что недоглядела за тобой, как когда-то недоглядела за Патриком. Или, скорее, предпочитала оставаться слепой, не замечать очевидного.

Меняхватило только на то, чтобы отправить тебя на прием к психоаналитику. Но я даже не удосужилась послушать кассеты с сеансов! Все время откладывала, находила более срочные дела. Видимо, боялась узнать из них что-то такое, что окончательно лишило бы меня покоя, вырвало бы из моих рук соломинку, за которую я упрямо держалась.

А правда оказалась вот такой. И как бы я ни бежала от нее, она все равно меня настигла. Ящик Пандоры приоткрылся, только хранились в нем не беды, а горькие истины.

Вернувшись из города и застав полный разгром у себя в кабинете, я готова была подумать на кого угодно, но оказалось невозможным не заметить очевидного: кто-то вытащил из сейфа все записи сеансов.

Я отыскала миссис Пафф, которая всегда была в курсе всех происшествий в школе.

– Не знаете, кто заходил в мой кабинет, пока я была в отъезде?

Миссис Пафф поджала губы:

– Преподаватель химии. Гейл Мелларк. Но в тот момент вы тоже были там.

– Где «там»?

– В своем кабинете.

О чем она?

– Я только что подъехала.

Толстуха в недоумении мотнула головой и повторила:

– Только что приехали? – впиалась в меня въедливым взглядом. – Тогда кто же там был, если не вы?

Внезапно возникла совершенно нелепая мысль.

Нет! Не может быть!

Я помню эти игры Элейн, когда она пыталась копировать меня. Но чтобы так – прикинуться мной и проникнуть в школу под видом директора? Неужели она решилась бы на подобное? Но как еще объяснить случившееся?

– Мне нужно идти. Срочно идти!

Я ничего не стала объяснять миссис Пафф. Она пыталась удержать меня, но я оттолкнула ее руку и двинулась прочь.

Мне действительно нужно идти. Нужно бежать! Скорее бежать! Я должна обо всем расспросить Элейн. *Я должна.*

Я распахнула дверь ее дома, перешагнула порог. У меня было дурное предчувствие, я знала, что могу застать нечто страшное... Но то, что меня ожидало внутри, я и представить не могла. Даже в самом кошмарном сне.

Прости меня, Ли!

Но как я могла еще поступить?

Ты звала меня, ты просила о помощи. И я поскорее выпроводила этих детей – меня не заботило то, что они могут предпринять, – и бросилась на твой зов. А ты... ты встретила меня странным восклицанием:

– Опал, ради бога, только не говори, что позволила ему уйти!

– Кому?

Я словно с разгона налетела на стену. Туман неведения и самообмана еще не рассеялся окончательно, но сквозь него уже проступил жуткий силуэт. А потом прозвучало имя:

– Шону.

– Элейн! О чем ты? Элейн! – Я приблизилась к сестре, присела рядом, ухватила протянутую ко мне ладонь. – Какой еще Шон? Его не существует.

Сестра придвинулась.

– Я тоже так думала. – Она доверительно зашептала мне почти в самое лицо. – Думала, его больше не существует. Что теперь он в аду. Но он вернулся. Понимаешь? Он вернулся. Даже после того, как ты убила его.

Бог мой! Ее глаза горели безумством и одержимостью.

– Что ты несешь, Элейн? Я? Убила? Шона не существует вовсе не поэтому. Его никогда не было! Это твоя выдумка, Элейн! Глупая детская выдумка!

– Нет, нет, нет, – забормотала сестра. – Ты же видела его. Там, наверху. Я держала его в подвале, чтобы он больше не причинил вреда. Никому. Но он выбрался. Эта гадкая девчонка выпустила его. И теперь его нужно вернуть. Обязательно нужно вернуть.

– Это никакой не Шон. Это Брэд Гриффит.

– И ты поверила? – Элейн сердито отпихнула меня. – Он и мне пытался впарить эту ерунду. Но меня ему больше не обмануть. Это Шон, Опал! Это он! Как ты могла не разглядеть?

Наверное, этот ужасный разговор мог бы тянуться вечно, но я уже поняла всю его бессмысленность. Осознала всю глубину пропасти, в которую ты падала, Ли. Все остальные давно уже находились на дне: и Патрик, и мама, и папа. Только я еще удерживалась на краю. Но ты тянула меня за собой и молила о помощи.

Так как я могла отказать? Ты – моя сестра, моя родная кровь. Моя тень. Моя вторая суть.

Ружье – старое отцовское ружье – почему-то валялось на диване, когда я пришла в дом к Элейн. Я не знала, откуда его взяла мисс Грин или этот мальчик – Мелларк... Мальчик ли? У него был слишком высокий голос в тот момент, когда он грозил полицией. Неважно.

Пообещав Элейн, что далеко не уйду, я поднялась за ружьем. Да, оно так и лежало: его не забрали, оно не исчезло. Я взяла оружие и вернулась в подвал, а пока отмеряла ступеньку за ступенькой, терзала себя мыслью, что не смогу, не осилю, не осмелюсь. Да, я – трусиха. Странно? Но палец сам лег на спусковой крючок.

Раздался выстрел, я инстинктивно зажмурилась.

Не знаю, почувствовала Элейн в это мгновение боль, страх или... облегчение? Она только судорожно дернулась, а я наконец-то отбросила ружье, чтобы подскочить к сестре, сжать ее в последнем объятии, сказать горькое «прости» за то, что предпочитала не видеть творившееся у меня под носом...

Маленькая моя Ли! Сестричка! Зеркальный мой двойник! Когда разбиваются зеркала, начинаются несчастья... Я разбила. Разбила свое зеркало сама. Сама...

Я пошарила рукой по полу, не отрывая глаз от стекленеющего взора Элейн. Нащупала ружье, подтянула его к себе, ухватившись за гладкий ствол. Перезарядила. Вроде смогла... Поцеловала сестру в бледный остывающий лоб... Приложила холодное дуло к своей груди, в которой, кажется, уже давно поселилась пустота...

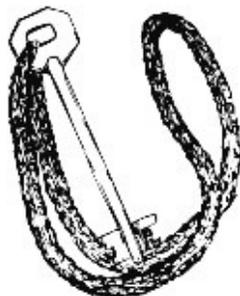
Потянулась, чтобы нажать на спусковой крючок...

И нажала.

Глава 52

Сэлл

Ее настоящее имя – Шейла.

Да, она так и представилась, войдя по звонку в лабораторию, будто делала это в первый раз:

– Меня зовут Шейла Гриффит. – Задумчиво покрутила браслет часов на запястье, посмотрела куда-то в окно, а потом неспешно покинула кабинет, разорвав гробовую тишину стуком каблучков.

Такого еще никогда не было, чтобы все эти недоумки не проронили ни слова, чтобы вообще не произнесли ни звука, чтобы втыкали молча и чтобы у каждого на лице было нарисовано полное недоумение.

Зато под футболкой Сэлла будто динамит взорвался! Сердце грохотало словно длиннющий тяжелый состав из Джорджтауна в Силвер-Плум. Что теперь будет? Если она вот так, здесь, перед ними, перед которыми и оправдываться-то не стоит, призналась... Пойдет теперь прямиком к директорисе? Но зачем?

Кажется, Сэлл давно этого ждал – что рано или поздно все раскроется, встанет на свои места. Только радости отчего-то не испытывал – наоборот!

Он с грохотом рванул из-за стола, задел стул соседнего ряда, на котором частенько сидела Зубатка-Саммер, по дороге споткнулся обо что-то, услышал бессвязные обрывки фраз... Но в ушах шумело адски громко, перед глазами появилась сетка помех, виски плавилась, и не хватало воздуха, чтобы просто вдохнуть. Захотелось оторвать собственную голову и выкинуть ее к чертям собачьим! Это сошло бы за меньшее из зол... Но что теперь будет?

Уже в дверях что-то мягкое сработало буфером. Парень ткнулся в него пару раз – тщетно.

– Молодой человек, сядьте на свое место! Модуль только начался! –

ворвался в сознание оглушительный голос миссис Пафф. Опять эта дура-мамонта выростала у него на пути в самый неподходящий момент.

Но прорвать оборону оказалось невозможным. Да и силы резко покинули Сэлла. Так резко, что он попятился, пошатнулся, уперся в угловую стену и...

– Но вы – не химик, миссис Пафф! Не в вашей компетенции проводить намеченную лабораторную. Или хотите сказать, что реально шарите в молекулярной химии? – Усмешки Лохматого сразили своей внезапностью не только Сэлла. – Нет? Тогда будьте любезны, расчистите путь!

Женщина захохотала в нетипичной для нее манере, ее щеки-мешки заходили, раздуваясь, – она явно готовилась обрушить лавину ругани на всех, кто посмел влезть ей под руку.

– Да вы... Да я... – хватая ртом воздух, трубила слониха.

– Тише, тише! Поршневой компрессор может перегреться. И тогда все.

– Что «все»? – выпучила глаза Пафф, недоумевающая, при чем здесь компрессор.

– Все, – ухмыльнулся Паркл. Шаркнув ногой, сократил расстояние до минимума между собой и надзирательницей и, процедив громким шепотом, выдохнул прямо ей в лицо: – БУФ-ф-ф!

Точно что-то разорвалось под футболкой! Второй раз. Сэлл съехал вниз по стенке, уперся локтями в колени, закрылся лицо ладонями. А вокруг только нарастали голоса:

– Выходит, Гейл Мелларк... то есть Шейла – сестра Брэда?

– Она нашла его?

– Кто-нибудь видел Брэда?

– Я видел Брэда! В саду, из окна! Думал, меня глюкануло...

– Меньше дури кури!

– Нет, я тоже видел! Сегодня! У кабинета миссис Норрис!

– И не у кабинета, а ночью в холле. Это за ним «неотложка» приезжала!

– И полиция была!

– А я слышала, в каком-то доме два трупа нашли, все в кровище...

– Да че вы гоните?

И толпа зачем-то ломанулась к окну.

– Сэлл, ты как? Может, воды?

Парень вскинулся, поднял глаза, улыбнулся – Амелия. Мотнул головой – мол, не надо, но на протянутую руку оперся и встал. Пожал пару раз теплую ладонь, перебрал тонкие девичьи пальчики и не выпустил. Больше не выпустил! Потацил девчонку куда-то. Да она и не сопротивлялась.

У парадного входа уже стояло такси, кто-то сидел на переднем пассажирском сиденье. Водитель курил чуть в стороне, охранник таранился в его сторону, проявляя показную бдительность. В воздухе стоял запах раскрывшейся в полную силу осени. Было зябко, несмотря на выглянувшее из-за облаков солнце.

На боковом крыльчке жилого корпуса показалась хрупкая фигурка в черном мужском костюме. Она стремительно приближалась к воротам, и жабо на ее белоснежной рубашке, сумевшее наконец-то выпрыгнуть наружу из-под тесного плотного пиджака, трепетало от порывов пронизывающего ветра.

Сэллу хотелось броситься навстречу, накинуть на плечи Шейлы свою рубашку, сказать нечто важное, самое главное, что согрело бы, одарило теплом... Да только было ли такое в его словарном запасе? Парень выскочил на порог здания в одной футболке, его самого грела чья-то чужая рука и чье-то чужое слово. Он глянул на Амелию, которая ему едва заметно улыбнулась. Кажется, она чего-то опасалась. Но он развеял ее сомнения – тоже улыбнулся.

Шейла шла налегке. Ее чемодан и дорожную сумку укладывал в багажник такси садовник.

Почему садовник? Да кто ж его знает!

Афроамериканец обогнул машину, окликнул водителя, чтобы тот наконец бросал свою сигарету и готовился к отъезду. Затем галантно открыл дверь, предложив разместиться пассажирке на заднем сиденье. Перед тем как Шейла оказалась в салоне, кажется, пожелал ей что-то на прощание, и, кажется, та ему что-то ответила. А потом садовник обернулся... Обернулся и намеренно выловил в толпе взгляд Сэлла. Махнул ему рукой, хлопнул дверцей, и литые диски желтого авто блеснули на солнце, на миг ослепив парня.

– Ну вот и все, – повторил слова Паркла Сэлл и ухмыльнулся, вроде даже по-доброму.

– Что «все»? – тихо спросила Амелия.

– БАФ-ф-ф! – хохотнул он.

И с этим «баф-ф-ф» выскочила наружу та заноза, что сидела долго в его сердце.

– Ты меня пугаешь, мистер Смит...

– А ты, оказывается, трусишка, миссис Смит?

– Это я-то трусишка?

– Ты! Ты!

– Я?!

- Ты!
- Н-ну мис-тер Смит!
- Ты от меня так просто не отделаешься, миссис Смит!
- Да я и не собиралась!

Эпилог

– Добрый день! – прозвучало мягко, но достаточно громко.

Задремавший охранник вскинулся, но не увидел ничего необычного. В окошко его будки заглядывал мужчина, довольно молодой и выглядевший вполне приятно. Это он поздоровался.

– Добрый день! – откликнулся охранник. – Вы что-то хотите?

– Да. – Мужчина улыбнулся чуть иронично, но тоже вполне приятно. – Пройти в школу. Я новый преподаватель химии. Вместо уволившегося. Вас разве не предупреждали?

– Конечно, конечно! – кивнул охранник и уже протянул руку к кнопке, отпирающей калитку, но вовремя опомнился. – А как ваше имя?

– Шадоу, – представился мужчина. – Шон Шадоу.

Охранник торопливо сверился с журналом и наконец ткнул в кнопку. Автоматический замок лязгнул, калитка открылась, пропуская визитера.

Преподаватель химии вошел на территорию школы, застыл на миг возле будки охранника. Тот высунулся в дверной проем:

– Добро пожаловать, мистер Шадоу!

Мужчина в ответ вежливо улыбнулся и зашагал по аллее легкой, почти невесомой походкой.

Примечания

1

Майкл Экерт – американец, мировой рекордсмен (50 подтягиваний за 1 минуту). Сержант корпуса морской пехоты США, а также персональный фитнес-тренер. – *Здесь и далее примеч. автора.*

2

Кто есть кто? (исп.)

3

Ваше имя, пожалуйста? (фр.)

4

Слайс – резаный удар, в результате которого мяч уже в полете отклоняется от заданного направления и имеет сложный непредсказуемый отскок.

5

Форхенд – удар в большом теннисе, при котором кисть рабочей руки обращена к мячу пальцами.

Table of Contents

[Стеф Хувер Клетка](#)

[Пролог](#)

[Глава 1 Шейла](#)

[Глава 2 Амелия](#)

[Глава 3 Сэлл](#)

[Глава 4 Элейн](#)

[Глава 5 Амелия](#)

[Глава 6 Амелия](#)

[Глава 7 Сэлл](#)

[Глава 8 Элейн](#)

[Глава 9 Шейла](#)

[Глава 10 Сэлл](#)

[Глава 11 Амелия](#)

[Глава 12 Сэлл](#)

[Глава 13 Элейн](#)

[Глава 14 Сэлл](#)

[Глава 15 Шейла](#)

[Глава 16 Амелия](#)

[Глава 17 Элейн](#)

[Глава 18 Амелия](#)

[Глава 19 Сэлл](#)

[Глава 20 Шейла](#)

[Глава 21 Элейн](#)

[Глава 22 Амелия](#)

[Глава 23 Амелия](#)

[Глава 24 Шейла](#)

[Глава 25 Сэлл](#)

[Глава 26 Амелия](#)

[Глава 27 Элейн](#)

[Глава 28 Сэлл](#)

[Глава 29 Шейла](#)

[Глава 30 Сэлл](#)

[Глава 31 Амелия](#)

[Глава 32 Элейн](#)

[Глава 33 Шейла](#)

[Глава 34 Сэлл](#)
[Глава 35 Амелия](#)
[Глава 36 Элейн](#)
[Глава 37 Шейла](#)
[Глава 38 Сэлл](#)
[Глава 39 Элейн](#)
[Глава 40 Амелия](#)
[Глава 41 Амелия](#)
[Глава 42 Сэлл](#)
[Глава 43 Шейла](#)
[Глава 44 Сэлл](#)
[Глава 45 Амелия](#)
[Глава 46 Элейн](#)
[Глава 47 Сэлл](#)
[Глава 48 Шейла](#)
[Глава 49 Амелия](#)
[Глава 50 Амелия](#)
[Глава 51 Опал](#)
[Глава 52 Сэлл](#)

[Эпилог](#)

[Примечания](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)